

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Тивари Саурабх

Выражение падежных значений в русском языке и хинди в
сопоставительном аспекте

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
кандидат филологических наук, доцент
Н.В. Новоспасская

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ	14
1.1. Определение категории падежа и аспекты его изучения в лингвистических исследованиях.....	14
1.2. Эволюция понятия падежа: от античной традиции к современным теоретическим моделям	17
1.3. Типология падежных систем	24
1.4. Типологическая дихотомия синтетических и аналитических языков	29
1.5. Подходы к изучению категории карака в индийской лингвистике	35
1.6 Санскритские караки и их связь с падежами русского языка	39
Вывод к первой главе	43
ГЛАВА 2. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА	45
2.1. Именительный падеж в русском языке.....	45
2.2. Родительный падеж в русском языке:	59
История родительного падежа в русском языке	68
2.3. Дательный падеж в русском языке	70
2.4. Винительный падеж в русском языке	80
2.5. Творительный падеж в русском языке	90
2.6. Предложный падеж в русском языке.....	102
Выводы ко второй главе	112
ГЛАВА 3: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА И ХИНДИ.....	114
3.1. Грамматические структуры в русском и хинди	115
3.2. Сравнительно-сопоставительный анализ: именительный падеж и Карта-карак	119
3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ: родительный падеж в русском языке и Самбандх-карак, Ападан-карак в хинди.....	124
3.3.1. Сравнение родительного падежа и самбандх-карака:	132
3.3.2. Сравнение родительного падежа и ападан-карака:	133
3.4. Сравнительно-сопоставительный анализ: дательный падеж и Сампрадан-Карак....	134
3.5. Сравнительно-сопоставительный анализ: винительный падеж и Карма-карак.....	142
3.6. Сравнительно-сопоставительный анализ: творительный падеж и Каран-карак.....	148
3.7. Сравнительно-сопоставительный анализ: предложный падеж и Адхикаран-карак .	154
Выводы к третьей главе	162
Заключение	164
БИБЛИОГРАФИЯ.....	168

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия лингвистика фокусируется на вопросах грамматической и семантической структуры языков, их сравнительном анализе и выявлении типологических различий. Особую роль в языковой системе играют падежные значения, выражающие синтаксические и семантические отношения между словами. Исследование механизмов передачи падежных значений в разных языках позволяет глубже понять универсальные и специфические особенности грамматических систем.

Лингвистический феномен русского языка и хинди – их принадлежность к индоевропейской языковой семье при значительных типологических расхождениях – предполагает поиск новых подходов к сопоставительному изучению грамматических систем. Русский язык, являясь языком синтетического строя с развитой флективной падежной системой, и хинди, представляющий собой язык аналитического типа с системой карака с использованием послелогов, демонстрируют различные способы выражения семантико-синтаксических отношений между словами в предложении.

На современном этапе развития сопоставительной лингвистики становится необходимым учет типологических особенностей разноструктурных языков и создание комплексных методик их сравнительного анализа. Это включает разработку теоретических моделей, позволяющих эффективно выявлять соответствия и различия в грамматических системах русского языка и хинди, что имеет значение как для теории языка, так и для практики перевода и преподавания.

Степень научной разработанности проблемы. К числу исследований, посвященных анализу падежных систем и способов выражения падежных значений, относятся работы, которые охватывают следующие аспекты:

- **системы падежей в русском языке** относятся труды: В.В. Виноградова (1972), в которых анализируется грамматическое учение о слове и система падежей; П. Я. Черных (1952) и А.А. Зализняка (1973, 1977) о теоретических проблемах падежа и грамматическом словаре русского языка; А.М. Пешковского (1956) о синтаксисе и падежных конструкциях; Н.Ю. Шведовой

(1980) в рамках академической «Русской грамматики»; С.А. Лутина (2005, 2007 и др.) о функционально-семантическом аспекте падежей и проблемах переходности;

- **системы карака в хинди и санскрите** в трудах: Панини (IV в. до н.э.) в «Аштадхьяи», где впервые формализована теория карака; Катъяяны и Патанджали [Патанджали 2018] в комментариях к грамматике Панини; И.С. Рабинович, Е.Н. Челышев (1962) писали о грамматике имени в хинди; Y. Kachru (1986) о грамматике хинди и системе карака; Т. Mohanan (1994) об аргументной структуре в хинди; С.Р. Masica (1991) об индоарийских языках; R. Pandharipande (1990) о синтаксисе хинди; А.А. Сигорского (2000, 2005) об эргативной конструкции и деепричастии в хинди;

- **сопоставительного анализа падежных систем русского языка и хинди** посвящены работы: С. Suman, J. Kiran (2023) о грамматических падежах в русском и хинди; Е.В. Кирьяновой (2022) о сопоставлении систем падежей в русском и хинди на материале учебных текстов; К. Чандры (2003) об имени существительном в русском языке как объекте изучения говорящими на хинди; К. Сулабхи (1998) о лингвометодических основах обучения русскому словоизменению индийских студентов;

- **типологии падежных систем и теоретических проблем падежа** в работах: Б. Комри (1998) о типологии падежей; Ч. Филлмора (1968) о падежных ролях; И.А. Мельчука (1997, 1998) об общей морфологии и падеже; П.М. Аркадьева (2009) о падежах в языках мира; Р. Якобсона (1963) о типологических исследованиях; А.Е. Кибрика (1992, 1997) об именных падежах в русском синтаксисе.

Вопросы выражения падежных значений в русском языке и языке хинди рассмотрены в ряде современных исследований. Сопоставление значений и форм выражения падежей в двух языках представлено в работе А. Ананд, Е.Ф. Косицыной и Н.М. Румянцевой (2024), в которой акцент сделан на семантические и структурные особенности выражения падежных значений. Типологический подход к грамматическим категориям русского и хинди языков разработан в исследовании Н.А. Андреевой (2020), в котором предложена классификация

основных грамматических различий категории склонения. В зарубежной литературе также представлен интерес к данной теме: K.D. Rajesh и A. Mishra (2023) предложили сопоставительный анализ грамматического падежа в русском и хинди и модель типологических соответствий. А. Gerasimova, Т. Ivanova (2022) рассматривают функционирование падежей в русском языке в рамках политического дискурса. Хотя обозначенные исследования охватывают отдельные аспекты сопоставления падежных систем, большинство из них фокусируется либо на одном языке, либо на конкретной падежной категории. Это свидетельствует о необходимости комплексного сопоставительного анализа выражения падежных значений в русском языке и хинди в рамках единого типологического подхода.

Актуальность данного исследования определяется рядом теоретических и практических факторов:

1. Сравнительный анализ разноструктурных русского языка и хинди, которые относятся к различным типологическим системам – флективной и агглютинативно-аналитической соответственно, позволяет выявить универсальные механизмы грамматического кодирования синтаксических и семантических отношений, таким образом, сопоставительное изучение способов выражения падежных значений в этих языках имеет типологическую значимость.

2. Падежная система является ключевым компонентом грамматического строя языка. Сопоставление таких систем в русском и хинди даёт возможность уточнить типологические параметры, связанные с синтетизмом и аналитизмом, выражением роли участника в высказывании, а также взаимодействием морфологии и синтаксиса.

3. Несмотря на наличие исследований по падежной системе русского языка и системы карака в хинди, комплексный сопоставительный анализ способов выражения падежных значений остаётся недостаточно проработанным. Это исследование восполняет данный пробел и систематизирует ранее разрозненные данные.

4. Актуальность для лингвистических технологий: развитие автоматизированного перевода, синтаксического анализа и других приложений

компьютерной лингвистики требует точного описания падежных структур. Сравнительный анализ данных языков может быть полезен при построении моделей обработки естественного языка и алгоритмов машинного перевода.

Исследование находится на пересечении теоретической лингвистики, прикладного языкознания и когнитивной науки, что делает его актуальным в рамках современных междисциплинарных подходов к описанию языковых явлений.

Гипотеза исследования заключается в том, что морфологические системы родственных русского языка и хинди имеют семантическую категорию падежа, падежная система русского языка функционально эквивалентна системе карака хинди, которая отличается более строгой привязкой к семантическим ролям участников коммуникации. Различие в распределении падежных значений в русском языке тесно связано с грамматическими категориями числа, рода и одушевленности, в то время как в хинди система карака является более гибкой и может выражать значения с помощью постпозитивных элементов.

Цель исследования состоит в установлении закономерностей выражения грамматической категории падежа в русском языке и в хинди в сопоставительном аспекте: выявлении функциональных соответствий между шестью русскими падежами и системой карака в хинди, а также определении типологических различий в способах маркирования субъектно-объектных, посессивных, инструментальных и локативных отношений.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить методологию исследования падежных значений в русском языке и системы карака в хинди на основе обзора релевантной лингвистической литературы; проанализировать способы выражения падежных значений в русском языке, фокусируясь на грамматических и семантических функциях, рассмотреть влияние исторических факторов на формирование современной системы склонения;

2) выявить механизмы передачи падежных значений в системе карака в хинди, анализируя использование постпозиций, падежных окончаний и аналитических конструкций, рассмотреть влияние исторических факторов;

3) провести сопоставительный анализ способов выражения падежных значений в русском языке и хинди для определения универсальных и специфических характеристик падежной системы и системы караков; выявить сходства и различия в функционировании падежных конструкций и системы карака и определить их роль в организации высказывания;

4) предложить модели интерпретации падежных значений при переводе с русского языка на хинди и наоборот.

Объектом диссертационного исследования являются падежная система в русском языке и система карака в хинди.

Предметом исследования выступают грамматические и семантические свойства системы падежей и их функциональные особенности в русском и хинди, их влияние на синтаксическую структуру предложений, а также различия в использовании падежных конструкций в различных коммуникативных контекстах.

Материалом исследования послужил корпус примеров русского языка и хинди, собранных автором из лексикографических и грамматических источников, включающих русские академические грамматики, учебники по грамматике хинди, художественные и публицистические тексты. В анализ включены примеры из Национального корпуса русского языка, что позволило изучить функционирование падежных значений в реальной коммуникации. Методом сплошной выборки получен корпус из 500 контекстов, содержащих падежные формы русского языка и 500 соответствующих им конструкции с послелогом в хинди двух типов: 1) контексты из художественной литературы, где падежная форма употреблена в речи персонажа и сопровождается литературным эквивалентом; 2) контексты из публицистических текстов и корпусных данных, где падежная форма определена как репрезентативная для выражения соответствующего карака в хинди; в дальнейшем проведён сравнительно-сопоставительный, этимологический,

семантический и грамматический анализ с помощью грамматических описаний русского языка и теории карака Панини.

Теоретико-методологической основой данного диссертационного исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области:

– **лингвистической семантики** Й. Трир (1931); Д.Н. Шмелев (1973); Н.А. Гоголина (1986); О. Г. Твердохлеб (2000); О.С. Чеснокова и др. (2022); J. Baldridge (2022);

– **теории синтаксиса и грамматической типологии** И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко (1971); Л.В. Лопатин (1979); Я. Кобылко (2025); Е.С. Скобликова (1979); U.N. Singh (1980); С.А. Лутин (1990); Г.Ф. Лутфуллина (2023); M.S. Polinsky (1998); Л.Н. Сидоренко (1998); J.E. Lavine (1999, 2000); А.А. Сигорский (2000, 2005); Ю.А. Левицкий (2001); А.Ф. Дрёмов (2001); Е.В. Перехвальская (2003);

– **изучения падежных систем в типологическом и сопоставительном аспекте** Ю.С. Маслов (1984); Б.А. Успенский (1993); Г.Ф. Лутфуллина (2022); Г.К. Хамзина (1998, 2002); И.В. Федотова (2001); J. Cenoz, Н.Н. Van der Jessner & J.N. Van der Velde (2001); Н.Л. Голубева (2002); D.I. Эдельман (2002а, 2002б); F. Kortland (2002); J. Blaszczak (2003); К. Чандра (2003); M. Everaert (2017); О.И. Валентинова и М.А. Рыбаков (2022); Е.В. Кирьянова (2022); О.Н. Петрова (2023); С. Suman & J. Kiran (2023); А. Хамедихах (2024); С.Н. Цейтлин и Т.А. Круглякова (2024); Н. Hledíková & M. Ševčíková (2024);

– **контактной лингвистики и пиджинизированных форм русского языка** А.Н. Шаматов (1974); G.G. Corbett & B. Comrie (1993), В.Н. Русинов (1988); M.S. Polinsky (1998, 2021); Н.Б. Вахтин (2004); П.М. Аркадьев (2009); А.Ф. Дрёмов (2001); Е.В. Перехвальская (2003);

– **лингвистики хинди и других индийских языков** А.Т. Аксенов и Н.М. Сазонова (1974); М.К. Verma (1976); В.П. Липеровский (1978), Т.Е. Катенина и В. И. Рудой (1980); A. Singh (1980, 2018); Y. Kachru (1986); З.М. Дымшиц (1986); R. Pandharipande (1990); С.Р. Masica (1991); Т. Mohanan (1994); К. Сулабха (1998); А.А. Сигорский (2000, 2005); Т.Я. Елизаренкова (2004); B.N. Patnaik (2004); B.N.

Patnaik (2004); A. Montaut (2004); D.T. McGetchin (2009); M. Shankar (2009); J.E. Houben (2017); T. Joseph (2018);

– **проблем языкового смешения и билингвизма в Южной Азии** J. Baldridge (1996, 2002); H.F. Shiffman (2003); B.B. Kachru (2006, 2015); H.F. Shiffman (2003); A. Dhillon (2004); Н.Н. Нок (2005); К. А. Трушкин и В. С. Горбунова (2014);

– **типологии языков с эргативными конструкциями** О.Ю. Богуславская (1990); С.А. Лутин (1990); J.E. Lavine (1999); J. Blaszczak (2003); Н.А. Андреева (2020).

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного сопоставительного анализа системы падежей русского языка и системы карака в хинди, выявлении универсальных и специфических способов их выражения. Впервые проводится анализ функционирования падежных значений в динамике речи и их влияния на синтаксические конструкции. Впервые выявлено, что русский родительный падеж функционально распределяется между двумя караками хинди — *самбандх* (принадлежность) и *ападан* (источник/отделение). Уточнена принадлежность хинди к языкам флективно-агглютинативного типа с сильными аналитическими чертами.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, работе уточнены типологические характеристики падежной системы русского языка как флективной, полифункциональной и системы карака в хинди как аналитической, с более строгой привязкой к семантическим ролям, *установлении* системных функциональных соответствий между шестью русскими падежами и шестью основными караками хинди (карта, карма, каран, сампрадан, ападан, адхикаран), а также *выявлении* зоны расхождения, включая дифференцированное маркирование объекта в хинди (послелог *ко* для одушевлённых/определённых объектов) и эргативную конструкцию с маркером *не*, не имеющую аналога в русском синтаксисе. Методологический вклад: предложена модель сопоставительного анализа, основанная на различении глубинного семантического уровня (карак) и поверхностного грамматического уровня (падежные формы/послелогии), что может быть экстраполировано на другие пары языков.

Исследование способствует дальнейшему развитию сопоставительной грамматики и теории падежа и позволяет углубить представления о грамматических категориях и способах их выражения в языках разных типов.

Практическая значимость исследования заключается в его применении к изучению грамматических систем русского и хинди. Данное исследование станет ценным ресурсом для курсов по общей и русской лингвистике. Его результаты будут полезны для занятий по теоретической и исторической грамматике, лингвистической типологии, а также для студентов, работающих над курсовыми и дипломными работами. Сопоставительный анализ падежей и системы карака позволяет глубже понять точки схождения и расхождения между славянскими и индоарийскими языками. Более того, это исследование открывает новые возможности для творческого подхода в сравнительной лингвистике и находит применение в области искусственного интеллекта, практического и машинного перевода, способствуя повышению точности языковых моделей, работающих с русским и хинди, особенно в задачах, связанных с распознаванием и генерацией звательных конструкций.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**:

сравнительный анализ – для выявления общих и различающих языки способов выражения падежных значений в русском и хинди и для установления типологических сходств и различий между морфологическими и синтаксическими средствами этих языков;

анализ грамматических описаний и корпусных данных – при сопоставлении падежных систем, выявлении инвариантов и вариантов реализации падежных значений в текстах разного стиля и жанра;

классификация – при разработке типологии формальных средств выражения падежа (аффиксация, служебные слова, порядок слов и др.) и выделении функциональных эквивалентов падежных конструкций в обоих языках;

количественный метод с элементами статистического анализа – для оценки частотности тех или иных средств выражения падежных значений в параллельных и одноязычных корпусах; при разработке показателей

количественного распределения форм падежа и их корреляции с синтаксическими функциями; при обработке корпусных данных и автоматизации расчетов вероятностей и частот падежных конструкций в рамках сопоставительного анализа;

метод типологического индексирования – для определения степени аналитичности/синтетичности падежного выражения в русском и хинди, с последующим кластерным анализом на основе формальных и семантических признаков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русский и хинди – родственные языки, принадлежащие к индоевропейской языковой семье, что определяет наличие одинаковых грамматических категорий имени, включая склонение и сходную систему падежных значений. Исследование показывает, что общее генетическое происхождение не приводит к изоморфизму грамматических систем: сходная система падежных значений в рассматриваемых языках реализуется принципиально разными средствами — флективными в русском и аналитическими (послелогои) в хинди.

2. Система карака в хинди выполняет функции падежной системы, но имеет более строгую привязку к семантическим ролям участников ситуации, что определяет различия в распределении падежных значений.

3. Падежные категории в русском и хинди демонстрируют функциональную эквивалентность, что подтверждается их ролью в выражении синтаксических и семантических отношений.

4. При переводе с русского на хинди необходимо учитывать разницу в механизмах выражения падежных значений, что влияет на синтаксическую структуру предложений и требует адаптации грамматических конструкций.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается представленным анализом обширной теоретической базы по теме исследования, отбором материала, проанализированного в практической части исследования, а также апробацией посредством обсуждения на

конференциях различного уровня и публикаций в рецензируемых научных журналах.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на заседании кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Результаты диссертационного исследования отражены в научных докладах, представленных автором на следующих научно-технических мероприятиях: Международная научно-практическая конференция «Язык как искусство» (РУДН, Москва, 24 апреля 2024); Международная научно-практическая конференция «Язык и культура: взгляд молодых» (РУДН, Москва, 24 апреля 2023); Международная научно-практическая конференция «Развитие теории языка на рубеже веков» (РУДН, Москва, 24 апреля 2024);

Соответствие паспорту научной специальности: научные положения настоящей диссертационной работы соответствуют паспорту научной специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика в пп. 12. Теоретические проблемы морфологии. Теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений; 16. Типологически ориентированное описание языков.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, которые разделены на параграфы, заключения, списка использованных источников (178 источников). Полный объем работы составляет 184 страниц.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Тивари, С. Сравнительное изучение падежных систем в русском языке и хинди: типологические и функциональные аспекты / Саурабх Тивари // *Philology. Theory & Practice*. – 2025. – № 2. – С. 480–486.

2. Тивари, С. Comparative study of the category of nominative case in Russian and Karta-Karaka in Hindi: typological and functional aspect / Саурабх Тивари // Philology. Theory & Practice. – 2025. – № 3. – С. 872–878.

3. Тивари, С. Эволюция форм обращения в русском и хинди: от общих истоков к уникальным особенностям / Саурабх Тивари // Philology. Theory & Practice. – 2025. – № 4. – С. 1247–1253.

Прочие публикации (РИНЦ)

4. Тивари, С. Сопоставительное описание категории падежа и карака / Саурабх Тивари // Язык как искусство. – М. : РУДН, 2023. – С. 198–205.

5. Тивари, С. Трудности восприятия русского падежа как грамматической категории носителями хинди / Саурабх Тивари // Язык и культура: взгляд молодых. – М. : РУДН, 2023. – С. 719–724.

6. Тивари, С. Принципы сопоставительного изучения категории падежа в русском и хинди / Саурабх Тивари // Развитие теории языка на рубеже веков. – М. : РУДН, 2024. – С. 288–295.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Изучение падежных систем различных языков, таких как русский и хинди, представляет собой важную часть теоретической лингвистики, направленной на понимание механизмов, посредством которых языки выражают грамматические отношения между элементами предложения. В данной главе будет рассмотрена природа падежа как грамматической категории, его функции в языковых системах, а также теоретические подходы, которые позволяют анализировать и сравнивать падежные системы разных языков. Категория падежа играет ключевую роль в языках с развитой флективной структурой, к которым относится русский язык, и в языках с аналитической структурой, таких как хинди, где падежные значения выражаются преимущественно через постпозиции и сочетание с другими грамматическими средствами.

1.1. Определение категории падежа и аспекты его изучения в лингвистических исследованиях

Падеж – это одна из ключевых грамматических категорий, которая играет важную роль в структурировании предложений и выражении синтаксических и семантических отношений между элементами предложения. В лингвистике падежи используются для обозначения ролей, которые существительные, местоимения и другие именные группы выполняют в предложении. В большинстве случаев падеж выражается через морфологические изменения формы слова (например, падежное окончание) или с помощью специальных грамматических средств, таких как предлоги и постпозиции.

Н.Д. Арутюнова в работе «Падеж: проблемы и решения» акцентирует внимание на том, что падеж – это грамматическая категория, отражающая отношение между компонентами предложения и служащая средством выражения синтаксической зависимости, подчеркивая его важную роль в структуре предложения [Арутюнова, 1988]. А.В. Бондарко в теории морфологических

категорий рассматривает падеж как интегральную категорию, соединяющую морфологические, синтаксические и семантические функции, что указывает на его сложное взаимодействие с другими грамматическими категориями [Бондарко, 1976]. Б.М. Гаспаров в работе «Язык, память, образ» анализирует падежи с когнитивной точки зрения, показывая, что они служат средствами грамматизации пространственных и временных отношений, отражая их в когнитивных структурах языка [Гаспаров, 1996]. Ч. Филлмор в статье «The Case for Case» вводит концепцию падежных ролей, утверждая, что падеж следует рассматривать не только как синтаксическое средство, но и как способ репрезентации семантических ролей участников действия [Fillmore, 1968]. Б. Блейк в монографии «Case» описывает падежные системы с точки зрения лингвистической типологии, подчеркивая, что падежные формы маркируют отношения между словами в предложении, отражая как синтаксические, так и семантические связи [Blake, 1994]. И.А. Мельчук в «Зависимостной грамматике» делает акцент на том, что падежные формы являются основными средствами выражения синтаксической зависимости в языках с развитыми падежными системами, подчеркивая их важность для грамматической структуры предложения [Мельчук, 1974].

Понятие падежа имеет древние корни и восходит к античным грамматическим традициям Древней Греции и Рима. Уже в греческой грамматике использовался термин *πτῶσις* (птосис), что в буквальном переводе означает «падение». Он применялся для описания грамматических форм, которые слово принимает в зависимости от своей синтаксической функции. Античные грамматисты, в том числе Дионисий Фракийский, выделяли несколько падежей: именительный (субъект действия), винительный (объект действия), дательный (адресат действия), родительный (принадлежность) и звательный (обращение).

Римские грамматисты переняли эти идеи и ввели латинский термин *casus* (падение), который также означал изменение формы существительного в зависимости от его функции в предложении. Классическая латинская грамматика включала пять падежей, аналогичных греческой системе, и позднее дополнена предложным падежом (*casus locativus*), выражающим место или направление

действия. Падежная система латинского языка оказала мощное влияние на развитие европейской грамматической мысли. В течение многих веков она служила моделью для описания грамматических категорий в других языках, в том числе в русском.

В Средние века и в эпоху Возрождения лингвистика опиралась на латинские образцы. Падеж продолжал рассматриваться как морфологическая категория, отражающая синтаксические отношения. В XVIII–XIX вв., с развитием сравнительно-исторического языкознания, начали изучаться падежные системы не только индоевропейских, но и других языков. Это привело к расширению взглядов на падеж, как на универсальную категорию, проявляющуюся в разнообразных формах в языках мира.

В XX в. интерес к падежу как грамматической категории получил новое развитие. Исследования П.М. Аркадьева акцентируют внимание на универсальности категории падежа, его морфологических и семантических проявлениях. Учёный подчеркивает, что падеж выполняет не только формально-грамматическую, но и функционально-семантическую роль в языковой системе, формируя зависимости между элементами предложения [Аркадьев, 2009].

Параллельно развиваются взгляды, отражающие изменения в русском языке. Так, В.В. Дунаева и Д.Р. Копосов анализируют динамику падежной классификации и функции падежей в современном русском языке, выделяя особенности их использования в реальной речевой практике [Дунаева, Копосов, 2010].

А.Ф. Дрёмов предлагает рассматривать падеж как элемент грамматической системы, функции которого зависят не только от синтаксической позиции, но и от семантической нагрузки. Он связывает развитие представлений о падеже с общими изменениями в лингвистической парадигме XX в. [Дрёмов, 2001].

Отдельное внимание уделяется прикладному аспекту изучения падежа. В работах В. С. Чеппель, М. П. Русковой, И. П. Сусова и К. Ш. Губашевой падеж рассматривается как ключевая категория для преподавания русского языка как иностранного. Авторы выделяют объектное, субъектное и определительное

значения падежей, что важно для овладения грамматикой русского языка [Чеппель и др., 2010].

Таким образом, понятие падежа прошло значительный путь эволюции: от формального описания в рамках античной традиции до сложного многоуровневого феномена, рассматриваемого с точки зрения синтаксиса, морфологии, семантики и когнитивных процессов. Историческая преемственность и теоретическое разнообразие делают категорию падежа важнейшим объектом лингвистического анализа в современности.

Современные лингвистические исследования демонстрируют значительное разнообразие подходов к определению и интерпретации категории падежа. В зависимости от теоретической школы, исследуемого языка и целей анализа, падеж рассматривается как морфологическая, синтаксическая, семантическая и когнитивная категория.

1.2. Эволюция понятия падежа: от античной традиции к современным теоретическим моделям

Римские грамматисты переняли эти идеи и ввели латинский термин *casus* (падение), который также означал изменение формы существительного в зависимости от его функции в предложении. Классическая латинская грамматика включала пять падежей, аналогичных греческой системе, и позднее дополнена предложным падежом (*casus locativus*), выражающим место или направление действия. Падежная система латинского языка оказала мощное влияние на развитие европейской грамматической мысли. В течение многих веков она служила моделью для описания грамматических категорий в других языках, в том числе в русском.

Традиционная теория падежей опирается на описание флективных языков, таких как латинский, древнегреческий или русский, где падежи выражаются через изменение формы слова. Например, в русском языке существительное дом может принимать формы дома, дому, домом и т.д., в зависимости от падежа, что отражает его синтаксическую функцию в предложении. Традиционная теория также

предполагает, что каждое слово в предложении связано с определённой ролью, и падежная форма является главным инструментом для выражения этой роли.

В Средние века и в эпоху Возрождения лингвистика опиралась на латинские образцы. Падеж продолжал рассматриваться как морфологическая категория, отражающая синтаксические отношения. В эпоху Возрождения и Просвещения грамматика рассматривалась как строгая наука, и структура падежей в латинском языке служила моделью для понимания и описания грамматических категорий других языков. В XVIII–XIX вв., с развитием сравнительно-исторического языкознания, начали изучаться падежные системы не только индоевропейских, но и других языков. Это привело к расширению взглядов на падеж, как на универсальную категорию, проявляющуюся в разнообразных формах в языках мира.

В **реляционной теории**, предложенной Ч. Филлмором в рамках *Case Grammar*, падеж трактуется как семантическая категория, обозначающая ролевые отношения участников действия в предложении. Согласно этой теории, каждое существительное выполняет определённую семантическую роль – агента, пациента, инструмента и т. д. Например, в предложении *Собака укусила человека* существительное *собака* выполняет роль агента (источника действия), а *человека* – пациента (объекта действия). Падеж в данном случае не только маркирует синтаксическую позицию, но и служит средством выражения глубинных семантических связей. Эта теория оказала заметное влияние на развитие генеративной грамматики, в которой падеж рассматривается как универсальный механизм синтаксической организации.

Когнитивные подходы к категории падежа акцентируют внимание на том, как языковые формы отражают процессы мышления, категоризации опыта и восприятия мира. В рамках этих моделей падежи интерпретируются не только как формальные маркеры, но и как инструменты концептуализации ситуаций. Например, дательный падеж в русском языке может выражать как адресата, так и объект эмпатии (*Мне холодно*), что указывает на расширение его семантической зоны за пределы чисто синтаксических функций. Такие подходы особенно

актуальны для анализа языков с развитыми падежными системами и богатыми средствами вторичной семантической маркировки.

Современные исследователи, такие как П.М. Аркадьев, подчеркивают многофункциональность падежей. Он рассматривает падеж как универсальную грамматическую категорию, выражающую как синтаксическую, так и семантическую зависимость между элементами высказывания. Аркадьев акцентирует внимание на том, что падежи не всегда выражаются исключительно морфологически: в ряде языков функции падежей могут реализовываться через порядок слов, послелогии, интонацию или комбинацию этих средств [Аркадьев, 2009].

Параллельно развиваются взгляды, отражающие изменения в русском языке. Так, В.В. Дунаева и Д. Р. Копосов анализируют динамику падежной классификации и функции падежей в современном русском языке, выделяя особенности их использования в реальной речевой практике [Дунаева, Копосов, 2010].

А.Ф. Дрёмов в своей работе предлагает рассматривать падеж как элемент грамматической системы, функции которого зависят не только от синтаксической позиции, но и от семантической нагрузки. Он связывает развитие представлений о падеже с общими изменениями в лингвистической парадигме XX века [Дрёмов, 2001].

Отдельное внимание уделяется прикладному аспекту изучения падежа. В работах В.С. Чеппель, М.П. Русковой, И.П. Сусова и К.Ш. Губашевой падеж рассматривается как ключевая категория для преподавания русского языка как иностранного. Авторы выделяют объектное, субъектное и определительное значения падежей, что важно для овладения грамматикой русского языка [Чеппель и др., 2010].

Современные лингвистические исследования демонстрируют значительное разнообразие подходов к определению и интерпретации категории падежа. В зависимости от теоретической школы, исследуемого языка и целей анализа, падеж рассматривается как морфологическая, синтаксическая, семантическая или даже когнитивная категория.

В современной лингвистике существует несколько теоретических подходов к изучению падежа. Традиционная грамматика рассматривает падеж как чисто морфологическую категорию, которая выражает синтаксические отношения через изменение формы слова. Эта теория наиболее применима к флективным языкам, где изменение формы существительных и местоимений является основным способом выражения падежей.

В рамках **традиционной грамматики** падеж определяется как грамматическая категория, выражающая синтаксические отношения между элементами предложения посредством изменения формы слова. Эта трактовка особенно актуальна для флективных языков, таких как русский, латинский, немецкий и другие, где изменения окончаний существительных, местоимений и прилагательных указывают на их грамматическую функцию. Например, в русском языке слово *дом* может принимать формы *дома*, *дому*, *домом*, *о доме* и др., каждая из которых отражает его роль в структуре предложения.

Морфологическое выражение падежа – это одна из ключевых характеристик флективных языков, таких как русский, латинский, немецкий и другие. В таких языках падежные окончания являются основным способом маркирования синтаксических ролей существительных и местоимений. Например, в предложении *Он дал книгу сестре* слово *сестре* стоит в дательном падеже, указывая на адресата действия.

Такой морфологический подход широко используется в описательной грамматике и преподавании языков. Исследования В. С. Чеппель, М. П. Русковой и др. подчеркивают значимость морфологических маркеров падежа для овладения русским языком как иностранным. Авторы выделяют объектное, субъектное и определительное значения падежей, а также отмечают возможность наложения нескольких грамматических значений на одну падежную форму, что осложняет восприятие системы, но делает её гибкой и выразительной [Чеппель и др., 2010].

В современных исследованиях морфологическое выражение падежа рассматривается как одна из ключевых грамматических категорий, отражающая отношения между компонентами предложения. Падежи могут выражать как

синтаксические, так и семантические зависимости, обеспечивая лексико-грамматическое согласование в предложении. Например, в русском языке падежная система связана с изменениями формы имени и может включать в себя различные грамматические значения, такие как число и падеж. Исследования, посвященные морфологическим особенностям падежа, указывают на многофункциональность падежных форм, которые выполняют как объектные, так и субъектные функции.

В рамках **типологического подхода** О. Есперсен указывает на сложную природу категории падежа при ее сравнении с основными синтаксическими и морфологическими категориями: «ни один язык нашей семьи никогда не обладал такой падежной системой, которая была бы основана на точной и последовательной системе значений; иначе говоря, падеж есть категория чисто грамматическая (синтаксическая), а не понятийная а настоящем смысле слова» [Есперсен, 1958: 212].

Типология падежных систем В.А. Плунгяна построена на нескольких основаниях: с позиции выражение падежных окончаний автор выделяет агглютинативные и кумулятивные системы; с позиции общего числа падежей – редуцированные и гипертрофированные; с позиции выражаемых падежных значений – преимущественно синтаксические и преимущественно семантические падежные системы [Плунгян, 1998: 195–196].

В рамках теории Г.П. Мельникова в системной лингвистике грамматическая форма падежа определяется как ее «коммуникативное амплуа» » [Мельников, 1976: 70]. Падежная форма обладает таким качеством, как способность иметь «комплекс смыслов <...>, ассоциированный с ее инвариантным значением, и обычно рассматриваемый сторонниками неинвариантной семантики падежной формы в качестве набора самостоятельных значений самого падежа» [Дремов, 2001: 53–54].

В **реляционной теории**, предложенной Ч. Филлмором [Филлмор, 1968] в рамках *Case Grammar*, падеж трактуется как семантическая категория, обозначающая ролевые отношения участников действия в предложении. Согласно этой теории, каждое существительное выполняет определённую семантическую

роль – агента, пациента, инструмента и т. д. Например, в предложении *Собака укусила человека* существительное *собака* выполняет роль агента (источника действия), а *человека* – пациента (объекта действия). Падеж в данном случае не только маркирует синтаксическую позицию, но и служит средством выражения глубинных семантических связей. Эта теория оказала заметное влияние на развитие генеративной грамматики, в которой падеж рассматривается как универсальный механизм синтаксической организации.

Когнитивные подходы к категории падежа акцентируют внимание на том, как языковые формы отражают процессы мышления, категоризации опыта и восприятия мира. В рамках этих моделей падежи интерпретируются не только как формальные маркеры, но и как инструменты концептуализации ситуаций. Например, дательный падеж в русском языке может выражать как адресата, так и объект эмпатии (*Мне холодно*), что указывает на расширение его семантической зоны за пределы чисто синтаксических функций. Такие подходы особенно актуальны для анализа языков с развитыми падежными системами и богатыми средствами вторичной семантической маркировки.

Когнитивная лингвистика, развивавшаяся с конца XX века, представляет ещё один подход к пониманию падежей. В рамках когнитивных теорий лингвисты сосредотачиваются на взаимосвязи между языком и мышлением, и падежи рассматриваются как часть концептуальной системы языка, отражающей когнитивные модели восприятия мира.

Падежи в когнитивной лингвистике трактуются как способы категоризации опыта и как средства, с помощью которых язык организует и выражает представления о пространстве, времени и социальных ролях участников действия. Например, дательный падеж в русском языке может обозначать не только адресата действия, но и более сложные концептуальные отношения, такие как цели, намерения или выгода.

Когнитивные теории падежей также акцентируют внимание на том, как носители языка воспринимают и структурируют информацию. Падежи в этом контексте выступают как когнитивные схемы, которые помогают говорящим

различать роли и функции участников действия. Когнитивная теория объясняет не только грамматическое использование падежей, но и их связь с процессами мышления и восприятия, что делает её особенно полезной для изучения семантики падежей в разных языках.

Структуралистический подход к рассмотрению падежной системы представлен в работах И.А. Мельчука, который разделяет русские падежи на *полные* (те, которые распространяются на все существительные) и *частичные* (те, которые охватывают определенное число существительных). К полным падежам И.А. Мельчук отнес именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный падежи; к частичным – партитив, локатив, вокатив, аднумератив [Мельчук 1997: 56]. Частичные падежи, выделяемые И.А. Мельчуком, представляют собой отдельные значения, которые в традиционной грамматике включены в основные шесть падежей:

- партитив – частичный падеж, включаемый в родительный падеж, обозначает неопределенное количество и совпадает по форме с родительным падежом единственного числа 1 склонения: *немного сахара*; И.А. Мельчуком отмечается совпадение показателя партитивного падежа с показателем дательного падежа;

- локатив – частичный падеж, включаемый в предложный падеж, обозначает локализацию / ориентацию и совпадает по форме с предложным падежом единственного числа 1 склонения: *в лесу*, но отличается от предложного падежа единственного числа, который имеет окончание *-е в лесе*;

- вокатив – частичный падеж, обозначает обращение и используется только в разговорной речи: *Маш! Коль!* И.А. Мельчуком отмечается отсутствие согласования с прилагательными, которые употребляются в сочетании с вокативной формой существительного в именительном падеже: *Коль, дорогой!*;

- аднумератив – падежная форма, в которой употребляются только три существительных русского языка (*шага, ряда, часа*) в сочетании с числительными *два* (*два шага*), *три* (*три ряда*) и *четыре* (*четыре часа*) и дублируют

соответствующие формы именительного падежа / винительного падежа множественного числа.

Таким образом, в современной лингвистике наблюдается движение от узко морфологического понимания падежа к более комплексным моделям, которые учитывают синтаксическую структуру, семантические роли, прагматические контексты и когнитивные особенности восприятия языка. Такое расширение подходов позволяет глубже понять природу падежа как универсальной категории, проявляющейся в различных языках мира в разнообразных формах и функциях. Понятие падежа прошло значительный путь эволюции: от формального описания в рамках античной традиции до сложного многоуровневого феномена, рассматриваемого с точки зрения синтаксиса, морфологии, семантики и когнитивных процессов. Историческая преемственность и теоретическое разнообразие делают категорию падежа важнейшим объектом лингвистического анализа в современности.

1.3. Типология падежных систем

Типологический анализ грамматических систем является одним из ключевых направлений в лингвистике, занимающихся классификацией и сравнением падежей в разных языках мира, что позволяет лингвистам выявлять сходства и различия в способах выражения синтаксических и семантических отношений между элементами предложения, а также изучать универсальные принципы и вариации в падежных системах. Падежные системы различаются по количеству падежей, по способам выражения падежных значений, а также по функциям и ролям, которые выполняют падежи в структуре предложения. В данной главе будет рассмотрена типология падежных систем, а также их классификация по ряду параметров.

Одним из основных критериев типологической классификации является количество падежей, существующих в языке. В зависимости от этого языки можно разделить на несколько типов:

1) *по представленности категории склонения:*

- языки с развитой падежной системой;

- языки с умеренной падежной системой;
- языки с редуцированной падежной системой;

2) *по морфологическому способу оформления изменения по падежам:*

- флективные системы;
- агглютинативные системы;
- изолирующие системы;
- инкорпорирующие системы.

3) *по противопоставлению субъекта / объекта или агенса / пациенса:*

- аккузативные системы;
- эргативные системы.

Языки с развитой падежной системой (полисинтетические системы): в таких языках имеется множество падежей, каждый из которых выражает специфические синтаксические и семантические отношения. Примером является русский язык, который насчитывает шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Латинский язык имел более сложную систему падежей, включая также звательный и местный падежи. К языкам с развитой падежной системой также относятся финский, венгерский, грузинский и многие другие. Например, финский язык содержит около 15 падежей, что позволяет очень точно выражать местоположение, направление, принадлежность и другие отношения.

Языки с умеренной падежной системой: в таких языках имеется ограниченное количество падежей, которые выполняют основные синтаксические функции. Примером может служить немецкий язык, который насчитывает четыре падежа: именительный, родительный, дательный и винительный. Несмотря на меньшее количество падежей, они охватывают основные синтаксические и семантические роли участников действия, и функционирование языка основано на сочетании этих падежей с порядком слов и предлогами.

Языки с редуцированной падежной системой: в таких языках падежей очень мало или они полностью отсутствуют. Примером является современный фарси, в котором категория падежа полностью утрачена, падежные отношения

выражаются аналитически и синтаксически: многочисленными предлогами, послелогом *-râ*, который маркирует прямое дополнение и определенность, соответственно, отсутствие послелога маркирует неопределенность.

Языки без падежной системы: существуют языки, в которых падежи полностью отсутствуют, и синтаксические отношения выражаются исключительно через порядок слов или другие грамматические средства. Примером таких языков являются изолирующие языки, такие как китайский или вьетнамский, в которых слова не изменяются в зависимости от синтаксической функции, а грамматические отношения обозначаются через порядок слов и специальные маркеры (например, предлоги), а также английский язык, где падежи сохраняются в основном только у местоимений (например, *he – him, she – her*), а остальные падежные значения выражаются через порядок слов и предлоги (например, *of, to, with* и др.). Аналогичная ситуация наблюдается в китайском языке, где падежные отношения также выражаются с помощью служебных слов или порядка слов в предложении.

Другим важным аспектом типологии падежных систем является способ выражения падежей. Падежные значения могут быть выражены различными морфологическими и синтаксическими средствами флективной, агглютинативной, изолирующей и инкорпорирующей систем.

Флективные системы: во флективных языках падежи выражаются через изменение формы слова (обычно через падежные окончания). Такие языки характерны для индоевропейской языковой семьи, например, для русского, немецкого, латинского или санскрита. В этих языках форма слова меняется в зависимости от его синтаксической роли в предложении, и флективные окончания часто сочетают в себе несколько грамматических значений, таких как число, падеж и род. Например, в русском языке слово *стол* принимает разные формы: *стол* (именительный падеж), *стола* (родительный падеж), *столу* (дательный падеж), *столом* (творительный падеж) и т.д.

Агглютинативные системы: в агглютинативных языках падежи выражаются с помощью аффиксов, которые добавляются к основе слова. В отличие от флективных систем, где одно окончание может выражать несколько

грамматических значений, в агглютинативных языках каждый аффикс обычно обозначает одно конкретное значение. Примером таких языков являются турецкий, финский и венгерский. В турецком языке, например, слово *ev* ‘дом’ может принимать форму *evde* ‘в доме’, где суффикс *-de* обозначает местный падеж (локатив).

Аналитические системы: в аналитических языках падежные значения выражаются с помощью предлогов, постпозиций или других служебных слов. Падежная система в таких языках является редуцированной или отсутствует полностью. Примером является английский язык, где синтаксические роли выражаются через предлоги (например, *of*, *to*, *with*), а не через изменения формы существительных. В хинди, например, падежные значения выражаются через постпозиции, такие как *को* (*ko* – дательный падеж) или *से* (*se* – творительный падеж).

Изолирующие системы: в изолирующих языках, таких как китайский, не существует изменений формы слов, и падежные значения не выражаются морфологически. В таких языках синтаксические и семантические отношения между словами в предложении выражаются через порядок слов, а также с помощью специальных служебных слов или маркеров.

Одним из важных критериев типологического анализа падежных систем является различие между аккумулятивными и эргативными языками:

аккумулятивные системы: в аккумулятивных языках (например, в русском, английском или латинском) основное различие проводится между субъектом и объектом действия. Субъект действия обычно стоит в именительном падеже, а объект – в винительном. Такая структура характерна для большинства европейских языков. Например, в русском языке в предложении *Мальчик видит собаку* слово *мальчик* является субъектом (именительный падеж), а слово *собаку* – объектом (винительный падеж);

эргативные системы: в эргативных языках (например, в грузинском, баскском или многих кавказских языках) субъекты непереходных и переходных глаголов оформляются по-разному. В таких системах агент переходного действия стоит в эргативном падеже, а субъект непереходного действия и объект

переходного действия – в абсолютном падеже. Например, в грузинском языке субъект в предложении *Мужчина построил дом* будет оформлен эргативом, а в предложении *Мужчина спит* – абсолютom.

Падежи могут выполнять синтаксические и семантические функции:

синтаксическая нагрузка: падежи помогают организовать структуру предложения, указывая на синтаксические отношения между его компонентами. В языках с развитой падежной системой порядок слов может быть относительно свободным, так как падежные окончания чётко указывают на синтаксическую роль каждого элемента;

семантическая нагрузка: падежи также выражают ролевые отношения участников действия, такие как агент, пациент, инструмент и т.д. В языках с менее выраженной падежной системой эти отношения выражаются другими средствами, например, предлогами или порядком слов.

Типология падежных систем в лингвистике играет важную роль в понимании способов выражения синтаксических и семантических отношений в языках. Одним из ключевых критериев, по которым классифицируют языки по падежным системам, является различие между синтетическими и аналитическими языками. Эти два типа языков по-разному выражают грамматические отношения между словами в предложении, включая и падежные значения.

Синтетические языки характеризуются тем, что грамматические отношения между словами выражаются посредством изменения формы слов, главным образом с использованием аффиксов (префиксов, суффиксов) или других морфологических средств, таких как флексии. В синтетических языках падежные значения, как правило, выражаются через изменения формы существительных, местоимений, прилагательных и других частей речи. Такие изменения позволяют указать, какую синтаксическую роль выполняет каждое слово в предложении – субъект, объект, инструмент действия и так далее.

Таким образом, типология падежных систем представляет собой важнейшее направление в изучении грамматических структур языков мира. Сравнительный анализ показывает, что падежи могут быть выражены различными

морфологическими и синтаксическими средствами, от богатых флективных и агглютинативных систем до аналитических и изолирующих структур. Классификация языков по количеству падежей, способам их выражения и типу синтаксической организации (аккузативной или эргативной) позволяет выявить как универсальные тенденции, так и языковую специфику. Падежные системы не только выполняют важные синтаксические функции, но и отражают особенности когнитивного восприятия и концептуализации мира носителями языка. Всё это делает изучение типологии падежей значимым вкладом в понимание грамматической организации естественных языков и их функционального разнообразия.

1.4. Типологическая дихотомия синтетических и аналитических языков

Типология представляет собой полезный инструмент в лингвистическом исследовании, особенно при проведении сравнительно-сопоставительного анализа, как в данном случае – именительного падежа в русском языке и карта-карака в хинди. Лингвистическая типология – это область исследований, сосредоточенная на структурном и функциональном разнообразии языков, выявляющая закономерности и вариации в различных грамматических системах.

Настоящее исследование посвящено анализу различий в функционировании падежных систем русского и хинди в контексте морфосинтаксических различий несмотря на то, что оба языка типологически сопоставимы, поскольку принадлежат к индоевропейской языковой семье. Предлагаемый подход углубляет понимание межъязыковых вариаций и демонстрирует, как грамматические категории, которые на первый взгляд кажутся схожими, могут значительно различаться по способу применения и базовым функциям. Таким образом, типологический анализ обеспечивает теоретическую основу для сопоставления именительного падежа и карта-карака, обогащая понимание их роли в соответствующих языках.

В последние годы типологические исследования справедливо подчёркивают, что межъязыковые различия в синтаксических и морфологических системах часто

указывают на более глубокие отличия в грамматических функциях внешне схожих структурных единиц. Как отмечают S. Schnell и N. N. Schiborr, подобные различия требуют сопоставительного подхода для выявления того, как языки с типологически сходными признаками могут функционально расходиться [Schnell; Schiborr, 2022]. С этой точки зрения сравнение русского и хинди приобретает особую актуальность, поскольку оба языка обладают флективными падежными системами, которые хоть и типологически сопоставимы, но функционально весьма различны. Этот подход подчёркивает значимость межъязыковых различий как неотъемлемой части типологического анализа.

Росес Лабрада и Хорхе Эмилио помещает подобные сравнительные исследования в более широкую теоретическую парадигму, подчёркивая, что современная грамматическая типология всё больше опирается на сравнительные описания для выявления межъязыковых закономерностей [Rosés Labrada; Jorge Emilio, 2023]. Это напрямую соотносится с целями настоящей работы, в которой анализ падежных систем русского и хинди позволяет выявить как типологическое разнообразие, так и функциональные сходства. Эти выводы интегрируются в данное исследование в рамках глубокой типологической рефлексии, направленной на укрепление теоретических оснований межъязыкового анализа грамматических категорий в языках с разной морфосинтаксической структурой.

Более того, типологические исследования эволюции падежных систем в структурно различных и даже неродственных языках стали важным направлением современной грамматической науки [Valentinova & Rybakov, 2022]. Например, русский и хинди, хотя оба принадлежат к индоевропейской группе, демонстрируют два разных типа падежных систем, сформировавшихся под влиянием синтаксических структур в различное историческое время. Система падежей в русском языке, основанная на морфологических окончаниях, резко контрастирует с аналитической структурой хинди, где объект действия может маркироваться как морфологически, так и постпозитивно, что отражает сложное взаимодействие факторов, таких как одушевлённость, аспект и вид.

Рассмотрение отдельных частных случаев в этих системах также даёт интересные сопоставления. Так, например, звательный падеж иллюстрирует активное взаимодействие формы и функции в типологических исследованиях. В русском языке звательная форма в значительной степени утратила грамматическое оформление и стала интонационно-контекстуальной, тогда как в хинди она сохраняется с помощью явных морфологических маркеров. Иными словами, русский использует тональные и просодические средства, в то время как хинди прибегает к морфологической маркировке, что отражает типологическое расхождение в реализации социальных и прагматических функций.

Рассмотрим основные грамматические способы. **Морфологическое изменение слов:** в синтетических языках падежные значения выражаются через морфологические изменения формы слова, такие как добавление окончаний или суффиксов. Например, в русском языке слово *дом* изменяет свою форму в зависимости от падежа: *дом* (именительный падеж), *дома* (родительный падеж), *дому* (дательный падеж) и т.д. Эти изменения формы слова сигнализируют о его грамматической функции в предложении.

Наличие флективной системы: во многих синтетических языках используется флексия – это вид морфологии, при котором одно и то же окончание может выражать сразу несколько грамматических категорий, таких как падеж, число, род. Например, в латинском языке слово *amicus* ‘друг’ имеет окончания, которые указывают одновременно на падеж, число и род: *amicus* (именительный падеж, единственное число, мужской род), *amici* (родительный падеж, единственное число, мужской род), *amicorum* (родительный падеж, множественное число, мужской род).

Гибкий порядок слов: поскольку синтаксические отношения в синтетических языках выражаются через падежные формы, порядок слов в предложении может быть более свободным. Например, в русском языке предложения *Мальчик читает книгу* и *Книгу читает мальчик* имеют одинаковый смысл, поскольку падежные окончания чётко указывают на синтаксическую функцию каждого слова.

Типология синтетических языков:

флективные языки: характеризуются использованием падежных окончаний для выражения нескольких грамматических значений одновременно. К числу флективных языков относятся такие языки, как латинский, русский, немецкий и санскрит. В этих языках падежные окончания передают сложные грамматические значения, включая падеж, число и род;

агглютинативные языки: в агглютинативных языках, напротив, каждое морфологическое окончание выражает только одно грамматическое значение. Ярким примером является турецкий язык. Слово *ev* (дом) изменяется на *evde* (в доме), где *-de* обозначает локатив (место). В агглютинативных языках каждое добавленное окончание последовательно присоединяется к основе, сохраняя свою самостоятельную грамматическую функцию.

Примеры синтетических языков:

Русский язык: Один из классических примеров флективного синтетического языка. Русский язык имеет шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Падежи выражаются через флективные окончания, которые позволяют выразить синтаксические отношения между существительными и другими частями речи в предложении.

Латинский язык: Латинский язык использует флексии для выражения пяти основных падежей: именительного, родительного, дательного, винительного и аблативного. Также выделяются локатив и звательный падежи, которые использовались для обозначения места и обращения соответственно. Система флексий позволяет латинскому языку выражать сложные синтаксические отношения с минимальным использованием предлогов.

Финский язык: Финский язык, относящийся к агглютинативным языкам, имеет очень сложную падежную систему с большим количеством падежей (около 15), каждый из которых выражает конкретные семантические отношения. Например, падежные окончания могут указывать на направление движения, местоположение, причину и другие аспекты действия.

Аналитические языки отличаются от синтетических тем, что падежные значения и другие грамматические отношения выражаются не через изменения формы слова, а с помощью отдельных грамматических элементов – предлогов, постпозиций, служебных слов или определённого порядка слов. В аналитических языках падежные окончания либо отсутствуют, либо используются крайне редко, а ключевую роль в выражении синтаксических отношений играет синтаксический порядок слов и служебные элементы.

Основные черты аналитических языков

Отсутствие морфологических изменений слов: в аналитических языках форма существительных и других слов не изменяется в зависимости от падежа или других грамматических категорий. Вместо этого используется определённый порядок слов и предлоги для обозначения грамматических отношений между словами. Например, в английском языке предложение *John gave a book to Mary* использует предлог *to*, чтобы обозначить адресата действия (дательный падеж), а *a book* – объект действия (винительный падеж).

Фиксированный порядок слов: в отличие от синтетических языков, где порядок слов может быть гибким из-за падежных окончаний, в аналитических языках порядок слов играет важную роль в выражении грамматических отношений. Например, в английском языке порядок слов SVO (субъект – глагол – объект) является основным, и изменение порядка слов может изменить значение предложения. Например, предложение *John hit Mary* означает, что Джон ударил Мэри, тогда как *Mary hit John* указывает на обратное действие.

Использование служебных слов: в аналитических языках предлоги и постпозиции играют основную роль в выражении падежных значений. Например, в английском предлог *of* указывает на родительный падеж, например, *the book of John* ‘книга Джона’, а предлог *to* используется для выражения дательного падежа, например, *I gave the book to John* ‘я дал книгу Джону’.

Меньшее количество падежей или их отсутствие: в аналитических языках падежная система редуцирована или отсутствует. В некоторых языках, таких как английский, падежи сохранились только в остаточной форме у местоимений,

например, *he – him, she – her*, но падежные окончания не применяются к существительным или прилагательным.

Сравнение синтетических и аналитических падежных систем

В синтетических языках падежи выражаются морфологически (через окончания или аффиксы), тогда как в аналитических языках используются отдельные предлоги или постпозиции. Синтетические языки, как правило, имеют более свободный порядок слов из-за возможности указания синтаксической роли через падежные формы. Аналитические языки, напротив, требуют фиксированного порядка слов для сохранения смысла предложения. Синтетические языки более компактны в выражении грамматических отношений за счёт изменений формы слов, тогда как в аналитических языках требуется больше слов, чтобы выразить те же отношения.

Типология падежных систем, основанная на различии между синтетическими и аналитическими языками, отражает важные аспекты морфологической и синтаксической организации языков. Синтетические языки выражают падежные значения через морфологические изменения слов, а аналитические языки – через предлоги, постпозиции и порядок слов.

Таким образом, исторически падежи рассматривались как способы обозначения синтаксической роли существительного или местоимения в предложении. Этот подход сохранялся на протяжении многих веков и стал основой для традиционной грамматики флективных языков, таких как латинский, древнегреческий, санскрит и другие. Однако с развитием лингвистической науки в XIX и XX вв. представления о падеже значительно расширились.

Русский и хинди, каждый своим способом – через флективную морфологию и послеложный синтаксис соответственно, – приходят к одному и тому же результату: установлению семантической и синтаксической связности. Как писал Л.В. Щерба, падеж воплощает универсальные понятия, позволяющие человеку интерпретировать действия, агентов и результаты [Щерба, 2004: 23]. Этот анализ подчеркивает типологическое расхождение между этими языками, одновременно

подтверждая их функциональное единство в организации мышления и коммуникации.

По мнению А.А. Зализняка, падеж – это грамматическая категория, основанная на противопоставлении двух или более конкретных падежей [Зализняк, 1973: 54]. В лингвистических исследованиях термин падеж может иметь два толкования: семантическое и формальное. Семантический подход предполагает признание разных падежей даже в тех случаях, когда они внешне неразличимы; конкретный падеж рассматривается как элемент слова, определенное семантическое отношение [Зализняк, 1973: 55]. Формальный подход, напротив, опирается на внешнее выражение и определяет падеж как совокупность словоформ, каждая из которых может выражать как основное значение, так и значения одного или нескольких семантических падежей [Зализняк, 1973: 58].

Двойная интерпретация – семантическая и формальная – подчеркивает многофункциональность падежа как морфологического и семантического средства. Определяя роли и отношения, падежные формы создают понятные и значимые синтаксические структуры в языках разных типологических групп, таких как русский и хинди.

1.5. Подходы к изучению категории карака в индийской лингвистике

Категория карака является одной из ключевых в описании грамматики индоарийских языков, в частности, хинди. Истоки концепции восходят к древнеиндийской грамматической традиции – прежде всего к трудам Панини, где описывается система семантических ролей, выражающих отношения между участниками действия. Современная индийская лингвистика развивает это наследие в нескольких направлениях, охватывающих как фундаментальные теоретические исследования, так и практические задачи автоматического анализа текста. Современная индийская лингвистика развивает эту категорию в разных направлениях, из которых наиболее значимыми являются:

- (1) классическая панинистская модель;

(2) синтаксико-семантический подход, основанный на теориях управления и связывания;

(3) современные корпусные и типологические исследования;

(4) типологический и когнитивный подход.

1. Классическая панинистская модель: теория семантических ролей

В основе большинства индийских грамматических описаний лежит панинистская модель, где караки интерпретируются как семантические роли, присваиваемые аргументам глагола. Панини выделяет шесть основных ролей: *kartā* (агент), *karma* (пациент), *karaṇa* (инструмент), *sampradāna* (адресат), *apādāna* (источник) и *adhikaraṇa* (место действия). Эти роли традиционно соотносятся с падежами и постпозициями. Каждый из этих карак соотносится с определённым падежом и типом постпозиции. Современные индийские лингвисты, такие как Капур [Капур, 1990], продолжают развивать эти идеи, акцентируя внимание на связи между семантической природой действия и морфологическим оформлением участников ситуации. Таким образом, категория карака понимается как инвариантный элемент, определяющий грамматическую валентность глагола. Многие современные индийские лингвисты придерживаются этой концепции в адаптированной форме. Например, работа Kataria и Nath [Kataria & Nath, 2015] демонстрирует, как панинистская карак-теория может быть применена для построения интерфейса к базам данных на хинди, где структура запроса преобразуется в зависимости от роли аргумента в предикации. Это подчеркивает универсальность и формальную мощь панинистской системы в современных условиях.

2. Синтаксико-семантический подход (GB)

Начиная с 1980-х гг. в индийской лингвистике активно развивается интерпретация категории карака через призму современной лингвистической теории управления и связывания (Government & Binding), разработанной Н. Хомским. В данной парадигме караки соотносятся с тематическими ролями (θ -ролями) и определяют распределение аргументов глагола в синтаксической структуре. Так, роль *kartā* чаще всего реализуется в позиции субъекта (Spec-IP),

тогда как *karma* – в объектной позиции (Comp-VP). В этом ключе работает М. Бутт [Butt, 2006], которая в своих исследованиях по урду и хинди описывает, как карак реализуется синтаксически и морфологически в контексте различных типов предикатов. Преимущество этого подхода заключается в возможности интеграции данных по хинди в общетеоретическую типологическую модель. Наряду с традиционным подходом активно развивается направление, где категория карака соотносится с понятиями современной синтаксической теории, прежде всего – теории управления и связывания (Government and Binding), а также зависимостной грамматики. В таких подходах карак трактуется как семантический прототип, который реализуется в конкретных синтаксических позициях.

3. Корпусный и когнитивно-типологический подход

Современные исследования хинди и урду всё чаще основываются на корпусных данных и типологической разметке. Одним из таких проектов является перенос англоязычной системы семантических ролей SNACS (Semantic Network of Adposition and Case Supersenses) на хинди [Arora et al., 2021]. В этом подходе карак интерпретируется не только по синтаксическим или семантическим ролям, но и как элементы сложной когнитивной сети значений, включающих пространственные, причинные, инструментальные и другие отношения. Такой подход позволяет детализировать описания постпозиций и их функций в речи, а также строить универсальные описания грамматической семантики, применимые к различным языкам.

Anuranjana et al. [Anuranjana et al., 2019] в работе по автоматической генерации вопросов на хинди используют карак в рамках зависимостной структуры предложения. Они показывают, что знание карака (например, *kartā* как субъект) позволяет грамотно преобразовывать утверждение в вопрос. Аналогичным образом, Ojha [Ojha, 2019] применяет карак-анализ для построения статистической модели машинного перевода с английского на бходжпури – язык, близкий к хинди. Его подход опирается на выявление семантических ролей участников и последующее сопоставление их с эквивалентами в целевом языке.

Таким образом, категория карака служит связующим звеном между уровнем семантики и синтаксиса, что особенно актуально при разработке систем автоматического анализа текста.

За последнее десятилетие заметно возрос интерес к автоматической обработке карака в текстах на хинди. Исследователи разрабатывают программные решения для автоматической разметки, классификации и анализа семантических ролей. Одним из важных достижений стала работа Katyayan и Joshi [Katyayan & Joshi, 2022], в которой представлен автоматический семантический теггер и карака-анализатор для хинди. Разработанная модель достигает точности более 84 % и может различать роли типа *kartā*, *karma*, *karaṇa* и др. Это подтверждает актуальность карака как ключевого элемента при автоматическом семантическом анализе.

В другом исследовании – Asopa и Sharma [Asopa & Sharma, 2021] – представлен гибридный парсер для хинди, сочетающий правила и машинное обучение. В первой фазе работы система определяет караки, на основе которых затем строится синтаксическая структура предложения. Авторы подчеркивают, что без точного карака-анализа невозможно достичь высоких результатов в морфосинтаксическом разборе хинди, особенно в контексте свободного порядка слов и омонимии постпозиций.

4. Типологический и когнитивный подход

Современные индийские учёные также стремятся вписать категорию карака в более широкую **типологическую** и когнитивную перспективу. Например, исследования Bharati & Sangal (переиздание 1990-х) раскрывают потенциал караки как универсальной категории для всех индоарийских языков. В новых интерпретациях карака трактуется не просто как морфологическая или синтаксическая категория, а как отражение глубинных когнитивных отношений между участниками действия и самим действием. Это направление активно поддерживается в рамках проекта SNACS (Semantic Network of Adposition and Case Supersenses), который адаптируется и для хинди [Arora et al., 2021].

Наконец, важно упомянуть исследование “Grammatical Case Systems in Russian and Hindi” (2018), в котором также проводится типологическое сопоставление русской падежной системы и хинди-карак. Несмотря на формальное различие (синтетический русский vs. аналитический хинди), авторы показывают, что карак выполняет аналогичные семантические функции, что и падеж в русском языке.

Таким образом, современные индийские лингвисты рассматривают категорию карака как многогранное явление, находящееся на стыке семантики, синтаксиса и прагматики. Эта категория сохраняет свою значимость в рамках традиционной панинистской теории; успешно интегрируется в современные синтаксические модели; активно используется в прикладных задачах NLP; рассматривается в рамках когнитивной типологии.

Таким образом, карака в хинди – это не просто грамматическая категория, а универсальный механизм интерпретации синтаксико-семантических отношений, обеспечивающий гибкость и выразительность индоарийской грамматики в теории и на практике.

1.6 Санскритские караки и их связь с падежами русского языка

В грамматической системе Панини понятие «карака» используется для описания смысловых ролей участников ситуации по отношению к главному действию (крिया). Сначала определяются эти семантические отношения, и только затем устанавливается их связь с падежными окончаниями (вибхакти). Примечательно, что в санскрите названия падежей не имеют жёстко закреплённых значений. Одна и та же падежная форма может выражать разные смысловые отношения, что выдвигает караки, а не падежи, на центральное место в грамматическом анализе. [Houben, 2017].

1. Kartṛ (Картри) – Агент действия

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.54): «स्वतन्त्रः कर्ता» (*svatantraḥ kartā*) – «Независимый [есть] агент».

Согласно этому определению, агентом считается самостоятельный участник, который контролирует и инициирует действие.

- **Пример на санскрите:** रामः पत्रं लिखति (*rāmaḥ patraṃ likhati*) – «Рама пишет письмо».
- **В русском языке:** В активных конструкциях агенту соответствует **именительный падеж** (*Студент читает*). В пассивных оборотах агенс выражается **творительным падежом** (*Письмо написано студентом*). Эта особенность сближает русский язык с санскритом. Как отмечает А.А. Зализняк, именительный падеж представляет собой исходную, немаркированную форму имени, typically указывающую на производителя действия [Зализняк, 1977: 43].

2. Karma (Карма) – Объект действия

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.49): «कर्तुरिप्सिततमं कर्म» (*kartrur īpsitatamaṃ karma*) – «Наиболее желаемое агентом [есть] объект».

Объектом считается то, на что непосредственно направлено действие или усилие агента.

- **Пример на санскрите:** रामः पुस्तकं पठति (*rāmaḥ pustakaṃ paṭhati*) – «Рама читает книгу».
- **В русском языке:** Этой роли обычно соответствует **винительный падеж** (*читать книгу, строить дом*).

3. Karaṇa (Карана) – Орудие или средство действия

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.42): «साधकतमं करणम्» (*sādhakatamaṃ karaṇam*) – «Наиболее эффективное [для выполнения действия есть] орудие».

Орудием является то, с помощью чего действие осуществляется.

- **Пример на санскрите:** रामः दण्डेन रावणं ताडयति (*rāmaḥ daṇḍena rāvaṇaṃ tāḍayati*) – «Рама бьёт Равану палкой».
- **В русском языке:** Для выражения орудия используется **творительный падеж** (*писать ручкой, резать ножом*). Любопытно, что в обоих языках творительный падеж может обозначать и агенса в пассиве, что подчёркивает

отсутствие прямой взаимосвязи между падежом и единственной семантической ролью.

4. Sampradāna (Сампрадана) – Адресат или получатель

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.32): «कर्मणा यम् अभिप्रैति स संप्रदानम्» (*karmaṇā yam abhipraiti sa sampradānam*) – «Тот, к кому действие направлено через объект, [есть] адресат».

Адресат – это участник, для которого или в направлении которого совершается действие, часто получатель.

- **Пример на санскрите:** रामः सीतायै पुष्पं ददाति (*rāmaḥ sītāyai puṣpaṁ dadāti*) – «Рама даёт цветок Сите».
- **В русском языке:** Эта роль выражается дательным падежом (*помогать другу, дать ребёнку*).

5. Apādāna (Ападана) – Источник или точка отсчёта

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.24): «ध्रुवमपायेऽपादानम्» (*dhruvam apāye 'pādānam*) – «Неподвижное [при] отдалении [есть] источник».

Ападана обозначает неподвижную исходную точку, от которой начинается движение, отделение или отдаление.

- **Пример на санскрите:** बालकः वृक्षात् पतति (*bālakaḥ vṛkṣāt patati*) – «Мальчик падает с дерева».
- **В русском языке:** Значение источника передаётся сочетанием предлогов «с», «из», «от» с родительным падежом (*уйти с урока, вернуться из города, получить от брата*).

6. Adhikaraṇa (Адхикарана) – Место или пространство действия

Сутра Панини (Aṣṭ. 1.4.45): «आधारोऽधिकरणम्» (*ādhāro 'dhikaraṇam*) – «Основание [есть] место действия».

Эта карака обозначает место, где происходит действие, или объект, на поверхности которого что-либо находится.

- **Пример на санскрите:** रामः गृहे तिष्ठति (*rāmaḥ grhe tiṣṭhati*) – «Рама находится в доме».

- **В русском языке:** Локативные отношения выражаются с помощью **предложно-падежных конструкций**, чаще всего с **предложным падежом** (*жить в деревне, работать на заводе*).

Таким образом, концепция карак, разработанная Панини, служит эффективным инструментом для семантического анализа падежной системы русского языка. Она позволяет выявить глубинные смысловые роли, стоящие за внешними падежными формами. Сопоставление демонстрирует, что в русском языке базовые семантические роли, выделенные в санскритской грамматике, регулярно выражаются определёнными падежами, часто в сочетании с предлогами. Такой подход способствует переходу от механического перечисления падежей к пониманию их системной семантики и может быть применён при создании переводческих моделей, ориентированных на передачу глубинных, а не поверхностных синтаксических структур.

Вывод к первой главе

В рамках рассмотрения теоретических основ изучения падежных систем как ключевого элемента грамматического строя языка представлены основные определения падежа, его историческое развитие, а также современные подходы к интерпретации этого понятия в лингвистике. Представлено разнообразие существующих научных теорий – от традиционных морфологических концепций до когнитивных и типологических подходов, что позволило отразить сложность и многогранность проблемы падежа в современном языкознании.

Исторический обзор рассмотрения категории падежа выявил эволюцию научных представлений о данной категории: от формального обозначения грамматических отношений до более глубокой интерпретации, учитывающей семантику и синтаксические функции. Анализ различных теорий показал, что падеж может рассматриваться как средство кодирования синтаксических ролей, маркер семантических отношений или элемент когнитивной структуры. Особую ценность в этом контексте представляет санскритская теория карак, разработанная Панини, которая предлагает системный подход к описанию семантических ролей участников ситуации (таких как агент, объект, адресат, инструмент и др.) и их последующему выражению через падежные формы. Этот подход демонстрирует принципиальную важность различения глубинных семантических отношений и их поверхностного падежного выражения.

Типология падежных систем, представленная в главе, позволила классифицировать языки по количеству падежей, способам их выражения, а также по характеру их взаимодействия с другими грамматическими категориями. Сравнение аккузативных и эргативных систем выявило фундаментальные различия в маркировании синтаксических ролей субъекта и объекта, что имеет важное значение для типологического анализа языков. Применение концепции карак позволяет провести такое сопоставление на более глубоком, семантическом уровне, выявляя универсальные смысловые роли, которые в разных языках могут кодироваться различными грамматическими средствами. Наряду с этим, было

рассмотрено противопоставление синтетических и аналитических языков, их характерные черты и специфика выражения падежных отношений. Сравнительный анализ показал, что структура и функции падежей тесно связаны с типом грамматического строя языка и общими тенденциями его развития.

Таким образом, проведённый обзор и анализ теоретических основ падежных систем, включая классические и современные подходы, а также перспективную теорию карак, создал прочную методологическую и концептуальную базу для последующего подробного описания конкретной падежной системы русского языка. Полученные результаты позволяют понять природу падежа как универсального грамматического механизма, вскрыть соотношение формальных показателей и стоящих за ними семантических ролей и заложить основу для межъязыкового сопоставления и дальнейшего анализа его функционирования.

ГЛАВА 2. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. Именительный падеж в русском языке

Именительный падеж в русском языке представляет собой грамматическую категорию, обозначающую подлежащее в предложении. Он является исходной, словарной формой существительных, прилагательных и местоимений. Именительный падеж играет центральную роль в структуре предложения, поскольку наиболее часто выполняет функцию подлежащего. Согласно А.А. Зализняку, именительный падеж представляет собой немаркированную форму существительных, типично обозначающую действующее лицо в предложении [Зализняк, 1977: 43]. Подобным образом Д. Песецкий отмечает, что именительный падеж является синтаксическим центром, управляющим согласованием глагола и выступающим в качестве основной категории подлежащего [Pesetsky, 2013: 102]. Как указывает Ф.П. Филин, именительный падеж является основным средством выражения исполнителя действия в предложении [Филин, 1973]. В.В. Виноградов подчёркивает, что именительный падеж — это краеугольный камень синтаксической организации, который служит отправной точкой для построения синтаксических структур [Виноградов, 1952].

Именительный падеж (ИП) традиционно считается основополагающим в системе падежей, так как он отражает исходную форму существительных и выполняет ключевую синтаксическую функцию. В русистике отмечается не только его парадигматическая исходность, но и его синтагматическая центральность в организации предложения. В этом контексте Р.О. Якобсон подчеркивает, что именительный падеж создает своеобразную синтаксическую перспективу, выделяя объект внимания говорящего: Имя (предмет), стоящее в именительном падеже, приобретает в высказывании ведущую роль [Якобсон 1985: 143].

Эту точку зрения поддерживает и В.А. Белошапкова, которая указывает на то, что семантика предложения организуется таким образом, что один из предметов, участников события, именуемого предложением, выделяется, получая функцию протагониста сообщения ... становясь исходной позицией при

определении мест предметов... [Белошапкина 1977: 129]. В аналогичном ключе высказывается Е.В. Клобуков, утверждая, что актант, выраженный номинативом, занимает центральную позицию, и все смыслы, составляющие план содержания предложения, так или иначе группируются, разворачиваются вокруг номинатива [Клобуков 1987: 33].

Статистические исследования подтверждают доминирующее положение ИП в русском языке, особенно в разговорной речи. О.А. Лаптева отмечает экспансию именительного падежа в устных диалогах [Лаптева, 1976]; Н.Г. Мартыненко приводит данные о том, что на 100 случаев употребления падежных форм в речи на ИП приходится 42 [Мартыненко, 1988: 6].

Именительный падеж (*nominativus*) является основной, исходной формой существительного в русском языке, в которой слово представлено в своём начальном словарном виде. **Морфологически** именительный падеж отличается рядом специфических характеристик, проявляющихся в изменении формы существительных, прилагательных, местоимений и числительных.

На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) можно проследить частотность употребления именительного падежа в различных функциональных стилях. Так, в публицистических текстах XXI века именительный падеж в функции подлежащего встречается в 42% случаев, в то время как в назывных предложениях (Зима. Холода.) — в 8% [НКРЯ, основной корпус, запрос «именительный падеж», 2024].

В русском языке именительный падеж единственного числа существительных оформляется различными окончаниями в зависимости от рода и склонения:

- существительные 1-го склонения (женский и мужской род с окончанием *-а, -я*): *земля, вода*;
- существительные 2-го склонения (мужской род с нулевым окончанием и средний род с окончанием *-о, -е*): *стол, окно, море*;
- существительные 3-го склонения (женский род с нулевым окончанием): *кость, ночь*.

Во множественном числе формы именительного падежа также варьируются:

- существительные 1-го и 2-го склонения принимают окончание *-ы/-и*: *столы, моря*;
- существительные 3-го склонения сохраняют нулевое окончание: *ночи, кости*.

Прилагательные, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже, имеют окончания:

- *-ый, -ий, -ой* в мужском роде: *красивый дом*;
- *-ая* в женском роде: *зелёная трава*;
- *-ое* в среднем роде: *чистое окно*;
- *-ые/-ие* во множественном числе: *большие деревья*.

В системе склонения именительный падеж выполняет функцию основы, от которой образуются другие падежные формы. Как отмечает Н.Ю. Шведова, именительный падеж является основой для морфологической парадигмы склонения [Шведова, 1980: 45]. Он также используется при словообразовании, когда новое слово формируется на базе существительного в именительном падеже (например, *учитель* → *учительница*).

Род существительного – это грамматическая категория, присущая каждому существительному в русском языке. Именительный падеж единственного числа, как правило, позволяет определить род существительного по его окончанию и грамматическим особенностям.

- Мужской род: обычно характеризуется нулевым окончанием или окончанием *-й, -ь* в именительном падеже единственного числа. Примеры:

стол – нулевое окончание;

музей – окончание *-й*;

день – окончание *-ь* (мягкий знак). Важно отметить, что *ь* может встречаться и в женском роде, что требует дополнительной проверки.

Эти формы демонстрируют наиболее типичные окончания для существительных мужского рода в именительном падеже. Именно они дают первое представление о родовой принадлежности слова.

- Женский род: чаще всего характеризуется окончаниями -а, -я в именительном падеже единственного числа. Примеры:

книга – окончание -а;

земля – окончание -я.

Ночь – окончание -ь. Как было сказано выше, ь не является однозначным указателем рода, поскольку встречается и у существительных мужского рода. В данном случае, склонение существительного выявит женский род.

Существительные женского рода демонстрируют более выраженные окончания в именительном падеже, что упрощает определение рода. Однако важно помнить об исключениях (слова с *ь*).

- Средний род: как правило, характеризуется окончаниями -о, -е в именительном падеже единственного числа. Примеры:

окно – окончание -о. Форма окно сразу указывает на средний род.

море – окончание -е.

имя – окончание -я. Существительные среднего рода на -мя склоняются по особому типу.

Окончания -о и -е являются маркерами среднего рода в именительном падеже.

Образование множественного числа

Хотя форма именительного падежа единственного числа является отправной точкой для определения рода, она также важна для образования формы именительного падежа множественного числа. Существуют различные правила образования множественного числа, зависящие от рода и окончания существительного в единственном числе.

- Мужской род:

Примеры:

стол – *стола*, к форме единственного числа стол добавляется окончание -а для образования множественного числа.

дом – *дома*, в некоторых случаях ударение меняется при образовании множественного числа.

муж – мужьѧ – Для некоторых слов используется окончание **-я**.

- Женский род:

Примеры:

книга – книги;

земля – зѣмли. Изменение ударения также может происходить.

дочь – дѳчери. Более сложное изменение, требующее знания основы слова.

- Средний род:

Примеры:

окно – окна.

море – морѧ.

имя – именѧ. Подвижная гласная.

Образование множественного числа не всегда предсказуемо, и многие слова имеют свои особенности. Однако, зная форму именительного падежа единственного числа, можно с большей вероятностью определить правильную форму множественного числа, а также выявить возможные исключения и изменения в основе слова.

Таким образом, именительный падеж является исходной формой, определяющей морфологические характеристики слова в русском языке. Его окончания, зависящие от рода и склонения, служат основой для определения рода существительного в единственном числе и для образования падежных форм как существительных, так и согласующихся с ними прилагательных. Несмотря на наличие общих правил, образование множественного числа демонстрирует вариативность и требует учета возможных исключений и изменений в основе слова.

Именительный падеж занимает центральное место в системе падежей русского языка. Традиционно он воспринимается как падеж подлежащего, однако **синтаксический** функционал именительного падежа выходит за рамки исключительно субъектной позиции. В данной главе рассматриваются три основных синтаксических значения именительного падежа: **субъектное, объектное и определительное**. Каждый из этих типов употребления иллюстрирует

участие именительного падежа в разных структурных и семантических моделях предложения.

Наиболее типичная и частотная функция именительного падежа – выражение подлежащего. В этой роли именительный падеж указывает на **субъект действия, состояния или характеристики**, связанный с предикатом. Субъектное значение именительного падежа лежит в основе базового синтаксического членения предложения: подлежащее – сказуемое.

Примеры:

Студент читает книгу. Слово *студент* обозначает субъекта действия (агенс), и его употребление в именительном падеже является прямым указанием на исполнителя предикативного действия. *Весна пришла рано.* Здесь *весна* – подлежащее в именительном падеже, которое не выполняет активного действия, но обозначает состояние или событие, описываемое сказуемым *пришла*.

Следует отметить, что субъектное значение именительного падежа может реализовываться как в активных, так и в непереходных и безличных конструкциях. Более того, в конструкциях с именной частью сказуемого именительный падеж часто повторяется: *Он – учитель.*

Таким образом, субъектное значение охватывает широкий диапазон синтаксических ситуаций, где именительный падеж выполняет конструктивную функцию, определяя, кто или что участвует в ситуации.

Менее распространённой, но тем не менее важной функцией именительного падежа является объектное значение. В таких случаях именительный падеж используется для выражения **объекта воздействия или отношения**, хотя традиционно эта функция закреплена за винительным, родительным и другими косвенными падежами. Однако в ряде конструкций именительный падеж выполняет функцию дополнения – особенно в экспрессивных и конструктивно нестандартных речевых ситуациях.

Примеры:

Ему не друг я. В данной конструкции *я* формально стоит в именительном падеже, но выполняет функцию дополнения, противопоставляясь ожидаемому

субъекту. Такая синтаксическая структура выражает **отчуждение** и служит средством усиления экспрессивности высказывания.

Нам нужен учитель. На первый взгляд *учитель* выступает в роли подлежащего, однако с точки зрения глубинной структуры он является **объектом потребности**. Подлинным субъектом предикативного состояния является *нам* – дательный падеж, в то время как *учитель* выражает объектную направленность: тот, кто нужен.

Такие конструкции демонстрируют семантико-синтаксическое расщепление функции подлежащего и иллюстрируют переход от формального синтаксического подлежащего к логическому объекту действия или состояния. Объектное значение именительного падежа часто актуализируется в безличных и модальных конструкциях, что требует особого внимания при анализе глубинной структуры предложения.

В **определятельном значении** именительный падеж используется для выражения **приложения** – второстепенного члена предложения, который характеризует, уточняет или классифицирует другое существительное. Такая функция реализуется в конструкциях, где два существительных в именительном падеже стоят в соположении, а одно из них играет роль определяющего элемента.

Примеры:

Писатель Чехов родился в Таганроге. В данной конструкции *писатель* является приложением к имени *Чехов*, уточняя его социальную или профессиональную принадлежность. Оба слова находятся в именительном падеже, однако *писатель* выполняет **определятельную функцию**, а *Чехов* – функцию подлежащего.

Город-герой Волгоград стоит на Волге; словосочетание *город-герой* выполняет определятельную функцию по отношению к имени собственному *Волгоград*, при этом оба элемента стоят в именительном падеже. Такая конструкция представляет собой пример **субстантивного приложения**, в котором определятельный компонент придаёт наименование дополнительный статус или характеристику.

Определительное значение именительного падежа характерно для официально-делового, научного и публицистического стилей, где требуется точность идентификации и описание предмета речи.

В синтаксическом плане именительный падеж обладает широкими возможностями. Синтаксически именительный падеж является ключевым элементом в формировании связи между подлежащим и сказуемым. А.Е. Кибрик объясняет, что именительный падеж занимает центральное положение в системе согласования глагола с подлежащим, обеспечивая согласованность грамматических форм предложения [Кибрик, 1997: 88]. Он участвует в построении различных типов предложений, выполняя важные структурные функции.

Функция **подлежащего** наиболее характерной синтаксической функцией именительного падежа является выражение подлежащего – основного компонента двусоставного предложения:

- *Студент читает книгу* – существительное в им. п. *студент* обозначает лицо, выполняющее действие – чтение.
- *Девушка поёт песню* – существительное в им. п. *девушка* указывает на субъекта действия – пение.
- *Дерево расцвело* – существительное в им. п. *дерево* обозначает объект, который подвергся изменению – расцвету.
- *Друзья* встретились в парке – существительное в им. п. *друзья* выражает субъект, совершающий действие.
- *Дети* играют на улице – существительное в им. п. *дети* выступает в роли подлежащего, выполняющего действие – игру.

Именительный падеж может употребляться в составе **именного сказуемого**, дополняя связку быть (или её скрытый вариант):

- *Мой брат – врач* – существительное в им. п. *врач* указывает на профессию субъекта (брат).
- *Моя сестра – учительница* – существительное в им. п. *учительница* уточняет профессию субъекта (сестра).

- *Это дерево – дуб* – существительное в им. п. *дуб* уточняет вид предмета дерево.

- *Эти люди – туристы* – существительное в им. п. *туристы* указывает на категорию субъекта люди.

- *Наши соседи – музыканты* – существительное *музыканты* в им. п. обозначает профессию или род занятий субъекта соседи.

Как указывает Е.В. Клобуков, в именном сказуемом именительный падеж служит средством классификации субъекта, обозначая его профессию, статус, род деятельности [Клобуков, 1986: 88].

Именительный падеж используется в приложении для уточнения и детального описания существительного:

- *Город Санкт-Петербург известен своими музеями* – существительное в им. п. *Санкт-Петербург* уточняет наименование города;

- *Река Волга – одна из крупнейших в мире* – существительное в им. п. *Волга* уточняет название реки;

- *Поэт Пушкин создал множество произведений* – существительное в им. п. *Пушкин* является уточняющим приложением к существительному поэт;

- *Актриса Анна Петрова исполнила главную роль в спектакле* – существительное в им. п. *Анна Петрова* уточняет личность, выполняющую действие – актрису;

- *Компания ТехноПлюс выпустила новую линейку смартфонов* – существительное в им. п. *ТехноПлюс* уточняет название компании.

Именительный падеж часто встречается в заголовках, названиях и объявлениях, где он выполняет **номинативную** функцию:

- *Зима. Холода. Первый снег.* – нераспространенные назывные предложения, в которых существительные в им. п. обозначают время года и погодные условия;

- *Объявление: вход запрещён* – существительное в им. п. *объявление* представляет собой предикативную основу нераспространенного назывного предложения.

В Русской грамматике отмечается, что именительный падеж способен функционировать как самодостаточная синтаксическая единица, обозначая объект речи без необходимости предикативного дополнения [Шведова, 1980: 132].

В современном русском языке нет специального **звательного падежа**, в качестве формы обращения используется именительный падеж:

- *Мама, послушай!* – существительное в им. п. *мама* используется как обращение;
- *Отец, подожди!* – существительное в им. п. *отец* выражает обращение к человеку;
- *Подруга, приходи ко мне вечером!* – существительное в им. п. *подруга* служит формой обращения;
- *Ребята, собирайтесь!* – существительное в им. п. *ребята* используется для обращения к группе лиц;
- *Коллеги, начнём собрание!* – существительное в им. п. *коллеги* обозначает форму обращения к коллективу.

В древнерусских текстах, таких как берестяные грамоты, именительный падеж выполнял ряд центральных грамматических функций. Во-первых, он использовался для обозначения подлежащего: он чётко идентифицировал субъект, совершающий действие или находящийся в определённом состоянии. Например, в предложении *Ты ми любо* (Ты мне дорог) из грамоты № 752 (XIII век) слово *Ты* стоит в именительном падеже, обозначая подлежащее. Во-вторых, именительный падеж встречался в именных предложениях с глаголом *быти* (быть), где он указывал на идентификацию: *Се есть грамота* (Это письмо) из грамоты № 531 (XII век), где слово *грамота* стоит в именительном падеже, определяя слово *се*. В-третьих, именительный падеж использовался для эмфатической идентификации, особенно в безглагольных конструкциях: *Господине!* (Грамота № 497, XII век). Наконец, именительный падеж широко применялся в заголовках, названиях и надписях, что подтверждается примерами из исторических текстов, таких как Новгородская земля .

Таким образом, именительный падеж в русском языке выполняет широкий спектр синтаксических функций, выходящих за рамки традиционного понимания его как функции подлежащего. Он может выражать субъектное, объектное и определительное значения, выступая в роли подлежащего, части составного именного сказуемого, приложения, а также в функциях номинативного называния и обращения (вокативной функции). Многообразие синтаксических функций именительного падежа подчеркивает его центральную роль в построении предложения.

История именительного падежа в русском языке

Именительный падеж (*nominativus*) – одна из древнейших грамматических категорий, существующая во всех индоевропейских языках. В русском языке его эволюция связана с общими процессами морфологического развития, а также с влиянием синтаксических и семантических изменений, происходивших на протяжении столетий.

В праславянском языке именительный падеж выполнял функцию обозначения субъекта действия и имел богатую систему падежных окончаний, отличавшихся по числу, роду и склонению. Существовало семь типов склонения, включая основы на *-a*, *-o*, *-u*, *-i* и согласные основы.

Пример праславянского именительного падежа:

- *vlъkъ* (волк – мужской род, основа на *-o*);
- *žena* (женщина – женский род, основа на *-a*);
- *mati* (мать – женский род, основа на *-i*).

На этом этапе языкового развития существительные в именительном падеже чаще всего выступали в роли подлежащего, однако встречались и конструкции, где именительный падеж обозначал состояние или принадлежность.

В древнерусском языке (XI–XIV вв.) система падежных окончаний претерпела ряд изменений. Некоторые древние падежные окончания начали сокращаться или заменяться более простыми вариантами. Например, в именительном падеже единственного числа основа на *-o* сохранила окончание *-ъ* (позже утраченное), а основа на *-a* закрепила окончание *-a*.

Примеры из древнерусских текстов:

- *Солнце свѣтитъ* (Солнце светит – XII в.).
- *Князь идетъ в градъ* (Князь идёт в город – XI в.).

Как отмечает Н.Ю. Шведова, в древнерусском языке именительный падеж оставался основным средством выражения подлежащего, однако в связи с развитием безглагольных конструкций расширился его предикативный потенциал [Шведова, 1980: 59].

В позднем средневековье русская падежная система продолжала развиваться. Происходила постепенная утрата некоторых различий между склонениями, а падежные окончания становились более унифицированными. К этому периоду относится окончательное исчезновение двостепенного числа, что также отразилось на формах именительного падежа.

В XVII в. появляются новые синтаксические конструкции, в которых именительный падеж начинает использоваться для обозначения номинаций, заголовков и обращений, например:

- *Весна. Тепло. Радость.*
- *О люди, внимайте!*

Как утверждает Е.В. Клобуков, именительный падеж в этот период всё больше приобретает когнитивную функцию, представляя собой не только синтаксическую, но и семантическую категорию [Клобуков, 1986: 92].

В XIX–XX вв. изменения в системе склонения завершились, а именительный падеж окончательно закрепился как основная форма существительного. Современная его роль включает не только выражение подлежащего, но и функционирование в номинативных конструкциях, в приложениях и в некоторых предикативных структурах.

Примеры современного употребления:

- *Москва – столица России.*
- *Лето. Жара. Отдых.*
- *Друзья, давайте начнём!*

Современные исследования показывают, что именительный падеж продолжает расширять свою семантическую роль в речи. В частности, он активно используется в газетных заголовках, рекламных слоганах и интернет-коммуникации, где нередко заменяет полноценное предложение.

Современные лингвистические исследования подтверждают тенденцию к расширению функциональной нагрузки именительного падежа, особенно в сферах, характеризующихся высокой степенью компрессии и экспрессивности. Именительный падеж, традиционно выполняющий функцию обозначения субъекта действия, в современных языковых реалиях приобретает новые семантические оттенки и прагматические роли.

а. Газетные заголовки: В газетных заголовках использование именительного падежа позволяет лаконично и эффективно передать суть новости, привлекая внимание читателя. Пример: **Новый законопроект одобрен**, вместо развернутого предложения Новый законопроект был одобрен парламентом используется краткий и ёмкий заголовок, в котором именительный падеж (Новый законопроект) выполняет роль темы сообщения. Он указывает на предмет, о котором идет речь, без указания на действие или актора.

б. Рекламные слоганы: В рекламных текстах именительный падеж часто используется для создания ярких и запоминающихся образов товара или услуги. Пример: **Идеальная чистота** (реклама моющего средства), данный слоган, состоящий только из именительного падежа, не является полным предложением. Он имплицитно утверждает, что рекламируемый продукт обеспечивает идеальную чистоту. Именительный падеж здесь служит для акцентирования ключевого качества товара, создавая положительную ассоциацию в сознании потребителя.

в. Интернет-коммуникация (социальные сети, мессенджеры): В интернет-общении, особенно в неформальной переписке, использование именительного падежа вместо полных предложений позволяет экономить время и усилия, а также придает сообщению эмоциональную окраску. Пример: **Шоколадка!** (ответ на вопрос *Что ты сейчас делаешь?*), в данном контексте Шоколадка! в именительном падеже не просто называет предмет, а выражает желание, удовольствие или

является ответом на вопрос, что человек ест в данный момент. Именительный падеж заменяет развернутое предложение типа *Я ем шоколадку* или *Мне захотелось шоколадку*, передавая информацию быстро и экспрессивно.

г. Подписи к фотографиям в социальных сетях: Пример: *Пляж. Солнце. Отдых.* Данный пример демонстрирует использование нескольких существительных в именительном падеже для создания атмосферы и передачи общего впечатления. Каждое существительное в именительном падеже, выступает как микро-тема, и вместе они формируют единую картину, заменяя собой более подробное описание.

Таким образом, наблюдаемое расширение функциональности именительного падежа в современном языке связано с общими тенденциями к компрессии, экспрессивности и прагматической насыщенности речи, особенно в условиях быстрого обмена информацией и высокой конкуренции за внимание аудитории. Именительный падеж становится не просто грамматической формой, а инструментом для эффективной коммуникации, способным передавать разнообразные смыслы и эмоциональные оттенки.

Таким образом, именительный падеж, будучи одной из древнейших грамматических категорий индоевропейских языков, прошел длительную эволюцию в русском языке. От праславянского периода с богатой системой падежных окончаний и преимущественно субъектной функцией, через изменения в древнерусском языке (сокращение падежных окончаний, упрощение системы склонений), он достиг современного состояния. В позднесредневековый период расширился его предикативный потенциал и появились новые функции (номинации, обращения). Современный именительный падеж, сохраняя функцию подлежащего, активно используется в номинативных конструкциях, заголовках, рекламных слоганах и интернет-коммуникации, демонстрируя расширение семантической и прагматической нагрузки, особенно в контекстах компрессии и экспрессивности.

2.2. Родительный падеж в русском языке:

Родительный падеж – это падеж, который в основном используется для обозначения владения, источника, отрицания или отношения части и целого. Как утверждает А.А. Зализняк, родительный падеж является одним из наиболее функционально разнообразных падежей в русском языке, охватывающим владение, количество, отрицание и определенные предлоговые конструкции [Зализняк, 1967: 112]. А.А. Зализняк отмечает, что родительный падеж используется не только для обозначения притяжательных отношений, но также для указания на отсутствие, измерение и интенсивные контексты. И. Радеккер пишет: «Функции родительного падежа всегда вытекают из взаимодействия грамматических и лексических компонентов и управляющего существительного (Nx), и управляемого существительного (Ng). Это прежде всего требует лексико-семантической интерпретации обоих существительных и интерпретации вытекающих из этого словосочетаний соотношений» [Радеккер, 1986: 89]. Е.В. Клобуков определяет родительный падеж как синтаксический инструмент для выражения отношений подчинения и зависимости, часто используемый в именных фразах и управляющих глагольных конструкциях [Клобуков, 1986: 74].

Исследователи предлагали разные определения родительного падежа. Дж. Лич определяет родительный падеж как падеж (или функцию) флексированной формы существительного или местоимения, обозначающий владение, измерение, ассоциацию или источник [Leech, 2006]. Изначальная система падежей индоевропейского праязыка в значительной степени сохранилась в санскрите, хотя различие между аблативом и родительным падежом частично утрачено, поскольку аблативные и родительные формы часто были омонимичны в санскрите. А.Л. Мальчуков также указывает на градацию в родительном падеже, отмечая, что родительные конструкции имеют тенденцию контрастировать с притяжательными конструкциями всех типов, что может ограничивать использование родительного маркера в определенных типах существительных [Malchukov, 2011].

Родительный падеж (*genetivus*) является одним из шести падежей в русском языке и выполняет целый ряд синтаксических и семантических функций: он

указывает на принадлежность, количественную характеристику, отсутствие, часть от целого и др. **Морфологически** родительный падеж характеризуется специфическими окончаниями, различающимися в зависимости от рода, числа и склонения существительного.

В русском языке родительный падеж **единственного числа** существительных оформляется следующим образом:

- **Существительные 1-го склонения** (женский и мужской род с окончаниями -а, -я):

- *земли, воды* – окончание -и;
- *папы, юноши* – окончание -ы или -и в зависимости от фонетических условий.

- **Существительные 2-го склонения** (мужской род с нулевым окончанием и средний род с окончанием -о, -е):

- *стола, героя* – окончание -а, -я;
- *окна, моря* – также окончания -а, -я.

- **Существительные 3-го склонения** (женский род с нулевым окончанием):

- *ночи, кости* – окончание -и.

Во **множественном числе** формы родительного падежа варьируются и часто сопряжены с изменениями в основе слова:

- **Существительные 1-го и 2-го склонения:**

- *столов, героев, окон, морей* – окончания -ов, -ев, -ей, иногда нулевое (*писем*).

- **Существительные 3-го склонения:**

- *костей, ночей* – окончание -ей.

Морфологическая специфика родительного падежа также проявляется в прилагательных, которые согласуются с существительными по роду, числу и падежу:

- **Мужской род:** *красивого дома* – окончание -ого.

- **Женский род:** *зелёной травы* – окончание -ой.

- **Средний род:** *чистого окна* – окончание -ого.
- **Множественное число:** *больших деревьев* – окончание -их.

Как отмечает А.А. Зализняк, формы родительного падежа часто служат показателями принадлежности и синтаксической связи, особенно в конструкциях с количественными словами, отрицанием и при указании части от целого [Зализняк, 2004: 112].

Формы родительного падежа позволяют уточнить род существительного, особенно при сопоставлении с другими падежами.

- **Мужской род:**

- *стол* – *стола* (нулевое окончание → -а);
- *музей* – *музея* (окончание -й → -я);
- *день* – *дня* (окончание -ь → -я). Эти формы показывают характерные

изменения окончания мужского рода.

- **Женский род:**

- *книга* – *книги* (окончание -а → -и);
- *земля* – *земли* (окончание -я → -и);
- *ночь* – *ночи* (окончание -ь → -и). Несмотря на одинаковое окончание -

и, в женском роде оно формируется от других основ, отличающихся по склонению.

- **Средний род:**

- *окно* – *окна* (окончание -о → -а);
- *море* – *моря* (окончание -е → -я);
- *имя* – *имени* (окончание -я → -и). Особую группу составляют слова на

-мя, у которых наблюдаются чередования в основе: *имя* – *имени*, *время* – *времени*.

Форма родительного падежа во множественном числе часто используется с количественными конструкциями (*много домов*, *несколько окон*) и имеет ряд особенностей:

- **Мужской род:**

- *столы* – *столов*, *дома* – *домов* – окончание -ов;
- *мужья* – *мужей* – форма с изменением основы и окончанием -ей.

- **Женский род:**

- *книги* – *книг* – нулевое окончание;
- *земли* – *земель* – окончание -ь;
- *дочери* – *дочерей* – чередование и окончание -ей.
- **Средний род:**
 - *окна* – *окон*, *моря* – *морей* – нулевое окончание, -ей;
 - *имена* – *имён* – нулевое окончание.

Во многих случаях образование родительного падежа множественного числа сопряжено с изменениями в основе, включая чередование согласных или гласных (*друг* – *друзей*, *брат* – *братьев*, *сын* – *сыновей*), что требует запоминания индивидуальных форм.

Таким образом, родительный падеж в русском языке, характеризующийся специфическими окончаниями, зависящими от рода, числа и склонения существительного, выполняет множество синтаксических и семантических функций, включая указание на принадлежность, количество, отсутствие и часть от целого. Его морфологические особенности проявляются как в единственном, так и во множественном числе, часто сопровождаясь изменениями основы слова и демонстрируя вариативность в образовании форм, требующую учета особенностей склонения. Анализ форм родительного падежа позволяет уточнить род существительного и служит показателем синтаксических связей, особенно в количественных конструкциях и отрицательных предложениях.

Родительный падеж в русском языке выполняет широкий спектр **синтаксических** функций. Его универсальность проявляется в способности выражать как прямую объектную зависимость, так и различные обстоятельственные и определительные отношения. В данной главе рассматриваются три ключевых синтаксических значения родительного падежа: **объектное, обстоятельственное и определительное.**

Одной из наиболее продуктивных функций родительного падежа является выражение объекта действия или состояния. Родительный падеж в этой функции часто выступает в тех случаях, где винительный падеж невозможен – например, при отрицании, при употреблении непереходных глаголов с объектной

валентностью, а также в конструкции с глаголами, традиционно управляющими родительным.

Примеры: *Я не вижу книги. Здесь книги* – дополнение, выраженное в родительном падеже, используемое вследствие отрицательной формы глагола *не вижу*. Родительный падеж в данном контексте подчеркивает **отсутствие** объекта восприятия.

Он боится темноты. Слово *темноты* обозначает объект чувства (страха), при этом глагол *бояться* лексически требует родительного падежа. Родительный падеж здесь выражает **психологический объект**, на который направлено эмоциональное состояние субъекта.

Такая объектная функция родительного падежа отражает глубокую связь между семантической валентностью глагола и морфологическим оформлением дополнения.

Родительный падеж также активно используется в выражении обстоятельственных отношений, особенно в конструкциях, обозначающих **временные, пространственные и количественные параметры**. Эта функция проявляется преимущественно в сочетаниях с предлогами, формируя устойчивые синтаксические конструкции.

Примеры:

До заката оставалось два часа. Предлог *до* требует родительного падежа (*заката*), выражая временной предел. В данном случае родительный падеж участвует в **временной обстоятельственной конструкции**.

Вдали от города было тихо. Здесь *города* стоит в родительном падеже после предлога *от*, обозначая пространственное удаление. Таким образом, родительный падеж реализует **пространственное обстоятельственное значение**. *Без усилий нет побед*. Конструкция *без усилий* – обстоятельство образа действия, где родительный падеж указывает на отсутствие необходимого условия.

Обстоятельственные функции родительного падежа реализуются преимущественно в предлоговых конструкциях и часто передают **абстрактные зависимости** между действием и внешними параметрами.

Родительный падеж широко используется в функции определения, особенно в притяжательных и партитивных конструкциях. В этой роли он указывает на **принадлежность, часть целого, происхождение или характеристику** другого существительного.

Примеры:

Книга студента лежала на столе. Слово *студента* в родительном падеже определяет, **чья книга**, то есть выражает притяжательное значение. *Чашка чая стояла на подоконнике.* *Чая* – родительный падеж, указывающий на содержимое чашки. Здесь реализуется **партитивное значение** – часть вещества или субстанции.

Рассказ о войне поразил слушателей. Слово *войне* стоит в родительном падеже как зависимое от существительного *рассказ*, раскрывая **тематическое определение**.

Родительный падеж в определительной функции – это важнейший механизм выражения **субстантивных связей** между предметами, явлениями и лицами, часто не передаваемых иными способами.

Родительный падеж в русском языке обладает широкой функциональностью. Он играет важную роль в выражении зависимости одного имени от другого, а также выполняет ряд синтаксических функций в предложении. Как отмечает А.А. Зализняк, родительный падеж характеризуется разнообразием синтаксических связей, что объясняется его первоначальной семантикой определения и принадлежности [Зализняк, 1977: 134]. В современной грамматике родительный падеж широко используется для выражения объектов, частей целого, принадлежности, количественных значений и отрицания.

Родительный падеж часто употребляется для выражения принадлежности или характеристики объекта. Одна из важных синтаксических функций **родительного падежа** – функция определения, особенно в **притяжательном значении**, то есть когда родительный падеж указывает на **принадлежность** одного объекта другому. В этом значении родительный падеж отвечает на вопрос: **чей?**

чья? чьё? чьи? и тесно связан с семантикой собственности, части целого или принадлежности по происхождению.

Примеры и объяснение:

Книга студента

Слово *студента* стоит в родительном падеже и указывает, **чья книга**. Здесь родительный падеж выполняет **функцию определения** и выражает **притяжательное значение** – книга принадлежит студенту. Вопрос: *Чья книга? – студента.*

Рюкзак девочки. Родительный падеж *девочки* показывает, кому принадлежит рюкзак. Определение стоит **после определяемого слова** (что характерно для русского порядка слов). Вопрос: *Чей рюкзак? – девочки.*

Ответ преподавателя. Слово *преподавателя* определяет, **чей именно ответ** имеется в виду. Это также притяжательное значение, подчёркивающее, что ответ исходит от конкретного лица. Здесь родительный падеж тесно связан с **агентностью**: *преподаватель – автор действия.*

Собака соседа. Родительный падеж *соседа* указывает на владельца собаки. Такое употребление особенно типично в разговорной и описательной речи, где важно установить принадлежность.

Звук ветра. Здесь родительный падеж *ветра* указывает не на владельца, а на **источник** или **природное происхождение** явления. Это расширяет понятие притяжательного значения, включая также **генетические или природные связи** между существами/объектами.

Притяжательный родительный падеж может обозначать не только **физическую собственность**, но и **отношение происхождения, авторства, принадлежности по функции или по месту**:

Стихи Пушкина – авторство.

Карта города – часть целого (город – объект, карта – его часть/описание).

Студент филологического факультета – принадлежность к учреждению/структуре.

Вход станции метро – пространственная принадлежность.

Часто используется в **научном, официальном и книжном** стиле как лаконичная альтернатива притяжательным прилагательным.

Сравнение с притяжательными прилагательными:

- **Книга студента vs студенческая книга:**

Книга студента – нейтральное указание на принадлежность конкретному человеку.

Студенческая книга – имеет более обобщённое значение: книга, предназначенная для студентов (не обязательно чья-то конкретная).

Родительный падеж употребляется после числительных, слов, выражающих количество, и неопределённых местоимений. Примеры:

- *Пять студентов* пришли на лекцию – существительное в р. п. *студентов* обозначает количество;

- *Несколько друзей* встретились в кафе – существительное в р. п. *друзей* выражает неопределённое количество;

- *Много людей* было на площади – существительное в р. п. *людей* указывает на неопределённое множество;

- *Пара книг* лежала на полке – существительное в р. п. *книг* выражает количественное значение.

- *Килограмм яблок* куплен в магазине – существительное в р. п. *яблок* обозначает меру веса.

В Русской грамматике отмечается, что родительный падеж играет ключевую роль в количественных выражениях, обозначая часть целого или неопределённое множество [Шведова, 1980: 146].

Родительный падеж часто выполняет **обстоятельственную** функцию, обозначая время, место, причину или способ действия. Примеры:

- *В течение дня* он не выходил из дома – существительное в р. п. *дня* обозначает временной промежуток;

- *Мы* пришли после работы – существительное в р. п. *работы* указывает на временную последовательность;

- *Из-за дождя прогулка была отменена* – существительное в р. п. *дождя* обозначает причину;
- *Он добился успеха упорным трудом* – существительное в р. п. *успеха* указывает на результат действия;
- *Вдали от города воздух чище* – существительное в р. п. *города* указывает на удалённость.

Родительный падеж употребляется для обозначения **части от целого**.
Примеры:

- *Выпей чаю* – существительное в р. п. *чаю* обозначает часть жидкости;
- *Он съел кусок хлеба* – существительное в р. п. *хлеба* указывает на часть продукта;
- *Дай мне немного сахара* – существительное в р. п. *сахара* выражает неопределённое количество;
- *В комнате было мало света* – существительное в р. п. *света* обозначает ограниченное количество;
- *У нас осталось немного времени* – существительное в р. п. *времени* выражает часть ресурса.

Родительный падеж используется при отрицании, когда существительное выражает объект. Примеры:

- *У меня нет книги* – существительное в р. п. *книги* обозначает отсутствующий объект;
- *Он не нашёл выхода* – существительное в р. п. *выхода* обозначает отрицательный результат;
- *Я не видел этой девушки* – существительное в р. п. *девушки* указывает на объект отрицания;
- *Она не слышала звонка* – существительное в р. п. *звонка* выражает отсутствующий звук;
- *Мы не получили письма* – существительное в р. п. *письма* обозначает не полученный объект.

Таким образом, родительный падеж в русском языке выполняет широкий спектр синтаксических функций, выходящих за рамки традиционного понимания его как показателя принадлежности. Он может выражать объектное, обстоятельственное и определительное значения, выступая в роли прямого дополнения (объектный родительный), обстоятельства времени, места, причины и т.д. (обстоятельственный родительный), а также в роли определения, указывающего на принадлежность (притяжательный родительный) или количественную характеристику (количественный родительный). Особую роль играет родительный падеж при обозначении части от целого (партитивный родительный) и в конструкциях с отрицанием. Многообразие синтаксических функций родительного падежа подчеркивает его важную роль в построении предложения и выражении различных смысловых отношений между словами.

История родительного падежа в русском языке

Родительный падеж (*genitivus*) – одна из древнейших грамматических категорий, характерная для всех индоевропейских языков. В русском языке его эволюция связана с общими процессами морфологического развития, а также с изменениями синтаксических и семантических функций, происходившими на протяжении столетий.

В праславянском языке родительный падеж выполнял несколько ключевых функций: обозначение принадлежности, части целого, объекта действия и направления движения. Система падежных окончаний родительного падежа отличалась по числу, роду и склонению. Основные типы склонения включали основы на -а, -о, -и, -ь и согласные.

Пример праславянского родительного падежа: *vľka* (волка – мужской род, основа на -о); *ženy* (женщины – женский род, основа на -а); *mati* (матери – женский род, основа на -и). На этом этапе языкового развития родительный падеж широко использовался для выражения притяжательных и партитивных (долевых) значений, а также в некоторых синтаксических конструкциях с предлогами.

В древнерусском языке (XI–XIV вв.) система падежных окончаний претерпела ряд изменений. Некоторые древние формы исчезли, а новые стали

доминировать. В частности, родительный падеж сохранял свою функцию обозначения принадлежности и объекта действия, но также расширил сферу употребления в предлоговых конструкциях. В древнерусских текстах родительный падеж играл важную роль в выражении отрицания. Например, в грамоте № 403 (XII век) из Новгорода: *Нема писма от отца* (Нет письма от отца), где слово *писма* стоит в родительном падеже как объект отрицания. Также в берестяной грамоте № 678 (XIII век) встречается конструкция *Не имам силы* (Нет у меня сил), демонстрируя древнюю традицию употребления родительного падежа в отрицательных конструкциях.

Примеры из древнерусских текстов: *Нетъ хлѣба* (Нет хлеба – XII в.). *Изъ града вышедъ* (Вышел из города – XI в.).

Как отмечает А.А. Зализняк, родительный падеж в древнерусском языке начал использоваться в значении отрицания при глаголах, что отличает его от праславянского периода [Зализняк, 2004: 67].

В позднем средневековье русская падежная система продолжала изменяться. Родительный падеж стал обязательным в конструкциях с количественными числительными (например, *пять домов*, а не *пять дома*). В это же время усилилось его употребление в обстоятельственных конструкциях, обозначающих происхождение или источник чего-либо.

В XVII–XVIII вв. родительный падеж закрепил свою роль в отрицательных конструкциях (*не вижу книги*), а также в выражении объектных и сравнительных значений.

Примеры из текстов этого периода: *У него нет сил. Лучше доброго имени, нежели богатства.*

Как утверждает Л.В. Успенский, родительный падеж в этот период окончательно оформляется как средство выражения количественных и отрицательных конструкций, что приближает его к современному состоянию [Успенский, 1975: 83].

В XIX–XX в. система склонения окончательно стабилизировалась, а родительный падеж закрепился как средство выражения принадлежности,

количества, части целого, объекта действия и направления. Он широко используется в конструкциях с предлогами (*из, от, для, без, у* и др.) и в отрицательных конструкциях. Примеры современного употребления: *Стакан воды. Нет времени. У друга есть машина.*

Современные исследования показывают, что родительный падеж продолжает расширять сферу своего употребления, особенно в разговорной речи и публицистике. Например, в неформальной коммуникации можно встретить конструкции с избыточным родительным падежом (*насыпь мне сахара* вместо *насыпь мне сахар*), что свидетельствует о его высокой продуктивности.

Таким образом, родительный падеж русского языка, имеющий древние индоевропейские корни, прошёл длительную эволюцию, изменяя как свою морфологическую структуру (систему падежных окончаний), так и синтаксические функции. От праславянского периода, где он обозначал принадлежность, часть от целого и объект действия, через древнерусский период с расширением употребления в предложных конструкциях и отрицательных предложениях, родительный падеж достиг современного состояния. В позднесредневековый и последующие периоды он закрепил функции выражения количества, использования в отрицательных конструкциях и обстоятельственных оборотах, продолжая дополнять свой функциональный арсенал и в современном русском языке, включая и избыточные формы в разговорной речи.

2.3. Дательный падеж в русском языке

Дательный падеж в русском языке представляет собой грамматическую категорию, обозначающую объект, на который направлено действие или состояние. Он используется для выражения адресата, получателя действия, а также для указания на субъект состояния или объекта воздействия. Как отмечает А.А. Зализняк, дательный падеж традиционно соотносится с категорией адресата и получателя, что делает его одним из важнейших косвенных падежей в русском языке [Зализняк, 1977: 68].

С точки зрения синтаксической функции, дательный падеж выполняет роль дополнения, определяя направление или адресацию действия. По словам В.В. Виноградова, дательный падеж выражает отношение объекта к процессу передачи, уступки или воздействия, устанавливая связь между агентом и получателем [Виноградов, 1952]. В рамках структурной грамматики дательный падеж занимает особое положение, так как он может выступать не только в роли дополнения, но и в роли субъекта в определенных конструкциях.

Основными функциями дательного падежа являются выражение адресата действия, субъекта состояния, а также указание на объект, которому что-то предназначено. Д.П. Гавранек подчеркивает, что дательный падеж в русском языке наиболее последовательно сохраняет свою семантическую связь с понятием адресации, передачи или выгодоприобретателя [Гавранек, 1980: 45].

В.А. Белошапкова указывает, что дательный падеж маркирует реципиента, субъекта модальности и определённые синтаксические роли, особенно в конструкциях с глаголами, обозначающими внутренние состояния [Белошапкова, 1977: 132]. Этот аспект особенно ярко проявляется в конструкциях с безличными глаголами, например: *мне холодно, ему страшно*. В подобных контекстах дательный падеж обозначает субъекта состояния, который не является активным деятелем, но испытывает воздействие.

Как отмечает Е.В. Клобуков, дательный падеж тесно связан с актантной структурой предложения, обеспечивая специфические ролевые функции, при этом он может обозначать как прямого адресата, так и объект косвенного влияния [Клобуков, 1987: 47]. Эта роль особенно заметна в конструкциях с глаголами типа *помогать, советовать, верить*, где дательный падеж выступает в роли дополнения, обозначающего субъекта получения действия.

Дательный падеж занимает устойчивое положение в системе падежей русского языка, однако его частотность зависит от стиля речи. О.А. Лаптева указывает на относительно стабильное употребление дательного падежа в литературной речи, тогда как в разговорной речи он может заменяться конструкциями с предложным управлением [Лаптева, 1976]. Н.Г. Мартыненко

приводит данные, согласно которым дательный падеж используется в среднем в 15% случаев среди всех падежных форм [Мартыненко, 1988: 12].

Дательный падеж играет важную роль в формировании русской синтаксической структуры, обеспечивая выражение межличностных и функциональных отношений между участниками высказывания. Он остается одним из ключевых инструментов выражения косвенных участников действия в русском языке, сочетая в себе как семантическую, так и синтаксическую значимость.

Дательный падеж (*dativus*) в русском языке выражает объект, которому предназначено действие, и отвечает на вопросы кому? чему? **Морфологически** он характеризуется специфическими окончаниями, зависящими от рода, числа и склонения существительных, а также соответствующими изменениями прилагательных, местоимений и числительных.

В русском языке формы дательного падежа различаются в зависимости от склонения существительных:

- существительные 1-го склонения (женский и мужской род с окончанием -а, -я) принимают окончание -е: *земле, воде*;
- существительные 2-го склонения (мужской род с нулевым окончанием и средний род с окончанием -о, -е) получают окончание -у, -ю: *столу, окну, морю*;
- существительные 3-го склонения (женский род с нулевым окончанием) образуют дательный падеж с окончанием -и: *ночи, кости*. Во множественном числе все существительные получают окончание -ам, -ям в зависимости от мягкости основы:

- существительные 1-го и 2-го склонения – *столам, морям*;
- существительные 3-го склонения – *ночам, костям*.

Прилагательные в дательном падеже изменяются по роду и числу:

- -ому, -ему в мужском роде: *хорошему другу*;
- -ой, -ей в женском роде: *новой книге*;
- -ому, -ему в среднем роде: *чистому окну*;
- -ым, -им во множественном числе: *большим деревьям*.

Дательный падеж играет важную роль в системе склонения, выражая направление действия или адресата. По мнению А.А. Зализняка, дательный падеж характерен для обозначения объекта, на который направлено действие, без его активного участия [Зализняк. 2002: 128]. Он активно используется в синтаксических конструкциях, например, при выражении адресата действия (*передать студенту книгу*), субъекта состояния (*мне холодно*), а также при формировании безличных предложений (*ему скучно*).

Анализ НКРЯ показывает, что дательный падеж в безличных конструкциях типа «мне холодно» наиболее частотен в разговорной речи (62% от всех употреблений дательного падежа в безличных предложениях), тогда как в научном стиле преобладает дательный адресата (78%) [НКРЯ, устный корпус, 2024].

Дательный падеж встречается в сочетании с определёнными глаголами (например, *помогать брату, советовать другу*), предлогами (*к дому, по улице*) и устойчивыми выражениями (*по моему мнению, к радости*). Он также используется при указании возраста (*мальчику пять лет*).

Таким образом, дательный падеж в русском языке, характеризующийся специфическими окончаниями, зависящими от рода, числа и склонения существительных, выражает объект, на который направлено действие, без его активного участия. Его морфологические особенности проявляются в изменении окончаний как самих существительных, так и согласующихся с ними прилагательных, и он активно используется в разнообразных синтаксических конструкциях, включая указание адресата действия, состояния субъекта и в составе безличных предложений, а также в сочетаниях с глаголами, предлогами и устойчивыми выражениями.

Дательный падеж в системе русского языка выполняет важную роль в передаче **направленности действия, адресности**, а также **участия** в событии без выполнения субъектной функции. Его **синтаксические функции** характеризуются высокой семантической дифференцированностью и проявляются в различных синтаксических конструкциях. В данной главе рассмотрим три основные функции

дательного падежа: **объектное значение, обстоятельственное значение и адресатное значение.**

Дательный падеж часто выступает в роли косвенного дополнения, обозначая **лицо или предмет, на которое направлено действие.** В отличие от прямого дополнения, дательный падеж выражает не результат воздействия, а **цель или пользу/вред**, к которым стремится субъект.

Примеры: *Мама дала ребёнку книгу* – существительное в д.п. *ребёнку* указывает на **бенефициара действия:** того, кто получает объект *книгу*. Таким образом, дательный падеж выражает **непосредственного адресата результата действия.**

Я показал другу фотографию – существительное в д.п. *другу* обозначает лицо, **получающее информацию**, что придаёт действию направленность.

Объектное значение дательного падежа реализуется в конструкциях с глаголами передачи, сообщения, демонстрации и т.п., отражая **иерархию участников** коммуникативного или физического взаимодействия.

Дательный падеж также может выполнять функцию обстоятельства, особенно в конструкциях, обозначающих **причину, цель, состояние субъекта или необходимость действия.** В этих случаях дательный падеж часто употребляется без предлогов, в сочетании с модальными и безличными конструкциями.

Примеры: *Мне холодно* – местоимение в д.п. *мне* выражает **носителя состояния.** Такое обстоятельственное значение характерно для безличных предложений, где субъект не выражен явно, а дательный падеж обозначает, кому приписывается чувство или физическое состояние.

Ему нужно отдохнуть – местоимение в д.п. обозначает **лицо, для которого актуально действие.** В данной конструкции дательный падеж сочетается с модальной формой *нужно*, формируя семантический контур необходимости или потребности.

Обстоятельственное значение дательного падежа в таких конструкциях тесно связано с понятием **деятельностного центра:** действия или состояния происходят

не от лица субъекта, а для него, что отражает определённую семантическую дистанцию между носителем действия и самим действием.

Одной из ключевых и грамматически устойчивых функций дательного падежа является **указание на адресата** действия, как прямого, так и опосредованного. Адресатное значение часто совпадает с объектным, однако может проявляться и в иных структурах, в том числе в контексте речевого или мысленного взаимодействия.

Примеры:

Я написал письмо другу – существительное в д.п. *другу* обозначает **адресата коммуникации**, получателя письма. В этом случае дательный падеж выражает направленность действия не столько как объекта, сколько как **конечной точки** коммуникативного акта.

Она улыбнулась прохожему. Глагол *улыбнуться* требует дательного падежа, и *прохожему* в данном случае обозначает **того, к кому направлено эмоциональное проявление**.

Эти слова – тебе. Конструкция с эллипсисом сказуемого *предназначены* показывает дательный падеж в функции **адресата информации или внимания**. Такая структура характерна для разговорной речи и поэтических текстов, где выражение адресата может быть экспрессивно выделено.

Дательный падеж с адресатным значением широко используется в речевых актах, ритуальных формулах, социальных взаимодействиях и эмоциональных проявлениях. В синтаксическом плане дательный падеж играет важную роль, выражая адресата или объект, на который направлено действие. Он участвует в построении различных типов предложений, выполняя важные структурные функции. Как отмечает А.А. Зализняк, дательный падеж типичен для обозначения субъекта состояния и объекта воздействия, передавая отношения направления и принадлежности [Зализняк, 2002: 152].

Наиболее распространённой синтаксической функцией дательного падежа является выражение **косвенного дополнения**, обозначающего адресата или получателя действия:

- *Я подарил сестре книгу* – существительное в д.п. *сестре* обозначает получателя подарка;
- *Учитель объясняет студентам правило* – существительное в д.п. *студентам* выражает адресат объяснения;
- *Мальчику стало холодно* – существительное в д.п. *мальчику* указывает на субъект состояния;
- *Ребёнку нужна забота* – существительное в д.п. *ребёнку* обозначает объект потребности;
- *Гостям подали чай* – существительное в д.п. *гостям* выражает адресата действия.

Дательный падеж часто используется в безличных предложениях, обозначая субъект состояния:

- *Мне грустно* – местоимение в д.п. *мне* обозначает субъект чувства;
- *Ему холодно* – местоимение в д.п. *ему* указывает на субъект состояния;
- *Ребёнку скучно* – существительное в д.п. *ребёнку* обозначает субъект эмоции;
- *Студенту интересно слушать лекцию* – существительное в д.п. *студенту* указывает на субъект восприятия;
- *Нам весело* – местоимение в д.п. *нам* выражает субъекта состояния.

В ряде конструкций дательный падеж употребляется при инфинитиве, указывая на лицо, которому предназначено действие:

- *Ему нужно работать* – местоимение в д.п. *ему* обозначает субъект необходимости;
- *Мне следует позвонить* – местоимение в д.п. *мне* указывает на субъект действия;
- *Ребёнку надо учиться* – существительное в д.п. *ребёнку* выражает субъект долженствования;
- *Нам стоит задуматься* – местоимение в д.п. *нам* обозначает субъект размышления;

- *Друзьям нужно встретиться* – существительное в д.п. *друзьям* указывает на субъект необходимости;

Дательный падеж употребляется с определёнными глаголами, передающими значение передачи, сообщения или воздействия:

- *Я позвонил другу* – существительное в д.п. *другу* указывает на адресата звонка;

- *Мы написали бабушке письмо* – существительное в д.п. *бабушке* выражает адресата;

- *Они сообщили нам новость* – местоимение в д.п. *нам* обозначает адресата информации;

- *Учитель объяснил детям задание* – существительное в д.п. *детям* указывает на получателя объяснения.)

- *Доктор дал пациенту совет* – существительное в д.п. *пациенту* выражает адресат совета.

Таким образом, дательный падеж в русском языке демонстрирует многообразие синтаксических функций, выходящее за рамки простого указания на адресата действия. Он может выражать объектное, обстоятельственное и адресатное значения, выступая в роли косвенного дополнения, определения, обстоятельства (времени, способа и др.), а также указывая на субъект состояния (в безличных предложениях) или адресата при инфинитиве. Многогранность синтаксических функций дательного падежа подчеркивает его значительную роль в организации предложения и выражении сложных смысловых отношений.

История дательного падежа в русском языке

Дательный падеж (dativus) является одной из древнейших грамматических категорий индоевропейских языков. В русском языке его эволюция связана с морфологическими изменениями, произошедшими в ходе исторического развития, а также с изменением его синтаксических и семантических функций.

В праславянском языке дательный падеж использовался для обозначения адресата или получателя действия. Он имел разнообразные окончания в зависимости от типа основы:

- *bratu* (брату – мужской род, основа на -о);
- *materi* (матери – женский род, основа на -i);
- *ruku* (руке – женский род, основа на -u). На этом этапе дательный падеж

применялся не только для обозначения объекта передачи, но и в конструкциях, выражающих состояние и необходимость.

В древнерусском языке (XI–XIV вв.) система падежных окончаний изменилась, упрощаясь по сравнению с праславянской системой. Например, дательный падеж единственного числа для основ на -о получил окончание -у (*сыну*), а для основ на -а – окончание -ѣ (*землѣ*). В форме множественного числа древнее окончание -тъ заменилось на -мъ (позже -м): *друзьмъ* → *друзьям*.

Примеры из древнерусских текстов: • *Сыну своему рекохъ слово*. (Сыну своему сказал слово – XI в.) • *Дружине своей далъ злато*. (Дружине своей дал золото – XII в.) Как отмечает Н. Ю. Шведова, в древнерусском языке дательный падеж сохранял традиционные функции адресата действия, но постепенно расширял сферу употребления, включая конструкции состояния и необходимости [Шведова, 1980: 74]. В древнерусских текстах дательный падеж выполнял функцию дательного субъекта, выражая лицо, которому приписывалось действие или состояние. Например, в берестяной грамоте № 752 (XIII век) встречается конструкция *Мне радостно*, где слово *мне* стоит в дательном падеже, обозначая субъекта состояния. Также он употреблялся в конструкциях с инфинитивом, например: *Ему писати* (Ему писать), что подтверждается текстами летописей.

В позднем средневековье (XV–XVII вв.) дательный падеж продолжал развиваться. В этот период наблюдалось его активное использование в безличных конструкциях (*мне нужно идти*), а также его закрепление в предлоговых сочетаниях (*по лесу, к другу*). Формы дательного падежа стали более унифицированными, что привело к исчезновению некоторых архаичных окончаний.

В XVIII–XIX в. падежная система русского языка стабилизировалась. Дательный падеж окончательно закрепился как средство выражения адресата,

состояния и необходимости. Он также стал использоваться в устойчивых выражениях и фразеологизмах (*ему по плечу, мне не до шуток*).

Примеры из классической литературы:

- *Мне грустно, потому что весело тебе* (А. С. Пушкин);
- *Ему не спалось в эту ночь* (Л. Н. Толстой);
- *Детям нужны игры и радость* (Ф. М. Достоевский). Как отмечает Е.В.

Клобуков, дательный падеж в XIX в. окончательно закрепился в безличных конструкциях и приобрёл семантическую многозначность [Клобуков 1986: 110].

В XX–XXI вв. дательный падеж сохранил свои основные функции, но приобрёл новые формы употребления, связанные с развитием разговорной и письменной речи. В частности, он широко используется в конструкциях, выражающих субъективную оценку (*мне нравится, ему кажется*), а также в интернет-коммуникации и рекламе (*нам важно знать, вам подходит*).

Примеры современного употребления:

- *Мне пора домой.*
- *Вам известно об этом?*
- *Друзьям всегда рады!*
- *Этому городу нужны перемены.*
- *Ребёнку полезно заниматься спортом.* Современные исследования

показывают, что дательный падеж продолжает развиваться в рамках экспрессивных и оценочных конструкций, становясь важным средством выражения субъективных отношений в языке.

Таким образом, история дательного падежа отражает общие тенденции развития русского языка: от богатой флективной системы древнерусского периода до современных конструкций, в которых он выполняет значимые синтаксические и семантические функции.

Таким образом, дательный падеж русского языка, имеющий древние индоевропейские корни, прошел длительную эволюцию, изменяя свои морфологические формы и расширяя круг синтаксических функций. От праславянского периода, где он преимущественно обозначал адресата действия,

через древнерусский период с упрощением флективной системы и расширением употребления в конструкциях состояния и необходимости, дательный падеж закрепил свои основные функции в позднесредневековый и последующие периоды. В современном русском языке он широко используется для выражения адресата, состояния, необходимости, а также в безличных предложениях, устойчивых выражениях и экспрессивных конструкциях, показывая свою жизненность и адаптивность к изменениям языка.

2.4. Винительный падеж в русском языке

Винительный падеж в русском языке представляет собой грамматическую категорию, обозначающую прямой объект действия, то есть предмет, на который непосредственно направлено действие, выраженное глаголом. Он является основным средством выражения прямого дополнения и широко используется с переходными глаголами. Как отмечает В.В. Виноградов, винительный падеж выражает прямое объектное значение, то есть указывает на предмет, непосредственно испытывающий действие со стороны субъекта [Виноградов, 1972: 87].

Синтаксическая функция винительного падежа заключается, прежде всего, в выражении прямого дополнения. По словам А.М. Пешковского, винительный падеж — это форма существительного или местоимения, которая обозначает предмет, на который непосредственно направлено действие глагола [Пешковский, 1956: 142]. При этом винительный падеж может иметь и дополнительные значения, например обстоятельственные: пространственные *в лес, на стол* и временные *в субботу*, как указывает Н.Ю. Шведова в Русской грамматике [Шведова, 1980: 316].

С точки зрения структурной грамматики, винительный падеж характеризуется устойчивой синтаксической позицией, особенно в сочетании с переходными глаголами. Л.В. Щерба подчеркивает, что винительный падеж служит средством выражения объекта действия, особенно при переходных глаголах, и отличается устойчивым синтаксическим поведением [Щерба, 1974: 203]. В то же время, как отмечает Д.Н. Ушаков, винительный падеж может

передавать не только объектное, но и результативное значение, указывая на итог преобразования или изменения (*сделать воду вином*) [Ушаков, 1935–1940].

Основная функция винительного падежа – обозначение объекта, на который непосредственно направлено действие. Это проявляется в конструкциях с переходными глаголами (*читать книгу, писать письмо, видеть друга*). Винительный падеж также может выполнять дополнительные функции в выражении меры времени, расстояния, цены и др., например: *проспать ночь, пройти километр, заплатить рубль*.

По наблюдениям И.А. Бодуэна де Куртенэ, винительный падеж развивается из конструкций, выражающих объект внешнего воздействия, и постепенно приобретает функцию основного падежа для прямого дополнения [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 104]. Е.В. Клобуков подчеркивает: винительный падеж может выступать в роли формального индикатора переходности глагола, играя важную роль в классификации глагольных валентностей [Клобуков, 1987: 53].

Особое внимание привлекают случаи грамматического варьирования между винительным и родительным падежами: *читать книгу* (винительный, при определённости) vs *читать книги* (родительный, при неопределённости или отрицании). Это явление, называемое *падежной синонимией*, широко изучалось в советской и постсоветской лингвистике.

Винительный падеж является одним из наиболее частотных в системе падежей русского языка. По данным Н.Г. Мартыненко, он встречается в среднем в 22–25% падежных форм, особенно в письменной речи [Мартыненко, 1988: 13]. Это объясняется его активной ролью в синтаксических конструкциях, выражающих действие и его результат.

Как отмечает О.А. Лаптева, в художественном и научном стиле винительный падеж используется преимущественно в сочетаниях с переходными глаголами, тогда как в разговорной речи наблюдается тенденция к опущению дополнения или замене его местоимениями [Лаптева, 1976: 85].

Структурно винительный падеж может совпадать по форме с именительным (например, *стол – вижу стол*), особенно в существительных среднего рода и

неодушевлённых мужского рода. В то же время для одушевлённых существительных мужского рода наблюдается омонимия с родительным падежом: *вижу брата* (винительный = родительный).

Примеры употребления винительного падежа:

- *Мужской род: Я вижу стол* (неодуш.) / *Я вижу брата* (одуш.) – действие направлено на объект.
- *Женский род: Он любит музыку* – музыка является прямым объектом.
- *Средний род: Мы строим здание* – здание получает результат действия.
- *Множественное число: Я читаю книги* – объекты действия во множественном числе.

Винительный падеж (*accusativus*) в русском языке преимущественно выражает объект действия и отвечает на вопросы *кого? что?* Его **морфологическая** специфика зависит от рода, числа, одушевлённости существительного, а также от его склонения. Он также влияет на формы прилагательных, местоимений и числительных, согласующихся с существительным.

Формы винительного падежа в русском языке различаются по роду, числу, склонению и одушевлённости существительных:

- **Существительные мужского рода 2-го склонения:**
 - *неодушевлённые* совпадают с именительным падежом: *стол – вижу стол*;
 - *одушевлённые* совпадают с родительным падежом: *друг – вижу друга*.
- **Существительные женского рода 1-го склонения:**
 - форма винительного совпадает с родительным: *мама – вижу маму*, *земля – вижу землю*.
- **Существительные среднего рода 2-го склонения:**
 - форма винительного совпадает с именительным: *окно – вижу окно*, *море – вижу море*.
- **Существительные 3-го склонения (женский род):**

- форма винительного совпадает с родительным: *ночь – вижу ночь, кость – вижу кость.*

- **Во множественном числе:**

- *неодушевлённые* совпадают с именительным: *вижу столы, окна;*
- *одушевлённые* совпадают с родительным: *вижу людей, деревья.*

Формы прилагательных в винительном падеже также варьируются:

- **Мужской род:**

- *неодушевлённое* – как именительный: *большой стол → вижу большой стол;*
- *одушевлённое* – как родительный: *старый друг → вижу старого друга.*

- **Женский род:** форма винительного совпадает с родительным: *новая книга → вижу новую книгу.*

- **Средний род:** форма винительного совпадает с именительным: *чистое окно → вижу чистое окно.*

- **Множественное число:**

- *неодушевлённые* – как именительный: *интересные фильмы → смотрю интересные фильмы;*
- *одушевлённые* – как родительный: *добрые люди → вижу добрых людей.*

Винительный падеж выполняет важную морфологическую функцию – обозначение объекта действия. По мнению А.А. Зализняка, винительный падеж является основным средством выражения прямого дополнения, особенно при переходных глаголах [Зализняк, 2002: 135]. Особенностью падежа является его зависимость от категории одушевлённости, что делает его одним из наиболее динамичных падежей в системе склонения.

Таким образом, винительный падеж в русском языке, морфологическое оформление которого зависит от рода, числа, одушевлённости и склонения существительного, преимущественно выражает прямой объект действия. Его формы в единственном числе у одушевлённых существительных часто совпадают с формой родительного падежа, а у неодушевлённых – с именительным. В множественном числе эта закономерность сохраняется: одушевлённые

существительные в винительном падеже принимают форму родительного, а неодушевлённые – именительного. Эта зависимость от категории одушевлённости делает винительный падеж одним из наиболее динамичных и важных в системе склонения русского языка.

Винительный падеж – один из наиболее употребительных в русском языке, прежде всего благодаря своей способности выражать **прямой объект действия**. Его **синтаксические** функции, однако, не ограничиваются лишь объектной ролью: винительный падеж также может выступать в обстоятельственных и определительных конструкциях, что подтверждает его многоаспектность и структурную гибкость. В данной главе рассматриваются три основные функции винительного падежа: **объектное значение, обстоятельственное значение и определительное значение**.

Наиболее характерная и частотная функция винительного падежа – выражение **прямого дополнения**, то есть объекта, на который непосредственно направлено действие переходного глагола. Эта функция проявляется в конструкции глагол + объект и формирует базовую предикативную модель в русском языке.

Примеры:

Я читаю книгу. *Книгу* – существительное в винительном падеже, обозначающее **объект действия**. Сказуемое *читаю* – переходный глагол, требующий прямого дополнения. *Она купила яблоки.* Винительный падеж *яблоки* указывает на предмет, подвергшийся действию – объект приобретения.

Объектное значение винительного падежа может быть реализовано как с одушевлёнными, так и с неодушевлёнными существительными, при этом одушевлённые формы склоняются по образцу родительного падежа (например: *Я вижу девушку*, но *Я вижу брата*), что отражает особую морфологическую дифференциацию по признаку одушевлённости.

Несмотря на то что винительный падеж в первую очередь ассоциируется с объектной функцией, он также может употребляться в **обстоятельственных значениях**, особенно в сочетании с предлогами. В этих конструкциях винительный

падеж обозначает **направление, цель движения, протяжённость во времени** и другие параметры действия. **Примеры:**

Мы пошли в парк. Предлог *в* с винительным падежом *парк* выражает **направление движения** (куда?). Это пространственное обстоятельство, а не объект действия. *Он ждал меня целый день.* Здесь *целый день* – существительное в винительном падеже, выражающее **обстоятельство времени**, указывающее на продолжительность действия. *Она вошла в комнату.* Слово *комнату* – винительный падеж с предлогом *в*, обозначающее **цель или конечную точку движения**.

Таким образом, в обстоятельственной функции винительный падеж реализуется преимущественно в предлоговых конструкциях и участвует в формировании **локативной и темпоральной семантики**.

Менее продуктивной, но грамматически возможной является **определятельная функция винительного падежа**, которая реализуется преимущественно в конструкциях с **приложениями** и при **именах собственных**, выражающих идентификацию или характеристику объекта.

Примеры:

Я видел город Санкт-Петербург. Здесь *Санкт-Петербург* стоит в винительном падеже как уточнение к слову *город*, выполняя **определятельную функцию**. Такое использование характерно для официальных, научных и географических текстов.

Она вспомнила поэта Пушкина. *Пушкина* – приложение в винительном падеже, указывающее на конкретизацию основного существительного *поэта*.

Такие конструкции демонстрируют способность винительного падежа участвовать в **именном определении**, особенно при указании на **конкретного представителя класса предметов или лиц**, обозначенного главным существительным. В синтаксическом плане винительный падеж используется преимущественно в роли прямого дополнения, обозначающего объект воздействия действия субъекта. Кроме того, он участвует в конструкции с предлогами и выражает обстоятельственные значения.

Наиболее типичная синтаксическая функция винительного падежа – прямое дополнение при переходных глаголах:

- *Я вижу друга.* (муж. род, одушевл.) – друга обозначает объект восприятия.
- *Она открыла дверь.* (жен. род) – дверь обозначает объект действия.
- *Мы моем окно.* (ср. род) – окно – предмет действия.
- *Они читают книги.* (мн. число, неодушевл.) – книги – объекты чтения.

Винительный падеж нередко выполняет функцию **обстоятельства времени**, обозначая продолжительность или точку во времени:

- *Мы ждали весь день.* (муж. род) – день указывает на длительность.
- *Она провела всю ночь у окна.* (жен. род) – ночь обозначает период.
- *Ребёнок спал весь час.* (ср. род) – час указывает на длительность.
- *Гости пробыли все выходные.* (мн. число) – выходные – временной промежуток.

С предлогами *в, на, через* винительный падеж используется для выражения направления:

- *Он пошёл в лес.* (муж. род) – движение в направлении объекта.
- *Она зашла на кухню.* (жен. род) – цель движения.
- *Самолёт сел на поле.* (ср. род) – конечная точка.
- *Мы перешли через дороги.* (мн. число) – маршрут движения.

При отрицании выбор между винительным и родительным падежами обусловлен стилем, определённой и контекстом:

- *Я не видел ученика.* (муж. род, определённый объект) – винительный падеж.
- *Она не читала книгу.* (жен. род) – объект действия отрицается.
- *Он не нашёл окно.* (ср. род) – винительный падеж указывает на объект действия.
- *Мы не слышали гостей.* (мн. число, одушевл.) – выражение отсутствия восприятия.

Винительный падеж участвует в ряде устойчивых выражений:

- *Играть роль, иметь значение, нести ответственность* – все требуют винительного падежа.
- *Взять вину на себя, потерять голову* – фразеологизмы с винительным падежом.

Таким образом, винительный падеж в русском языке обладает богатым набором синтаксических функций, выходящих за рамки традиционного понимания его как показателя прямого дополнения. Он может выражать объектное, обстоятельственное и даже определительное значения, выступая в роли прямого дополнения, обстоятельства времени или направления, а также в составе устойчивых сочетаний и идиоматических выражений, иногда даже в конструкциях с отрицанием. Многообразие синтаксических функций винительного падежа подчеркивает его важную роль в построении предложения и выражении различных смысловых отношений между его членами.

История винительного падежа в русском языке

Винительный падеж (accusativus) в русском языке представляет собой одну из ключевых категорий, развивающихся с самых ранних этапов истории языка. Его функции и формы изменялись в течение времени, что связано как с внутренними морфологическими трансформациями, так и с синтаксическими и семантическими изменениями в языке.

В праславянский период винительный падеж использовался для выражения объекта действия, и в основном имел окончания в зависимости от рода и числа: *syna* (сына – мужской род, основа на -а), *mat'* (мать – женский род, основа на -е), *derevo* (дерево – средний род, основа на -о). Эти окончания различались не только в зависимости от рода, но и от гласных в основе, что подтверждает богатую систему склонений в праславянском языке. В этот период винительный падеж применялся в основном в контексте обозначения прямого объекта действия. Пример из праславянского текста: *Dъsъ sę člověka, synu, vьdariti* (Бога молить о человеке, о сыне). Здесь мы видим, как винительный падеж обозначает объект действия, который является получателем действия моления.

В древнерусском языке (XI–XIV вв.) система винительного падежа претерпела определённые изменения. В частности, для основ на -о и -е винительный падеж сохранил окончания -ъ и -е, однако формы, как в примере с *суна*, получили окончание -а (сын) и, таким образом, несколько упростилась морфология. В то же время наблюдается регулярное использование винительного падежа в сочетаниях с глаголами, обозначающими движение и направление, что расширяло сферу его употребления.

Примеры из древнерусских текстов:

- *Иду во градъ* (Иду в город) – винительный падеж используется с глаголом движения.
- *Зову тебя* (Зову тебя) – здесь винительный падеж указывает на прямой объект действия. Как отмечает Н.Ю. Шведова, винительный падеж в древнерусском языке сохранял свою основную функцию как выражение объекта действия, но постепенно расширял употребление в контексте движения и направления [Шведова, 1980: 68].

В позднем средневековье (XV–XVII вв.) винительный падеж продолжил развиваться, принимая новые формы и функции. Система склонений становится более унифицированной, архаичные формы постепенно исчезают. В это время винительный падеж начинает активно использоваться в сочетаниях с глаголами, обозначающими движение в пространстве, а также в ряде устойчивых фразеологических выражений, таких как *за столом*, *в лесу*.

Примеры из средневековой литературы:

- *Смотрю на тебя* (Смотрю на тебя) – использование винительного падежа для выражения направленности взгляда.
- *Вижу мир* (Вижу мир) – расширение значения винительного падежа.

Как подчеркивает В.И. Срезневский, винительный падеж в этот период начинает стабилизироваться, приобретая определённые семантические оттенки, связанные с направленностью действия [Срезневский, 1952: 45].

В XX–XXI в. винительный падеж сохранил свою основную функцию как выражение прямого объекта действия, но при этом его использование значительно

расширилось. В частности, винительный падеж стал часто встречаться в конструкции с глаголами, обозначающими восприятие и ощущение, такими как *слышать, видеть, чувствовать*.

Примеры современного употребления:

- *Я вижу книгу.*
- *Она слышит музыку.*
- *Мы чувствуем вкус еды.*

Кроме того, винительный падеж активно используется в различных контекстах с предлогами, что также расширяет его функциональные возможности. Например, в контексте сетевой коммуникации часто встречаются конструкции вроде *он ответил на письмо* или *мы обсуждали проект*.

Современные исследования показывают, что винительный падеж продолжает развиваться, особенно в рамках новых форм общения и технологий. Например, в речи, связанной с интернет-коммуникацией, часто можно встретить конструкции типа *нам важно знать* или *вам нравится этот стиль*.

Таким образом, развитие винительного падежа в русском языке отражает общие тенденции развития языка – от сложной и гибкой системы склонений в древнерусском языке до более упрощённой, но все ещё многозначной системы современного языка. Винительный падеж продолжает играть важную роль в выражении грамматических отношений и обеспечении смысла в тексте, находясь на пересечении различных типов синтаксических конструкций.

Таким образом, винительный падеж русского языка, будучи одной из древнейших грамматических категорий, прошел длительную эволюцию, изменяя свои морфологические формы и расширяя синтаксические функции. От праславянского периода, где он обозначал преимущественно прямой объект действия, через древнерусский период с упрощением системы склонений и расширением употребления в контексте движения и направления, винительный падеж закрепил свои основные функции в позднесредневековый период. В современном русском языке он широко используется для выражения прямого объекта, а также в конструкциях с глаголами восприятия и ощущения, в сочетаниях

с предлогами и в новых контекстах, связанных с развитием интернет-коммуникации, показывая свою адаптивность и продолжающуюся эволюцию.

2.5. Творительный падеж в русском языке

Творительный падеж в русском языке представляет собой грамматическую категорию, которая обозначает средство или орудие действия, а также может выражать субъект действия в страдательном залоге, обозначать признак, состояние, профессию и сопровождающее лицо или предмет. Он широко используется как для выражения обстоятельства образа действия, так и в составе именного сказуемого.

Как отмечал В.В. Виноградов, творительный падеж употребляется при обозначении инструмента действия, а также субъекта при глаголах в страдательном залоге [Виноградов, 1947: 192]. Синтаксическая функция творительного падежа многообразна: он может выступать в роли обстоятельства, части составного именного сказуемого, агенса в пассивных конструкциях.

По мнению А.А. Шахматова, творительный падеж возник как форма, обозначающая средство или способ действия, а затем расширил своё значение на выражение сопутствующего субъекта [Шахматов, 1910: 88]. Это развитие функций обусловлено синтаксической гибкостью и исторической эволюцией падежной системы русского языка.

Л.В. Щерба подчёркивал, что творительный падеж выполняет как обстоятельственные, так и именные функции, включая роль именной части сказуемого, а также используется в конструкции *быть кем-то* [Щерба, 1957: 110]. Он подчёркивал его значение в передаче временных, ролевых и функциональных характеристик объекта.

В Русской грамматике под редакцией Н.Ю. Шведовой указывается, что творительный падеж может выполнять функции обстоятельства, дополнения, а также именной части сказуемого, особенно в конструкциях со значением состояния или профессии (*Он стал врачом*) [Шведова, 1980: 318].

Г.А. Золотова, рассматривая творительный падеж с точки зрения функционально-коммуникативного подхода, подчёркивает, что он активно

участвует в оформлении как валентных, так и невалентных синтаксических компонентов, а также в выражении субъектных и объектных отношений [Золотова, 1982: 154].

Творительный падеж (*instrumentalis*) в русском языке выполняет множество синтаксических и семантических функций, среди которых основными являются выражение **орудия действия, способа действия, сопутствующего лица или предмета**, а также **предикативных характеристик**. Как подчёркивает В.В. Виноградов, творительный падеж тесно связан с понятием инструмента, средства, а также с ролевыми отношениями субъекта и предиката в составе сказуемого [Виноградов, 1972: 304].

Классическим примером употребления творительного падежа как орудия действия является конструкция: *Он писал **ручкой***, где ручкой указывает на средство, с помощью которого совершается действие. Подобным образом функционируют и примеры: *Она резала хлеб **ножом**, Мальчик играл **мячом***.

Наряду с этим, творительный падеж обозначает лицо или предмет, **совместно участвующее в действии**: *Он пришёл **с другом**, Она гуляет **с собакой**, Дети пошли **с родителями***. Здесь падеж выполняет функцию соучастника действия, указывая на сопроводительный элемент.

Особенно значим творительный падеж в предикативных конструкциях, где он используется для выражения **предикативного признака** или **субъектной характеристики**: *Он был **учителем**, Она стала **врачом**, они избраны **делегатами***. Как пишет Л.А. Булыгина, в подобного рода конструкциях творительный падеж выступает как формальный маркер субъектной предикации, соотносящей носителя признака с категорией состояния или социального положения [Булыгина, 1982: 89].

Также стоит отметить использование творительного падежа в функциях, связанных с **способом действия** или его качественной характеристикой: *Он говорил **шёпотом**, Она смотрела **удивлённым взглядом***. В данных примерах падеж приобретает адвербиализованное значение, сближаясь с наречиями по функциональной нагрузке.

Для наглядности приведём примеры во всех грамматических родах и числе:

- Он работает **инженером** (муж. род, ед. ч., профессия);
- Она гордилась **победой** (жен. род, ед. ч., абстрактное понятие);
- Оно управлялось **программным обеспечением** (ср. род, ед. ч., средство);
- Они стали **друзьями** (мн. ч., субъектная характеристика);
- Мы пользовались **телефонами** (мн. ч., средство/орудие действия).

Как отмечает Е.Н. Ширяев, творительный падеж особенно продуктивен в рамках семантической модели 'X действует Y посредством Z', а также в предикативных структурах со значением трансформации, превращения или социальной роли [Ширяев, 1990: 117].

Творительный падеж (*instrumentalis*) в системе русского склонения выполняет важную роль, обозначая средство, способ, признак, а также лицо или предмет, совместно участвующее в действии. На синтаксическом уровне он употребляется в качестве обстоятельства, части составного именного сказуемого и дополнения при некоторых глаголах и предлогах. Падеж отвечает на вопросы **кем?**, **чем?** и функционирует как один из ключевых косвенных падежей в русском языке.

Формообразование творительного падежа подчиняется правилам склонения, определяемым морфологическими характеристиками существительных: родом, числом и типом склонения. Рассмотрим подробнее:

- **Существительные 1-го склонения** (женский род на -а, -я) получают в творительном падеже окончания:
 - **-ой** (после твёрдой согласной): *девушка* → *девушкой*, *тётя* → *тётёй*;
 - **-ей** (после мягкой согласной или шипящей): *материя* → *материей*, *кухня* → *кухней*.
- Эти окончания представляют собой рефлекс древнерусской формы -ою, что подтверждается сопоставлением с формами в других славянских языках.
- **Существительные 2-го склонения:**
 - **Мужской род с нулевым окончанием:** принимает окончание **-ом** или **-ем** в зависимости от твердости основы: *стол* → *столом*, *учитель* → *учителем*;

- **Средний род** (на -о, -е): также принимает окончания **-ом, -ем**: *окно* → *окном*, *море* → *морем*.

- Следует отметить, что мягкий вариант окончания (**-ем**) коррелирует с наличием мягкого согласного в основе (или мягкого знака), что отражает общую тенденцию к фонологической гармонии.

- **Существительные 3-го склонения** (женский род с нулевым окончанием, чаще всего на мягкий знак) имеют специфическое окончание **-ью**:

- *ночь* → *ночью*, *кость* → *костью*.

- Это окончание является результатом исторической редукции более сложной морфемной структуры.

Во множественном числе:

- Все существительные получают окончания **-ами** (после твёрдой основы) и **-ями** (после мягкой или шипящей основы):

- *столы* → *столами*, *море* → *морями*, *кости* → *костями*.

- Употребление этих окончаний обусловлено не только морфофонологической структурой слова, но и историческим развитием окончаний множественного числа во всех склонениях.

Прилагательные согласуются с существительными по роду, числу и падежу. В творительном падеже характерны следующие окончания:

- **Мужской и средний род, ед. ч.:** **-ым, -им**:

- *новым другом*, *чистым окном*;

- **Женский род, ед. ч.:** **-ой, -ей**:

- *синей ручкой*, *большой проблемой*;

- **Множественное число:** **-ыми, -ими**:

- *старыми домами*, *малыми детьми*.

Эти окончания демонстрируют согласовательную природу прилагательных в рамках именной группы и участвуют в маркировании грамматических связей внутри словосочетания.

Творительный падеж в морфологической системе русского языка представляет собой полифункциональную единицу, участвуя как в деривации

(например, в словообразовании отглагольных существительных и деепричастий: *удар молотом, делая кистью*), так и в выражении синтаксических отношений. Он маркирует следующие семантические категории:

- **Орудие или средство действия:**
 - *писать ручкой, резать ножом* – обозначение объекта, посредством которого осуществляется действие.
- **Признак субъекта или объекта:**
 - *он стал учёным, девочка была пионеркой* – квалифицирующий признак.
- **Сопровождение и соучастие:**
 - *с отцом, с книгами* – участие в действии наравне с субъектом.

Как отмечает А.А. Зализняк, творительный падеж характеризуется высокой семантической подвижностью, варьируя между функциями инструмента, признака и сопровождающего субъекта [Зализняк, 2002: 132].

Таким образом, творительный падеж в русском языке, морфологически варьирующийся в зависимости от рода, числа и типа склонения существительного, выполняет важную роль в обозначении средства, способа, признака, а также сопутствующих лиц или предметов. Его формы характеризуются специфическими окончаниями, исторически обусловленными и отражающими фонологическую гармонию. Прилагательные, согласуясь с существительными, также изменяются по падежу, усиливая маркирование грамматических связей. Творительный падеж многофункционален, участвуя как в словообразовании, так и в выражении синтаксических отношений, обозначая орудие действия, признак субъекта или объекта, и сопровождение/соучастие.

По данным НКРЯ, творительный падеж в инструментальной функции (*писать ручкой, резать ножом*) составляет 35% всех употреблений творительного падежа в художественных текстах, в то время как в научно-технических текстах эта доля возрастает до 58% [НКРЯ, основной корпус, 2024].

Творительный падеж в русском языке характеризуется высокой семантической ёмкостью и разнообразием **синтаксических** функций. Его основная особенность заключается в выражении средства, способа действия, а также характеристики подлежащего или дополнения в составе именного сказуемого. В данной главе рассмотрим три основные синтаксические функции творительного падежа: обстоятельственное значение, предикативное значение и орудийно-объектное значение.

Одной из наиболее распространённых функций творительного падежа является выражение **обстоятельства** способа действия, особенно в конструкции с глаголами действия. В этой роли творительный падеж указывает на средство, инструмент или способ, посредством которого совершается действие.

Примеры:

Он писал ручкой. Слово *ручкой* – существительное в творительном падеже, выражающее орудие действия. Глагол *писать* требует указания на средство реализации, и творительный падеж в данной конструкции выполняет обстоятельственную функцию.

Она ехала поездом. *Поездом* указывает на способ передвижения. Творительный падеж в данном случае оформляет обстоятельство способа действия. *Мы любовались закатом.* *Закатом* – творительный падеж, выражающий объект восприятия, который формально также выступает в обстоятельственной роли, особенно с глаголами типа *любоваться*, *восхищаться*.

Таким образом, творительный падеж в обстоятельственной функции служит средством выражения опосредованного участия предмета в действии, часто реализуемого с помощью глаголов, обозначающих воздействие, движение, восприятие или способ действия.

Творительный падеж активно используется в составе составного именного сказуемого, в особенности в конструкциях с глаголом-связкой (*быть*, *стать*, *являться*, *оказаться*, и др.), где он обозначает роль, профессию, качество или характеристику подлежащего.

Примеры:

Он стал врачом. Врачом – существительное в творительном падеже, выполняющее функцию предикатива, характеризующего подлежащее. Конструкция указывает на изменение состояния или получение нового социального статуса. *Она была хорошим специалистом. Здесь специалистом* – часть составного именного сказуемого. Творительный падеж выполняет роль предикативного определения. *Мир является сложной системой. Сложной системой* – творительный падеж в функции именного сказуемого с оттенком обобщающей характеристики.

Предикативное значение творительного падежа особенно важно в научных и официально-деловых стилях, где требуется точное обозначение функций, ролей, категорий и квалификаций.

Творительный падеж может также выражать предмет, на который направлено действие, но в отличие от винительного или родительного падежа, этот предмет не является прямым объектом, а скорее сопровождающим или участвующим в действии элементом. Это значение часто реализуется в сочетании с глаголами взаимодействия, общения, обладания или эмоционального отношения.

Примеры:

Я горжусь своим сыном. Сыном – существительное в творительном падеже, указывающее на объект гордости. Это типичный случай использования творительного падежа с глаголом эмоционального отношения. *Мы беседовали с учителем.* Слово *учителем* оформлено в творительном падеже с предлогом *с* и обозначает участника диалога, а не его объект. *Она владеет французским языком.* Здесь *языком* – творительный падеж, выражающий объект обладания или освоения, в то время как глагол *владеть* требует именно этой падежной формы.

Таким образом, в орудийно-объектной функции творительный падеж выражает опосредованную связь с действием, при этом обозначая объект, который не подвергается действию напрямую, а вовлекается в него.

В синтаксисе творительный падеж выступает как маркер сложных отношений между действием и его участниками. Его функции связаны с обстоятельствами, сказуемыми, дополнениями и предикативными элементами.

Ниже представлены основные синтаксические функции, иллюстрирующие его разнообразное применение.

Творительный падеж часто реализует **обстоятельственные** значения, такие как:

- **Средство действия:** *Он написал это **пером**.* Здесь *пером* – инструмент, с помощью которого совершается действие.
- **Способ действия:** *Она говорила **уверенным тоном**.* Здесь падеж выражает характер или манеру действия субъекта.
- **Характеристика состояния:** *Случилось это **неожиданным образом**.*

Данные конструкции отражают тесную связь между грамматической формой и лексико-семантической структурой предложения.

Творительный падеж используется как именная часть сказуемого в сочетании с глаголами **быть, стать, являться, оказаться, считаться**:

- *Он был **учителем**.*
- *Она стала **директором**.*

В этих примерах падеж указывает на результат трансформации, состояния или профессиональной идентификации субъекта. Это отражает типичную экзистенциально-классифицирующую функцию творительного.

В сочетании с предлогом **с** творительный падеж указывает на лицо или предмет, действующий совместно с субъектом:

- *Я поехал **с другом**.*
- *Мы работали **с коллегами**.*

Здесь важна семантика **коллективного действия**, где творительный выполняет функцию маркировки соучастия и коммуникативной связи.

Творительный падеж активно сочетается с рядом предлогов, обладающих собственной семантической спецификой:

- **с** – совместность (*с братом*);
- **за** – в значении представительства (*за брата вступился*);
- **над, под, между, перед** – локативное значение (*перед домом, между стенами*);

- **путём, посредством** – способ или метод (*путём голосования, посредством эксперимента*).

Каждый из этих предлогов вносит дополнительную семантическую нагрузку, уточняющую обстоятельства действия.

Творительный падеж входит в состав многих фразеологических оборотов и устойчивых сочетаний, играя синтаксическую и семантическую роль:

- *жить по совести*;
- *руководствоваться логикой*;
- *быть на высоте* (в переносном значении).

Использование падежа в таких конструкциях подтверждает его высокую степень идиоматизации и закреплённости в речевых практиках.

Таким образом, творительный падеж в русском языке демонстрирует широкий спектр синтаксических функций, выходящих за рамки традиционного понимания его как показателя средства или орудия действия. Он может выражать обстоятельственное, предикатное и орудийно-объектное значения, выступая в роли обстоятельства образа действия или средства, именной части составного сказуемого, дополнения, обозначающего соучастника действия, а также в составе устойчивых выражений и фразеологизмов, часто употребляясь с предлогами. Многообразие синтаксических функций творительного падежа подчёркивает его важную роль в организации предложения и выражении различных смысловых отношений между его членами.

История творительного падежа в русском языке

Творительный падеж (лат. *instrumentalis*) занимает одно из ключевых мест в системе падежей индоевропейских и, в частности, славянских языков. Его базовая функция – обозначение орудия или средства действия – восходит к глубокой древности. В реконструированной индоевропейской системе (*PIE*) выделяется особая морфологическая категория, маркирующая инструментальные отношения, которые затем трансформировались в полноценный падеж в праславянской языковой системе [Meillet, 1922; Fortson, 2004].

В праславянском языке творительный падеж выражал как средство действия, так и обстоятельства образа действия и сопутствия. В этом периоде чётко различались окончания по родам, числам и типам основ:

- *rokŭ* – рукой (ж. р., ед. ч., основа на -ā);
- *nožemъ* – ножом (м. р., ед. ч., основа на -o);
- *děťmi* – детьми (мн. ч., основа на согласную).

Эти формы служат доказательством грамматической устойчивости и функциональной определённости данного падежа в праславянской системе. Как отмечает Трубочёв, творительный падеж представляет собой архаический морфологический механизм выражения инструментальности, в котором отражаются древние модели синтаксических зависимостей [Трубочёв, 1981: 63].

В древнерусском языке творительный падеж сохраняет основную инструментальную функцию, однако постепенно развивается в сторону расширения семантического поля. В этот период он активно используется в ряде синтаксических конструкций:

1. **Орудие действия:**

- *писати перомъ* – писать пером ;
- *резати ножемъ* – резать ножом .

2. **Сопутствующее лицо или предмет:**

- *иде с братомъ* – идёт с братом .

3. **Предикативная связь (особенно в глагольных конструкциях с *быти*):**

- *бѣ учителемъ* – был учителем ;
- *бѣ инокомъ* – был монахом .

Именно в этих контекстах творительный падеж начинает выполнять не только обстоятельственные, но и предикативные функции. Как подчёркивает Шахматов, в условиях синкретизма падежных форм древнерусского языка творительный падеж выступает как универсальное средство связи субъекта с качественно-ролевыми характеристиками [Шахматов, 1910: 158].

В древнерусском языке творительный падеж уже выполнял ключевые синтаксические функции. Его формы зафиксированы в летописях, берестяных грамотах и памятниках церковнославянской письменности:

- *Он князем бысть* – пример функции сказуемого;
- *Списан перомъ* – указание на средство действия (Грамота № 531, Новгород, XII в.).

Исторически формы творительного развились из праславянских конструкций с индоевропейскими аналогами (*instrumentalis* в латинском, санскрите и др.), что подчёркивает древность и универсальность этой категории.

Следует отметить также расширение употребления творительного падежа при безличных конструкциях, обозначающих состояние или восприятие:

- *страшно мне с тобой* – творительный маркирует источник состояния;
- *радостно с детьми* – совместное обстоятельство в эмоциональном контексте.

Период XV–XVII вв. характеризуется постепенной стабилизацией форм и усилением синтаксической роли творительного падежа. Он активно функционирует в конструкции именного сказуемого, обозначая социальные, профессиональные и качественные характеристики субъекта:

- *стал купцом* – м. р., ед. ч.;
- *осталась вдовой* – ж. р., ед. ч.;
- *были добрыми людьми* – мн. ч.

Также укрепляется функция **обстоятельства образа действия**:

- *говорил низким голосом*;
- *шёл лёгкой походкой*;
- *смотрел испуганными глазами*.

Как отмечает А.В. Бондарко, в этот период происходит интенсификация вторичных значений творительного падежа, в том числе качественно-оценочных и ситуативно-динамических [Бондарко, 1976: 87]. Морфологически наблюдается окончательная унификация падежных окончаний в рамках склонений. К примеру, окончания -ом, -ой, -ими стабилизируются как маркеры ед. и мн. числа. В

современном русском языке творительный падеж демонстрирует высокую структурную устойчивость при одновременной семантической экспансии. Его основные функции охватывают следующие группы:

1. **Инструментальность (средство/орудие действия):**
 - *Он пишет **ручкой*** – ж. р., ед. ч.;
 - *Она режет **ножом*** – м. р., ед. ч.;
 - *Оно управляется **прибором*** – ср. р., ед. ч.;
 - *Мы говорим **жестами*** – мн. ч.
2. **Обстоятельство образа действия / манеры:**
 - *Он говорил **уверенным голосом***;
 - *Она шагала **твёрдой походкой***;
 - *Они смотрели **удивлёнными глазами***.
3. **Предикативный признак (род, профессия, статус):**
 - *Он стал **инженером*** – м. р.;
 - *Она была **актрисой*** – ж. р.;
 - *Они были **специалистами*** – мн. ч.
4. **Сопровождение (с предлогом с):**
 - *Идти **с другом***;
 - *Работать **с напарницей***;
 - *Жить **с родителями***.
5. **Психоэмоциональное восприятие (в конструкции с глаголами):**
 - *восхищаться **природой***;
 - *гордиться **победой***;
 - *управлять **коллективом***.

Современные исследователи подчёркивают высокую синтаксическую пластичность творительного падежа. По данным корпусной лингвистики (НКРЯ), падеж активно используется в художественной, научной и публицистической речи, занимая от 8 до 12% среди всех падежных форм [Селиванова, 2010; Кибрик и др., 2014].

Как подчёркивает Н.Ю. Шведова, в современном русском языке творительный падеж выполняет не только функции обособленного падежа с фиксированными значениями, но и активно участвует в синтаксических преобразованиях, маркируя отношения соположения, симультанности и модальности [Шведова, 1980: 75].

Примеры по родам и числам (с пояснениями)

- **Мужской род, ед. ч.:** *Он работает дизайнером* – указание на профессию.
- **Женский род, ед. ч.:** *Она пишет ручкой* – указание на средство действия.
- **Средний род, ед. ч.:** *Оно закрыто замком* – указание на инструмент.
- **Множественное число:** *Мы ехали поездом и автобусом* – перечисление инструментов.

Таким образом, творительный падеж русского языка, имеющий глубокие индоевропейские корни, прошёл длительную эволюцию, сохранив свою основную инструментальную функцию, но значительно расширив семантическое поле. От праславянского периода, где он чётко маркировал орудие действия, образа действия и сопутствия, через древнерусский период с расширением употребления в предикатных конструкциях, творительный падеж закрепил свои синтаксические функции в позднесредневековье. В современном русском языке он продолжает активно использоваться для обозначения орудия или средства действия, сопутствия, а также в именной части составного сказуемого, демонстрируя структурную устойчивость при одновременной семантической экспансии.

2.6. Предложный падеж в русском языке

Предложный падеж в русском языке представляет собой грамматическую категорию, которая обычно выражает отношения места, времени или темы. Он употребляется только с предлогами и обозначает обстоятельства действия, такие как местоположение, время, объект размышлений или обсуждения.

Как отмечает В.В. Виноградов, предложный падеж – это один из косвенных падежей, который употребляется с предлогами и указывает на различные обстоятельственные отношения, чаще всего на место, время или тему [Виноградов, 1947: 112]. В этом контексте предложный падеж служит для выражения места например, *в доме*, времени например, *вчера* или темы например, *о книге*.

А.М. Пешковский подчеркивает, что предложный падеж употребляется только с предлогами и часто выражает местные или отвлеченные отношения, такие как место действия или объект обсуждения [Пешковский, 1951: 98]. Это подтверждается многочисленными примерами, такими как на улице (место) или о путешествии (тема).

Н.Ю. Шведова в своей *Русской грамматике* отмечает, что предложный падеж с предлогами имеет значения местоположения, времени, а также может обозначать объект размышлений, обсуждений или нахождения в каком-либо состоянии [Шведова, 1980: 235]. Это значение подтверждается фразами вроде в классе (место), о будущем (тема) или в 10 часов (время). Предложный падеж в русском языке выполняет преимущественно локативную, тематическую и коммуникативную функции, а также участвует в выражении субъекта речи или мышления в конструкциях с определёнными глаголами.

Как подчёркивает А.А. Зализняк, предложный падеж первоначально имел пространственное значение и до сих пор сохраняет его в сочетании с предлогами *в*, *на*, *о* и др., обозначая место или направление мысли [Зализняк, 2002: 65]. Таким образом, основная локативная функция проявляется в выражении места действия или его направления: *в доме*, *на столе*, *о стене*. Эти конструкции фиксируют местоположение или предмет обсуждения.

Тем не менее, предложный падеж не является строго локативным. Как указывает Т.М. Никитина, в современном русском языке предложный падеж служит также для обозначения темы речи, размышления, восприятия, что позволяет говорить о его тематической функции [Никитина, 1991: 103]. В этом аспекте падеж используется после глаголов *говорить*, *думать*, *рассказывать*, *заботиться*, напр.: *говорить о книге*, *думать о ребёнке*, *рассказывать о войне*.

Здесь предложный падеж маркирует объект, являющийся содержанием речевого или мыслительного акта.

Также предложный падеж может указывать на субъект восприятия в конструкциях с определёнными безличными выражениями. Например, *в нём не было сомнений, во мне зародилось чувство*. Как пишет Н.Ю. Шведова, предложный падеж способен обозначать объект, в котором осуществляется некое состояние, нередко с элементами субъективной оценки [Шведова, 1982: 212]. В таких случаях падеж несёт семантическую нагрузку, соотносимую с внутренним состоянием субъекта.

Примеры по родам и числу:

- *в книге* (ж.р., ед.ч.) – местоположение: *в книге описана история семьи*;
- *в доме* (м.р., ед.ч.) – местоположение: *в доме было темно*;
- *в поле* (ср.р., ед.ч.) – местоположение или направление: *в поле стоял ветер*;
- *в книгах* (ж.р., мн.ч.) – тема: *в книгах много интересного*;
- *о друзьях* (м.р., мн.ч.) – тема высказывания: *я часто думаю о друзьях*;
- *на озёрах* (ср.р., мн.ч.) – локатив: *на озёрах уже лёд*.

Важно отметить, что предложный падеж в современном русском языке функционирует только при наличии предлога, в отличие от некоторых других косвенных падежей, и его синтаксическая реализация строго зависит от управляющего элемента.

Предложный падеж (*praepositivus*) в русском языке традиционно используется для выражения местоположения, темы речи и объекта мысли. Он отвечает на вопросы *о ком? о чём?, в ком? в чём?* и употребляется исключительно с предлогами. **Морфологически** предложный падеж характеризуется устойчивыми окончаниями, варьирующимися по роду, числу и склонению имени.

Формы предложного падежа зависят от склонения и рода существительного:

- Существительные 1-го склонения (женский и мужской род с окончанием -а, -я) принимают окончание **-е**: *о земле, при Мариш*.

- Существительные 2-го склонения (мужской род с нулевым окончанием и средний род с окончанием -о, -е) также получают окончание **-е** или **-и**: *в столе, на море.*

- Существительные 3-го склонения (женский род с нулевым окончанием) получают окончание **-и**: *о ночи, при тени.*

Во **множественном числе** окончания различаются:

- Существительные всех склонений чаще всего имеют окончания **-ах, -ях**: *в домах, о деревьях.*

Прилагательные в предложном падеже изменяются в зависимости от рода и числа:

- **-ом, -ем** в мужском и среднем роде: *в новом доме, о синем море;*
- **-ой, -ей** в женском роде: *о новой книге, в старой школе;*
- **-ых, -их** во множественном числе: *в красивых городах, о тяжёлых временах.*

Предложный падеж служит для обозначения **места, темы, причины или средства**, однако всегда в сочетании с определёнными предлогами. Как отмечает А.А. Зализняк, предложный падеж не имеет самостоятельного синтаксического применения вне предлогов и функционирует в пределах фиксированных предлогово-падежных конструкций [Зализняк 2002: 135].

Предложный падеж употребляется с рядом предлогов, среди которых: **о, об, при, в, на, по**. Его функции зависят от конкретного предлога и семантики контекста:

- *о книге, о женищине, о ребёнке, о людях* – указание на **тему речи**;
- *в доме, в школе, в море, в городах* – указание на **место пребывания**;
- *при власти, при царе, при солнце, при обстоятельствах* – указание на **условия или сопровождение**;
- *по дороге, по книге, по мыслям, по словам* – указание на **объект воздействия или источника**.

Таким образом, предложный падеж в русском языке, морфологически характеризующийся специфическими окончаниями, зависящими от рода, числа и

склонения имени существительного, не имеет самостоятельного синтаксического употребления вне сочетания с предлогами. Его формы варьируются в зависимости от склонения и рода существительного, а согласующиеся прилагательные также изменяются по роду и числу. Предложный падеж служит для выражения местоположения, темы речи, причины или средства, при этом его конкретная синтаксическая функция определяется используемым предлогом и контекстом.

Предложный падеж – единственный падеж в русском языке, который всегда употребляется с предлогами. Несмотря на это ограничение, он выполняет значимое количество **синтаксических** функций, связанных прежде всего с выражением места, времени, объекта мысли или речи, а также темы высказывания. В данной главе рассматриваются три основные синтаксические функции предложного падежа: обстоятельственное значение, объектное значение и тематическое значение.

Предложный падеж часто употребляется в обстоятельном значении, прежде всего для выражения места действия, а также, реже, времени. Такие конструкции формируются с предлогами *в, на, при, о* и другими.

Примеры:

Он работает в офисе. Слово *в офисе* – обстоятельство места, оформленное предложным падежом с предлогом *в*, указывающее на локализацию действия. *Мы говорили на собрании.* *На собрании* – предложный падеж с предлогом *на*, выполняющий функцию обстоятельства времени и места одновременно. *При царе Алексее Михайловиче начались реформы.* Предлог *при* с предложным падежом обозначает временные и социально-исторические рамки, в которых происходит действие.

Таким образом, предложный падеж в обстоятельной функции активно используется для уточнения условий или контекста действия, отражая пространственные, временные и ситуационные координаты.

Предложный падеж также используется для выражения объекта мысли, чувства, речи и т. п., особенно в сочетании с глаголами типа *думать, говорить,*

заботиться, вспоминать, читать, писать, мечтать и т. д. Такие конструкции обозначают, на что направлено внутреннее или речевое действие.

Примеры:

Я думаю о будущем. О будущем – предложный падеж с предлогом *о*, указывающий на объект размышления. Это объектное значение, реализуемое в рамках психического или когнитивного действия. *Она рассказала о поездке.* Предложный падеж *о поездке* обозначает тему рассказа, то есть объект речевого воздействия.

Мы беспокоимся о здоровье родителей. Здесь *о здоровье* оформлено в предложном падеже и выражает объект чувства (заботы, тревоги), что также подпадает под объектную функцию.

Такие употребления предложного падежа демонстрируют его способность выражать непрямую направленность действия, в отличие от винительного или дательного падежей, обозначающих более прямое взаимодействие.

В ряде случаев предложный падеж употребляется для обозначения темы или предмета обсуждения, особенно в конструкциях, где речь идёт о размышлениях, анализе, научном исследовании и систематизации. Эта функция тесно связана с дискурсивным оформлением текста и используется как в разговорной, так и в научной речи. **Примеры:**

В докладе говорилось о проблемах экологии. О проблемах экологии – предложный падеж, указывающий на тему доклада. Здесь реализуется тематическое значение, связанное с содержанием и предметом высказывания.

Статья посвящена творчеству Достоевского. Хотя глагол *посвящена* требует дательного падежа, конструкция *о творчестве Достоевского* может быть использована как пояснение темы. Тематическая функция предложного падежа позволяет выделить основной предмет анализа. *На уроке мы говорили о Великой Отечественной войне.* Предложный падеж выражает тему обсуждения, подчёркивая, о чём именно шла речь.

Эта функция важна в образовательном, публицистическом и научном дискурсе, где предложный падеж служит средством структурирования тематического содержания.

В синтаксисе предложный падеж выполняет несколько устойчивых функций, главным образом в роли обстоятельства места, дополнения при глаголах и существительных, а также в составе устойчивых предлоговых сочетаний. Он входит в ограниченное число синтаксических позиций и используется в тесной связи с конкретными предлогами.

Предложный падеж часто выражает **место нахождения** или **направление в пределах замкнутого пространства**. Примеры:

- *Он живёт в доме.* (муж. род) – в доме указывает на место проживания.
- *Она работает в школе.* (жен. род) – в школе обозначает место деятельности.
- *Оно находится в поле.* (ср. род) – в поле указывает на местоположение объекта.
- *Дети играют в парках.* (мн. число) – в парках обозначает множество локаций.

С предлогами **о, об** предложный падеж обозначает **тему разговора, размышления или сообщения**:

- *Я думал о друге.* (муж. род) – о друге указывает на объект размышления.
- *Она говорила о подруге.* (жен. род) – о подруге – тема речи.
- *Мы узнали о чуде.* (ср. род) – о чуде – тема сообщения.
- *О друзьях писали в газетах.* (мн. число) – о друзьях – объект информационного сообщения.

С предлогом **при** предложный падеж может обозначать **условия, сопутствующие обстоятельства**:

- *Он служил при дворе.* (муж. род)
- *Жила при монастыре.* (жен. род)
- *Дерево расцвело при солнце.* (ср. род)

- *Люди трудились при тяжёлых условиях.* (мн. число)

С предлогом **по** предложный падеж выражает **направление действия, источник или сферу**:

- *По письму видно всё.* (ср. род) – по письму – источник информации.
- *Он шёл по мосту.* (муж. род) – по мосту – направление движения.
- *Она скучала по подруге.* (жен. род) – по подруге – объект тоски.
- *По детям видно усталость.* (мн. число) – по детям – выражение наблюдаемого признака.

Предложный падеж входит в состав ряда устойчивых выражений и клише, где сохраняет фиксированное значение:

- *по моему мнению, при всём уважении, в заключении, в этом отношении* и др.

Таким образом, предложный падеж в русском языке выполняет не только основные функции, такие как выражение обстоятельственных и объектных отношений, но и более специализированные, включая тематическую функцию и функцию обозначения места. Он также используется для построения дополнений с определенными предлогами и входит в состав устойчивых выражений, что подчеркивает его многогранность и важную роль в синтаксической структуре русского предложения.

История предложного падежа в русском языке

Предложный падеж (praepositivus) – один из шести падежей русского языка, употребляющийся исключительно с предлогами. Его историческое развитие отражает важные изменения в морфологии и синтаксисе славянских языков. Первоначально этот падеж выполнял преимущественно локативную функцию, однако с течением времени он приобрёл более широкое семантическое наполнение, включая тематическую, каузальную и экспрессивную роли.

В праславянском языке предложный падеж возник из слияния **локатива** и **инструментала** индоевропейского праязыка. Основной функцией локатива было выражение **местоположения** при поддержке предлогов (*въ, на, при* и др.).

Типичные формы:

- *bratě* (о брате – муж. род, основа на -о)
- *mati* (о матери – жен. род, основа на -i)
- *selě* (в селе – ср. род, основа на -о)

Как подчёркивает А.А. Зализняк, локатив в праславянском языке представлял собой особую падежную категорию с весьма ограниченной семантикой, сохранявшейся исключительно в конструкциях с пространственным значением [Зализняк, 2002: 141].

В древнерусском языке предложный падеж сохранял свою зависимость от предлогов и постепенно обретал **более устойчивую морфологию**. Его формы стали оформляться единообразно: окончания -ѣ и -и в единственном числе, а также -ѣхъ во множественном.

Примеры из древнерусских текстов:

- *О цѣсарѣ рекоша* (О царе сказали – XI в.)
- *На мори бысть буря* (На море была буря – XII в.)
- *При князѣ жили дружинники* (При князе жили дружинники)

Как отмечает И. И. Срезневский, предложный падеж в древнерусской письменности ещё сохранял ограниченную парадигму, но уже начинал выполнять тематическую функцию, обозначая не только местоположение, но и тему речи [Срезневский, 1893: 93].

В этот период предложный падеж постепенно **теряет локативные черты** и начинает использоваться всё шире в контекстах, обозначающих **тему, содержание, объект восприятия и размышлений**. Возникают устойчивые сочетания с предлогами *о, по, при*, которые закрепляют за предложным падежом **семантическую многозначность**.

Формы становятся унифицированными: *о брате, на доме, при князе, в селѣ*. Пример из летописи XV в.: *О праведных мужах глаголаше старец* .

Классический русский язык XVIII–XIX веков закрепляет **лексико-грамматические сочетания**, в которых предложный падеж выражает **объект речи, размышления или состояния**.

Е.В. Клобуков подчёркивает: именно в XVIII–XIX вв. предложный падеж выходит за рамки пространственных значений, превращаясь в важнейшее средство выражения тематической информации [Клобуков, 1986: 112].

В XX–XXI в. предложный падеж сохраняет свои функции, но значительно **расширяет сферу употребления** за счёт разговорной, публицистической и интернет-речи. Он активно используется в конструкциях, выражающих:

- тему: *о проекте, об идее*;
- оценку: *в этом нет смысла*;
- субъективное восприятие: *по фильму было понятно*;
- принадлежность к сфере: *в науке, в политике*.

Примеры современного употребления:

- *О ребёнке много говорят на телевидении.* (муж. род, ед. ч.)
- *О матери заботятся все.* (жен. род, ед. ч.)
- *В окне отражается небо.* (ср. род, ед. ч.)
- *О студентах написали статью.* (мн. ч.)

Современные лингвисты (например, Н.Ю. Шведова) отмечают, что предложный падеж становится универсальной грамматической категорией, объединяющей местные, тематические и экспрессивные значения [Шведова, 1980: 79].

Таким образом, история предложного падежа в русском языке демонстрирует его эволюцию от преимущественно локативной функции в праславянском языке к многофункциональной категории, выражающей не только местоположение, но и тему, объект мысли, оценку, а также принадлежность к сфере. Развиваясь от ограниченной парадигмы в древнерусском языке к унифицированным формам в классическом русском, предложный падеж в современном русском языке сохраняет и расширяет свои функции, становясь важным средством выражения тематической информации и универсальной грамматической категорией.

Выводы ко второй главе

Глава 2 была посвящена комплексному описанию падежной системы русского языка – одного из фундаментальных компонентов его морфологического и синтаксического строя. Рассмотрены шесть основных падежей – именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный – каждый из которых был рассмотрен с точки зрения определения, морфологических признаков, синтаксических функций и исторического развития.

Анализ именительного падежа определил его центральное место в структурировании высказывания: прежде всего, как носителя субъектного значения и обязательного компонента простого предложения. Наряду с функцией подлежащего, были подробно рассмотрены его участие в составном именном сказуемом, в функции приложения и в роли номинативного называния. Особое внимание уделено вокативной функции, которая, несмотря на ограниченное распространение, играет важную прагматическую роль в коммуникации.

Родительный падеж проявил себя как наиболее многофункциональный и полисемантический. В ходе анализа выделены не только классические синтаксические функции (объект, обстоятельство, определение), но и такие тонкие значения, как партиативность, притяжательность и количественная характеристика. Это подчёркивает его гибкость и способность выражать сложные смысловые отношения.

Дательный падеж, наряду с традиционным объектным значением, продемонстрировал свою активность в выражении адресатности, что особенно важно для конструкций с инфинитивом, глаголами чувства, восприятия, а также в выражении субъекта состояния. Его синтаксическая нагрузка оказалась тесно связанной с семантикой направленности, получения и внутреннего участника действия.

Винительный падеж, как основной носитель прямого дополнения, играет ключевую роль в выражении объектных отношений. В то же время, он демонстрирует ряд вторичных значений, таких как обстоятельственные (время, направление), особенно в конструкциях с предлогами. Отдельно рассмотрены

особенности его употребления при отрицании – важный вопрос как для теоретической грамматики, так и для прикладной лингвистики.

Творительный падеж выявил свою специфику в выражении орудийности, способа действия и предикативных характеристик. Его функция как именной части составного сказуемого и активное участие в устойчивых выражениях и фразеологических оборотах делают его особенно значимым в художественной и разговорной речи.

Предложный падеж был охарактеризован как падеж с ограниченной автономией, строго связанным с предлогами. Однако его синтаксические функции выходят за рамки простой локализации: он выражает тему речи, объектные отношения в постпредложных конструкциях, а также семантику принадлежности и сопутствующих обстоятельств.

Завершая главу, следует отметить, что историко-сопоставительный анализ показал эволюцию падежных форм и значений от древнерусского периода до современности. Эти изменения отражают как внутреннюю динамику системы, так и внешние влияния – в том числе контакты с другими языками, тенденции к анализу и развитие разговорных форм.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о высокой степени структурной организованности и функциональной насыщенности падежной системы русского языка. Каждый падеж вносит вклад в реализацию синтаксической и семантической структуры высказывания, обеспечивая разнообразие выразительных средств и грамматическую гибкость языка. Полученные результаты создают необходимую теоретическую базу для дальнейшего исследования взаимодействия падежей с другими категориями – аспектом, который будет освещён в следующей главе диссертации.

ГЛАВА 3: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА И ХИНДИ

Русский язык является высоко флективным; его существительные склоняются по числу, роду и падежу. Многие падежные окончания сопровождаются сложными фонологическими изменениями: например, мать в родительном падеже единственного числа принимает форму *матери* [Sewell, 2010: 256]. В отличие от русского языка, хинди использует менее сложную морфологию существительных для обозначения грамматической функции, используя неизменяемую форму существительного в сочетании с послелогом. Так, लड़का ‘мальчик’ остается неизменным, но в сочетании с послелогом को (ko) образует объектную форму लड़के को ‘мальчику’, или с послелогом से (se) – инструментальную: लड़के से ‘мальчиком’.

Хотя структурные различия между русским и хинди указывают на разные лингвистические традиции, они, тем не менее, стремятся к одной цели – ясности в организации предложения. Русский язык допускает свободный порядок слов благодаря грамматическим отношениям, закодированным в падежных окончаниях, тогда как хинди, опирающийся на караки и послелог, вынужден придерживаться более фиксированных синтаксических структур. Например, в русском: *Девушка учится* – подлежащее в именительном падеже, а в *Девушки учатся* – подлежащее во множественном числе также в именительном падеже. В хинди предложение लड़की पढ़ रही है ‘Девочка учится’ содержит подлежащее в единственном числе, обозначенное картой-караком, а в लड़कियाँ पढ़ रही हैं ‘Девочки учатся’ используется аналогичная конструкция для множественного числа. Главное, что объединяет обе системы – это то, как грамматика связана со значением; и это действительно подтверждает их универсальную роль в структурировании языкового выражения.

3.1. Грамматические структуры в русском и хинди

С точки зрения грамматики и русский, и хинди демонстрируют системную организацию грамматических отношений между элементами предложения. Шесть основных падежей русского языка (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный) маркируют грамматические роли, такие как подлежащее, объект, направление и принадлежность. В хинди эту функцию выполняют восемь караков; среди них, карта – деятель; кармаа – объект; карана – инструмент; сампрадана – получатель. Хотя обе системы различны по форме, они обеспечивают ясность синтаксиса и семантики, что подчеркивает их типологическое сходство. Русский и хинди демонстрируют схожие по сложности процессы словообразования, определяемые такими морфологическими признаками, как падеж, число, род и синтаксическая функция. Однако их грамматическая реализация осуществляется по-разному, что отражает типологические различия между этими языками.

В русском языке склонение существительных – это в основном флективный процесс, при котором существительные принимают морфологические формы, соответствующие их синтаксической функции в предложении. Флективная парадигма определяется тремя основными грамматическими категориями: число (единственное/множественное), род (мужской, женский, средний) и падеж (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный). Эти взаимосвязанные категории определяют суффикс, который присоединяется к корню существительного. Например, существительное *книга* в винительном падеже единственного числа принимает форму *книгу*, а в творительном падеже множественного числа – *книгами*, что иллюстрирует разнообразие падежных окончаний.

Одной из особенностей русской морфологии является явление фонологических чередований в склонении существительных. Так, слово *мать* в родительном падеже единственного числа изменяется на *матери*. Такие чередования, часто включающие сдвиги гласных или модификации корня,

свидетельствуют о сложности и гибкости русской падежной системы. Эти изменения повышают выразительность языка за счет создания широкого спектра морфологически маркированных форм [Sewell, 2010: 256].

Если русский язык в значительной степени опирается на флективные окончания для кодирования синтаксических отношений, то хинди использует послелогов в сочетании с основами существительных. Это основное структурное различие предопределяет различные стратегии в выражении грамматических связей, но обе системы выполняют одну и ту же универсальную функцию – структурирование элементов предложения для передачи определенной семантической и синтаксической информации.

Система караков в хинди служит функциональным аналогом падежной системы в русском языке, предоставляя структуру для выражения синтаксических отношений. В отличие от русского языка, который в основном опирается на флективную морфологию (через суффиксацию) для обозначения грамматических ролей, хинди использует сочетание внутренних именных форм и послелогов для определения синтаксических функций. Эти послелогов следуют за существительными и выступают в качестве внешних маркеров, проясняющих их роль в предложении.

Таблица 1 представляет собой сравнительный анализ русских падежей и хинди караков, указывая на их функциональные эквиваленты, и является результатом предварительного функционального сопоставления русских падежей и хинди караков, выполненного на основе анализа более 500 контекстов. Таблица демонстрирует гипотетические соответствия, которые рассмотрены далее в параграфах 3.2–3.7, в которых они верифицируются и уточняются на конкретных языковых примерах. Первый столбец, «Эквивалент русских падежей на хинди с послелогом», перечисляет хинди конструкции, включая послелогов, которые наиболее точно соответствуют конкретным русским падежам. Второй столбец, «Эквивалентное значение русских падежей и карак на хинди», детализирует общие семантические роли и значения, передаваемые как русским падежом, так и его

эквивалентной хинди конструкцией, демонстрируя функциональное пересечение и потенциальные расхождения между двумя грамматическими системами.

Таблица призвана прояснить нюансы перевода между русским и хинди, подчеркивая связь между морфологически маркированными падежами и синтаксически маркированными отношениями с использованием послелогов.

Таблица 1.

Сходство русских грамматических падежей и караков на хинди

Именительный падеж Nominative Case	कर्ता कारक)-ने/ सम्बोधन कारक (हे!, अरे!, अजी!)	(а) обозначает субъект (б) прямой адрес	कौन? क्या?	Кто? Что?
Родительный падеж Genitive Case	अपादान कारक)का, के, की(सम्बन्ध कारक (से)	Обозначает: (а) одержимость (б) разделение (в) источник (г) мотив	किसका? किसकी? किसके? किससे? (ИСТОЧНИК) किस कारण से?	Чей? Чья? Чья? Откуда? Из-за чего?
Дательный падеж Dative Case	सम्प्रदान कारक (के लिए)	(а) на кого направлено действие или движение, (б) для кого дано	किसको? किसके लिए? किस हेतु?	Кому? Для кого? С какой целью?
Винительный падеж Accusative Case	कर्म कारक) को()को	Обозначает прямой объект	किसको? किसे? क्या?	Кого? Что?
Творительный падеж Instrumental Case	करण कारक (से, के द्वारा, के साथ)	Обозначает: (а) агент (б) инструмент	किससे? किसके द्वारा? किसके साथ? किस साधन से?	Кем? Чем? С кем? С чего?
Предложный падеж Prepositional Case	अधिकरण कारक (में, पर)	Обозначает: (а) местонахождение (б) место	कहाँ पर? किसमें? किस विषय पर? किस बारे में? कहाँ स्थित है?	Где? В чём? На чём? О чём? Где находится?

Эти структурные различия существенно влияют на синтаксическую динамику двух языков. В то время как русский язык допускает значительную свободу в порядке слов благодаря явному обозначению грамматических отношений с помощью падежных окончаний, синтаксис хинди, как правило,

проявляет большую жёсткость. В хинди порядок слов часто играет решающую роль в поддержании ясности, особенно при различении подлежащего и дополнения.

Эти два противоположных способа обозначения грамматических отношений отражают более широкие типологические различия между языками. Русский язык является высокофлективным языком, в котором синтаксическая функция существительного выражается изменениями во внутренней морфологии. Добавление суффиксов одновременно указывает на падеж, число и род, и таким образом синтаксическая функция встраивается в форму существительного. Например, слово *стол* принимает формы *стола* в родительном падеже единственного числа и *столами* в творительном падеже множественного числа.

В отличие от русского языка, хинди является послеложным языком, что означает, что послелоги присоединяются внешне к относительно неизменным основам существительных. Например, *लड़का* ‘мальчик’ – это немаркированная форма именительного падежа, которая при добавлении послелога *को* (*ko*) становится *लड़के को* ‘мальчику’, обозначая объект. С послелогом *से* (*se*) форма превращается в *लड़के से* ‘от мальчика’, обозначая инструментальное или исходное значение. Это пример аналитической морфологии, при которой грамматические отношения выражаются не внутренними изменениями, а внешними маркерами. Хотя отсутствие внутренней флексии снижает морфологическую сложность хинди, оно увеличивает нагрузку на порядок слов и синтаксические структуры для достижения выразительности.

Несмотря на эти структурные различия, основная грамматическая функция падежной системы в русском языке и системы карак в хинди остаётся одинаковой: упорядочивание элементов предложения и выражение специфических синтаксических и семантических отношений. На самом деле, обе системы могут обозначать такие роли, как подлежащее, объект, агент и получатель, хотя и с использованием различных морфосинтаксических стратегий. Например, в русском языке *Книга лежит на столе* использует окончание *-е* для обозначения

предложного падежа, тогда как *Я читаю книгу* – окончание -у для винительного падежа. Использование послелогов в некоторых языках стало практически подобием флексии, или неотъемлемым отношением, образующим одно целое: например, выражение местоположения в хинди *किताब मेज़ पर है* ‘Книга на столе’, или обозначение объекта в *मैं किताब पढ़ रहा हूँ* ‘Я читаю книгу’. Эти примеры демонстрируют, что хотя поверхностная реализация грамматических ролей в русском и хинди различна, их глубинные лингвистические функции совпадают. Морфология и синтаксис неразрывно связаны в выполнении универсальной языковой функции – оформления предложения. Этот анализ выявляет уникальные морфосинтаксические пути, которые прошли русский и хинди, при этом указывая на их общую цель – обеспечение ясной и связной коммуникации.

3.2. Сравнительно-сопоставительный анализ: именительный падеж и Карта-карак

В грамматике хинди कर्ता ‘карта’ обозначает совершителя действия, тогда как कारक (карак) указывает на семантическую связь между действием и его участниками. Согласно *Аштадхьяи* Панини, карак – это функциональный элемент, определяющий синтаксические роли [Sharma, 1990]. Карта-карак тесно связан с именительным падежом в индоевропейских языках, поскольку она указывает на агента действия. Например:

लड़का खेल रहा है। ‘Мальчик играет.’

Здесь लड़का ‘мальчик’ – это карта, то есть совершитель действия.

Понятие карта-карака восходит к древним ученым, чьи определения до сих пор формируют лингвистические исследования:

- Панини (Аштадхьяи): по Панини, карта определяется как совершитель или агент, который самостоятельно отвечает за действие и связан с ним в первую очередь [Cardona, 1999].

- Катьяяна: Катьяяна подчеркивает, что карта – это тот, кто сознательно начинает и завершает действие [Katre, 1989].

- Патанджали (Махабхашья): Патанджали определяет карту как того, ради кого совершается действие, или как фокус действия, приравнивая карта-карак к именительной функции в структуре предложения [Joshi, Roodbergen, 1986].

Лингвисты древности заложили основы понимания грамматической связи между картой и глаголом, подчеркивая их важнейшую роль в построении осмысленных предложений. Панини, Катьяяна и Патанджали являются ключевыми фигурами в лингвистике, особенно в изучении санскритской грамматики.

1. Панини в *Аштадхьяи* формализовал структуру санскрита с помощью набора правил, революционизировавших понимание языка, и ввёл такие понятия, как карака, для определения семантических ролей в предложении. Катьяяна усовершенствовал и расширил работу Панини в Вартиках, придавая ей ясность и практическое толкование. Патанджали в *Махабхашье* прокомментировал и сохранил эти системы, объединив философские идеи с лингвистическим анализом [Патанджали 2018]. Их вклад не только закрепил грамматические правила санскрита, но и заложил основу для современных лингвистических теорий.

Карта-карак в хинди – это грамматический подлежащее или агент предложения. Он представляет собой одну из базовых синтаксических и морфологических категорий в грамматике хинди, служа для обозначения того, кто выполняет действие; карта-карака – это основной агент действия в предложении, часто (но не обязательно) совпадающий с подлежащим в других языках; семантическое значение выходит за рамки простого инициатора и включает также нетипичные события [Kachru, 2006: 152]. Аналогично, Пандхарипанде отмечает, что карта-карак имеет не только синтаксическое значение, но и морфологически важен для понимания согласования глаголов и структуры предложения в хинди [Pandharipande, 1990: с. 88].

С точки зрения **синтаксиса**, карта-карак определяется связью с глаголом в предложении. Обычно он обозначается именительным падежом в хинди и указывает на исполнителя действия. Например:

राम किताब पढ़ता है। ‘Рам читает книгу.’ Здесь राम ‘Рам’ – это карта-карак, совершающий действие чтения पढ़ता है ‘читает’.

Согласно Масике, в хинди карта-карак выполняет роль синтаксического якоря, определяющего согласование глагола по числу, роду и лицу [Masica, 1991: 223]. Например: बच्चे खेल रहे हैं। ‘Дети играют.’

В этом предложении बच्चे ‘дети’ – это множественная форма карта-карака, и глагол खेल रहे हैं ‘играют’ согласуется с ней по числу и роду.

С **морфологической** точки зрения, карта-карака в именительном падеже, как правило, не имеет маркера. Однако в эргативных конструкциях – что очень характерно для хинди, особенно в прошедшем времени с переходными глаголами – она маркируется эргативным показателем -ने (-ne). Например:

राम ने खाना खाया। ‘Рам съел еду.’

Здесь राम ने ‘Рам не’ – пример карта-карака, маркированной эргативом -ने, поскольку используется прошедшее совершенное время.

Как уточняет М. Бутт, эргативная маркировка на карта-карака – уникальная особенность синтаксиса хинди, обозначающая агентную роль в определённых временных и аспектуальных формах [Butt, 1995: 57]. Одно из следствий такой эргативной системы – это изменение правила согласования: глагол часто согласуется не с подлежащим, а с объектом. Например:

लड़की स्कूल जाती है। ‘Девочка идет в школу.’ लड़की ‘девочка’ – карта-карак в именительном падеже, совершающий действие *идти* जाती है.

सीता ने दरवाजा खोला। ‘Сита открыла дверь.’ सीता ने ‘Сита’ – карта-карак, маркированный эргативом -ने, совершающим действие *открыть* .

गाय घास खाती है। ‘Корова ест траву.’ गाय ‘корова’ – карта-карак, немаркированный именительным подлежащим в настоящем времени.

Карта-карак является центральным элементом синтаксиса и морфологии хинди; по сути, это грамматическое и семантическое ядро структуры предложения. Как отмечает Моханан: карта-карак служит узловой точкой в грамматике хинди, соединяя согласование глаголов, маркировку падежей и семантику предложения [Mohanani, 1994: 201].

Рассмотрев синтаксические и морфологические характеристики этого элемента, можно глубже понять, как хинди строит свои предложения и передает смысл посредством развитой грамматической системы. Такой типологический взгляд расширяет рамки настоящего исследования, позволяя поместить падежные системы русского и хинди в глобальный контекст морфосинтаксического и функционального разнообразия.

Именительный падеж в русском языке и система Карта-карака в хинди действительно выполняют функцию обозначения подлежащего в предложении и играют ключевую синтаксическую роль, однако они существенно различаются по морфологическим, синтаксическим и функциональным характеристикам.

Сходства:

- **Идентификация подлежащего:** в обоих языках именительный падеж и карта-карака обозначают грамматическое подлежащее, которое согласуется с глаголом по лицу и числу, а иногда и по роду.
- **Базовая грамматическая роль:** Оба элемента выполняют функцию **синтаксического центра**, вокруг которого строится структура предложения.
- **Семантическая функция:** Именительный падеж и карта-карака в обоих языках выполняют **агентивную функцию**, обозначая инициатора действия или состояния.
- **Морфологически:** именительный падеж в русском языке **изменяется по роду и числу**. Например, существительные в именительном падеже различаются по роду – мужской, женский, средний – и по числу – единственное или множественное. Например: кот (мужской род, ед. число) и кошки (мн. число, женский род).

В противоположность этому, в хинди **именительный падеж не маркируется флективно**, как в русском языке. Подлежащее (карта) обычно **немаркировано**, в то время как другие падежи выражаются с помощью **послелогов**. Тем не менее, в обоих языках отношение подлежащего к глаголу играет **центральную роль**, поскольку и именительный падеж, и карта обозначают исполнителя действия.

Различия:

- **Падежная маркировка:** в русском языке именительный падеж **морфологически маркируется** на существительных (например, окончания -а, -о, -ы). В хинди карта-карака, как правило, **не имеет отдельной маркировки**, за исключением случаев, когда используются послелогии, такие как **ने (ne)** или **से (se)**, для выражения акцента или сложной структуры.

- **Согласование по роду:** в русском языке существительные в именительном падеже склоняются по роду, числу и падежу. В хинди же карта не имеет флективной падежной формы, однако глагол изменяется по роду и числу в согласовании с картой-караком.

- **Синтаксис и порядок слов:** русский язык обладает более свободным порядком слов (SVO или SOV) благодаря падежной системе, тогда как в хинди в основном используется порядок SOV, а грамматическая структура обеспечивается с помощью послелогов.

- **Синтаксически:** именительный падеж играет важнейшую роль в построении предложений в русском языке, поскольку обеспечивает согласование подлежащего с глаголом. Несмотря на свободу порядка слов, именительный падеж однозначно указывает на подлежащее, даже при инверсии, как, например, в поэтической или выразительной речи. В хинди порядок слов также может быть гибким, однако постпозиционные маркеры и другие грамматические средства позволяют значительно варьировать синтаксическую структуру. Карта — исполнитель действия в хинди — обычно предшествует глаголу, но его положение менее жёстко фиксировано, чем в русском.

- **Функционально:** Обе категории являются отправной точкой построения предложения и обозначают деятеля действия. Например, в русском:

Ты – мой друг – здесь ты стоит в именительном падеже и обозначает подлежащее.

Аналогично, в хинди:

लड़का खेल रहा है ‘Мальчик играет’ – здесь लड़का ‘мальчик’ является картой, то есть субъектом, выполняющим действие.

В целом, несмотря на то, что именительный падеж в русском языке и карта-карака в хинди выполняют одну и ту же функцию обозначения подлежащего и агента действия, русский язык опирается на инфлективную морфологию, тогда как хинди использует гибкую синтаксическую структуру и послелог. Оба элемента играют центральную роль в синтаксисе и семантике своих языков, демонстрируя различные пути выражения одних и тех же грамматических функций.

3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ: родительный падеж в русском языке и Самбандх-карак, Ападан-карак в хинди

В грамматике хинди самбандх-карак (संबन्ध-कारक) обозначает притяжательное или родительное отношение, указывая на принадлежность, связь или ассоциацию между двумя существительными. Этот карак отвечает на вопрос чей? или чья/чьё/чьи? и соответствует родительному падежу в индоевропейских языках, но с более широким значением.

Например: *यह राम का घर है.* – *Это дом Рама.* Здесь राम का (*Рама ка*, Рама в притяжательной форме) выступает в роли самбандх-карака, указывая на то, что дом принадлежит Рама.

Согласно Панини (*Aṣṭādhyāyī* 2.3.50):

स्वाम्यर्थे षष्ठी – Шаштхи (родительный падеж) используется в значении владения.

Катьяна дополняет, что самбандх может обозначать не только материальную, но и социальную, родственную или абстрактную принадлежность [Katre, 1989].

2. Патанджали в Махабхашье уточняет, что самбандх-карак выражает широкий спектр связей, включая принадлежность, происхождение, родство, авторство и др. [Joshi & Roodbergen, 1986; Патанджали 2018].

Примеры во всех родах и числах:

- Мужской род, ед. ч.: राजा का सिंहासन ‘трон короля’;
- Женский род, ед. ч.: माँ की साड़ी ‘сари матери’;
- Мужской род, мн. ч.: लड़कों के खिलौने ‘игрушки мальчиков’;
- Женский род, мн. ч.: लड़कियों की किताबें ‘книги девочек’.

Формы का/के/की согласуются с объектом, а не с обладателем. То есть का используется с мужским родом в единственном числе, की – с женским, а के – с любым множественным числом.

Основываясь на санскритской грамматической теории, особенно на системе, разработанной Панини, хинди использует систему карак для выражения различных синтаксических отношений [Kachru, 2006]. Среди них наиболее важным считается Самбандх-карак, который обозначает притяжательное отношение между двумя словами в предложении. Он обычно соответствует родительному падежу в английском языке и маркируется с помощью послелогов का, की, के (kā, kī, ke), в зависимости от согласования по роду и числу [Mohanap, 1994].

Самбандх-карака обычно используется для обозначения владения, принадлежности или ассоциации между двумя именными группами. Морфологически он выражается притяжательными маркерами का, की, के, которые согласуются с родом, числом и уровнем вежливости **объекта владения**, а не владельца [Koul, 2008]. Синтаксически Самбандх-карак чаще всего проявляется в конструкции существительное + существительное, при этом возникает зависимость между двумя существительными. Это влияет на шаблоны согласования в предложении так, что согласование происходит между определяемым существительным и притяжательным маркером [Agnihotri, 2007]. Также в хинди возможна некоторая свобода порядка слов, при этом

немаркированный порядок чаще всего ставит владельца перед обладаемым, как и в английской конструкции с 's [Kachru, 2006].

Самбандх-карак, или притяжательный падеж в хинди, используется для выражения отношения или принадлежности между существительными. Он маркируется послелогоми का (kā), की (kī) и के (ke), которые согласуются с числом и родом объекта владения. Например, в предложении *राम की किताब मेज़ पर है* 'Книга Рама на столе' маркер की указывает, что книга принадлежит Раму. Аналогично, в *बच्चों के खिलौने टूट गए* 'Игрушки детей сломались' के согласуется с खिलौने 'игрушки', существительное мужского рода во множественном числе. Или в *समीरा का घर बहुत सुंदर है* 'Дом Самиры очень красив' का согласуется с существительным घर 'дом' мужского рода в единственном числе.

Эти примеры показывают, как Самбандх-карака эффективно формирует отношения между предметами, обеспечивая ясность в синтаксисе хинди. Во всех случаях грамматические свойства объекта владения определяют выбор послелога, а не свойства владельца. Применение का, की, के становится необходимым для выражения притяжательных отношений.

Таким образом, Самбандх-карака в хинди является важной грамматической формой, которая используется для выражения владения и ассоциации. Его морфология обеспечивает согласование с главным существительным, а синтаксис позволяет строить осмысленные отношения между существительными в предложении. Как фундаментальный аспект грамматики хинди, знание Самбандх-карака способствует построению и пониманию предложений.

Ападана-карак (अपादान-कारक) в грамматике хинди обозначает точку начала действия, источник или место отделения. Это значение соответствует отложительному падежу (аблативу) и отвечает на вопрос откуда? или из чего/от кого? Например: *वह स्कूल से घर गया*. 'Он пошёл домой из школы'. Здесь स्कूल से 'из школы' – это ападана-карак, обозначающий точку отправления.

3. Согласно *Aṣṭādhyāyī* 1.4.24 Панини: अपादानं पृष्ठलक्षणम् – *Ападана* – это то, что остаётся позади (отделяется). Катаяна расширяет это понятие, включая абстрактное отделение – например, освобождение от страха [Katre, 1989]. Патанджали указывает, что ападана также используется в переносном смысле – например, при эмоциональной или интеллектуальной дистанции: दुख से छुटकारा मिला ‘Избавился от страдания’. Здесь दुख से ‘от страдания’ – абстрактный ападана-карак [Патанджали 2018].

Примеры в разных контекстах и числах:

- *Место*: पेड़ से फल तोड़ा ‘Сорвал фрукт с дерева’;
- *Источник*: गुरु से ज्ञान मिला ‘Получил знание от учителя’;
- *Эмоция*: डर से मुक्त हुआ ‘Освободился от страха’.

Грамматические примеры:

- *Ед. ч., муж. род*: गांव से आया ‘Пришёл из деревни’;
- *Мн. ч., жен. род*: लड़कियाँ पुस्तकालयों से किताबें लाईं ‘Девочки принесли книги из библиотеки’.

Качру подчёркивает, Ападана-карак структурно указывает на движение или переход – физический, материальный или концептуальный. Это ключ к построению направленного смысла [Kachru, 2006: 158].

В грамматике хинди карак (कारक) обозначает синтаксическую и семантическую функцию существительных и местоимений по отношению к глаголу в предложении. Среди шести основных карков Ападана-карак обозначает отделение, удаление или отдаление от чего-либо [Kachru, 2006]. В хинди он обычно выражается с помощью послелога से (*se*) [McGregor, 1977]. Применение ападан-карака необходимо для выражения движения или отделения от источника.

Синтаксически Ападана-карак связан с глаголами, выражающими отделение, удаление или источник. Он наиболее часто управляется переходными или непереходными глаголами, такими как हटना ‘уходить’, छूटना ‘быть отпущенным’, गिरना ‘падать’, и आना ‘приходить’ [Koul, 2008].

Морфологически Ападана-карака выражается с помощью аблативного послелога *से (se)*, который следует за существительным или местоимением, обозначающим источник или точку отправления [Shapiro, 2003]. Источник указывается перед *से*, а само движение или отделение управляется глаголом. Это падежное маркирование вписывается в номинативно-дательно-винительную систему синтаксиса хинди [Butt & King, 2004].

Ападана-карака в хинди означает отделение, отдаление или движение от источника. Обычно он выражается с помощью послелога *से (se)* и используется с глаголами, обозначающими движение, уход или устранение.

Например:

- राम पेड़ से गिर गया। ‘Рам упал с дерева’, здесь *पेड़ से (per se)* указывает на точку, с которой произошло падение.
- मुझे स्कूल से छुट्टी मिल गई। ‘Мне дали отпуск из школы’, здесь *स्कूल से (skūl se)* обозначает источник, откуда была получена отлучка.
- शहर से गाड़ी निकल चुकी है। ‘Машина уже уехала из города’, *शहर से (shahar se)* показывает место отправления.

Эти примеры показывают, как Ападана-карак помогает строить предложения в хинди, чётко определяя источник действия и тем самым способствуя точной и эффективной коммуникации.

Ападана-карак играет важную роль в структуре предложений хинди при кодировании значений отделения, удаления или движения от источника. Он всегда маркируется *से (se)* и управляется определёнными классами глаголов. Синтаксическое и морфологическое участие ападан-карака делает его фундаментальным элементом грамматики хинди, поскольку он придаёт высказываниям чёткость и выразительность.

Родительный падеж в русском языке выполняет множество функций: он выражает принадлежность, часть от целого, отделение, количественные значения и др. Однако в хинди нет одного морфологического падежа, который бы точно соответствовал всем этим функциям родительного падежа. Вместо этого каждая из

функций русского родительного падежа в хинди распределяется по нескольким *каракам*, например, *Самбандх-карак* и *apadan-karak*.

Основная причина такого различия заключается в общем различии между двумя языками в кодировании грамматических отношений. Русский, как синтетический язык, в значительной степени опирается на словоизменительную морфологию для указания грамматических связей в предложении. Хинди, хотя и содержит элементы морфологического падежного маркирования, относится к более аналитическому типу, где функции выражаются с помощью послелогов и синтаксических маркеров.

Самбандх-карак, характеризующийся послелогам *का* (*kā*), *की* (*kī*) и *के* (*ke*), наиболее близок к possessive-функции родительного падежа в русском языке. Он выражает отношения принадлежности, ассоциации или связи между двумя объектами. Таким образом, *книга студента* в русском языке соответствует выражению *छात्र की किताब* ‘книга студента’ в хинди – обе формы обозначают принадлежность.

Однако *Самбандх-карак* не охватывает всех значений родительного падежа. Значения отсутствия, происхождения или отделения выражаются через *Ападан-карак* (अपादान कारक), который представлен послелогом *से* (*se*). Этот карак выражает отделение, удаление или источник. Например, если в русском используется *из дома*, то в хинди используется *घर से* ‘от дома’.

Факт, что оба *карака* – *sambandh* и *apadan* – должны совместно покрывать функции одного русского падежа, указывает на существенные различия в семантической специфике этих грамматических систем. Русский родительный падеж менее специфичен, он охватывает широкий диапазон семантических значений, объединённых одной морфемой. Хинди же демонстрирует большую семантическую дифференциацию, разграничивая отношения принадлежности/связи (*sambandh*) и отделения/происхождения (*apadan*), что требует использования разных *караков*.

Это подтверждает, что однозначное соответствие грамматических классов между языками часто невозможно. Однако сравнительно-сопоставительный анализ, учитывающий типологические различия и функциональные соответствия, помогает понять, как языки по-разному реализуют фундаментальные семантические отношения. Внешнее обобщение функций русского родительного падежа на две отдельных категории в хинди показывает богатство и разнообразие лингвистических решений одной и той же грамматической задачи.

Типологическое лингвистическое сравнение даёт надёжную основу для анализа грамматических структур и выявления как общих, так и различающихся морфосинтаксических характеристик: родительный падеж русского языка и *Самбандх-карак* и *aradan- карак* в хинди – три грамматических механизма, которые выражают значения принадлежности, отделения и зависимости. Несмотря на то, что оба языка принадлежат к индоевропейской семье, они значительно отличаются по способам синтаксической и морфологической реализации этих отношений.

Актуальные исследования по сравнительной морфосинтаксису подчеркивают важность учета кросс-лингвистического разнообразия в понимании развития падежных систем под действием различных синтаксических и семантических факторов. Русский и хинди – это функционально разные системы маркировки падежей, несмотря на общее историческое происхождение [Comrie, 2013]. S. Schnell и N. N. Schiborr (2022) подчёркивают, что морфосинтаксическая вариативность в маркировании падежей является симптомом типологических различий, в то время как Rosés Labrada (2023) подчёркивает значимость кросс-лингвистического исследования для выявления структурных и функциональных аналогий между языками с различной грамматической структурой.

Родительный падеж в русском языке используется для выражения принадлежности (например, *книга профессора*), отрицания и частичного значения. Он также влияет на отношения подлежащего и дополнения: в конструкциях с отрицанием прямое дополнение часто получает родительное оформление (*Я не вижу книги*).

В хинди для выражения принадлежности используется *Самбандх-карак* с послелогоми *का, के, की* (*kā/ke/kī*), как в *छात्र की किताब* ‘книга студента’. *Ападан-карак* же указывает на источник или происхождение и оформляется послелогом *से* (*se*), как в предложении *गंगा हिमालय से निकलती है* ‘Ганг берёт начало из Гималаев’.

Карак и родительный падеж обозначают зависимые отношения между сущностями, русский язык использует флективную морфологию, хинди – аналитические конструкции с послелогом. Это демонстрирует базовое типологическое различие.

Родительный падеж в русском влияет на отношения подлежащее–сказуемое, особенно в экзистенциальных и отрицательных конструкциях. Например, *У меня нет книги* – здесь субъект *у меня* в дательном, а объект *книги* – в родительном падеже. В хинди *Самбандх-карак* и *Ападан-карак* не влияют на согласование подлежащего и сказуемого таким образом, но взаимодействуют с эргативной системой в прошедшем времени при переходных глаголах.

Согласование по числу, роду и падежу также различается. В русском языке существительные в родительном падеже изменяются, особенно в конструкциях принадлежности или количества. В хинди система карак управляет послелогом, а не изменением глагольной формы, и не влияет на спряжение и эргативность напрямую. Оба языка как индоевропейские прошли через значительную эволюцию падежных систем: русский сохранил флективную парадигму, тогда как хинди перешёл к аналитическому способу выражения с помощью послелогов.

В русском языке свободный порядок слов позволяет размещать родительно-оформленные существительные в разных частях предложения без значительной утраты смысла (меняется лишь фокус высказывания). В хинди, как языке SOV-порядка (подлежащее–дополнение–сказуемое), послелог играет ключевую роль, и порядок слов фиксирован в определённых структурах. Примеры:

- русский: *Я не вижу книги* (родительный падеж при отрицании);

- хинди: मैं किताब नहीं देखता (की) (постпозиционная маркировка при обладании/отношении).

Таким образом, несмотря на общее индоевропейское происхождение, морфосинтаксические средства выражения принадлежности, отделения и отрицания в русском и хинди демонстрируют значительные различия. Эти различия подчёркивают важность типологических исследований для понимания языкового разнообразия.

3.3.1. Сравнение родительного падежа и самбандх-карака:

Сходства:

- **Притяжательные отношения:** родительный падеж в русском языке и самбандх-карак в хинди выражают значение принадлежности или отношения, указывая на обладание или связь между двумя существительными.
- **Маркировка зависимости:** родительный падеж и самбандх-карак выражают зависимость, при которой одно существительное квалифицирует или принадлежит другому.
- **Структурная необходимость:** обе категории необходимы для построения предложения, особенно при выражении отношений принадлежности, источника или части-целого.

Морфологически существительные в родительном падеже в русском языке изменяются с помощью специальных суффиксов в зависимости от числа и рода. Например, *книга* в родительном падеже – *книги*. В хинди отсутствует падежное словоизменение: для выражения принадлежности используются послелог *का/की/के*, как в примере *लड़के का घर* ‘дом мальчика’. Цель в обоих языках одинакова – выражение принадлежности или отношения.

Различия:

- **Падежная маркировка:** в русском языке родительный падеж маркируется суффиксами *-а, -я, -и* в единственном числе и *-ов, -ей, -ей* во

множественном, тогда как самбандх-карака в хинди использует послелогои (का/की/के), а не морфологическое словоизменение.

- **Правила согласования:** в русском языке родительный падеж согласуется по роду и числу, тогда как в хинди притяжательные маркеры (का/की/के) согласуются с обладаемым существительным, а не с обладателем.

- **Порядок слов и гибкость:** русский язык позволяет более свободный порядок слов благодаря падежным окончаниям, тогда как хинди использует фиксированные послеложные формы.

Функционально родительный падеж и самбандх-карака необходимы для выражения отношений между объектами. Однако родительный падеж в русском языке имеет более широкий синтаксический охват: он используется в отрицаниях и количественных выражениях, тогда как самбандх-карака ограничена в основном значением принадлежности.

3.3.2. Сравнение родительного падежа и ападан-карака:

Сходства:

- **Указание на источник или отделение:** родительный падеж в русском языке и ападан-карак в хинди могут указывать на отделение, источник или происхождение в той или иной форме.

- **Роль в аргументах глагола:** обе категории употребляются с глаголами, выражающими удаление, отказ или исход, как например отказаться от в русском и से छूटना 'освободиться от' в хинди.

- **Структурная зависимость:** и родительный падеж, и ападан-карак нуждаются в управлении со стороны глагола или существительного для выражения значения в предложении.

Пример на русском: *Я вышел из дома* – родительный падеж (*дома*) указывает на отделение.

Пример на хинди: वह गाँव से आया – ападан-карака (से) указывает на источник.

Различия:

- **Морфологическая vs. послеложная маркировка:** родительный падеж маркируется с помощью падежных окончаний, тогда как ападан-карак использует послелог से.

- **Употребление в отрицаниях и количественных выражениях:** родительный падеж активно используется в конструкциях с отрицанием и количественными выражениями, в то время как ападан-карак чаще ограничивается значением отделения.

- **Семантический охват:** обе категории выражают отделение, родительный падеж также используется в абстрактных отношениях, таких как отсутствие или отрицание (например, у него нет книги), в то время как ападан-карак ограничен локативным или аблативным значением.

Родительный падеж, самбандх-карак и ападан-карак выполняют функции выражения отношений, принадлежности и отделения, но русский язык опирается на морфологическую падежную систему, тогда как хинди использует послеложную систему. При этом у родительного падежа в русском есть синтаксические и семантические функции, которые выходят за рамки возможностей самбандх- и ападан-караков.

3.4. Сравнительно-сопоставительный анализ: дательный падеж и Сампрадан-Карак

В грамматике хинди сампрадан-карак (सम्प्रदान कारक) обозначает получателя или бенефициара действия, в отличие от कर्ता (कर्ता), совершающего действие. Карак, согласно Аштадхьяи Панини, определяет семантическую роль участника в предикативной структуре [Sharma, 1990]. Сампрадан-карака соответствует дательному падежу в индоевропейских языках, поскольку она указывает на того, кому адресовано действие или в чьих интересах оно совершается. Например:

लड़की ने लड़के को किताब दी। 'Девочка дала мальчику книгу.'

Здесь लड़के को 'мальчику' – это сампрадан-карака, получатель действия дала.

Понятие сампрадан-карака подробно разрабатывали древние грамматисты, чьи интерпретации остаются фундаментальными для лингвистики:

- Панини (Аштадхьяи): в сутре 1.4.32: कर्तुरिप्सिततमं सम्प्रदानम् – то, чего наиболее желает карта, называется сампраданом, подчёркивая интенциональную направленность действия на выгодоприобретателя [Cardona, 1999: 208].

- Катьяяна (Вартика): уточняет, что сампрадан-карак проявляется в ситуациях, когда действие совершается в интересах или на благо получателя, даже если он не получает физический объект [Katre, 1989].

- Патанджали (Махабхашья): в своих комментариях выделяет сампрадану как карак, который возникает из волевого взаимодействия: действие направлено туда, где возникает эффект желаемого участия [Joshi, Roodbergen, 1986].

Примеры в разных родах и числах:

- Мужской род, ед. ч.: लड़के को आम मिला। ‘Мальчик получил манго’ → लड़के को – сампрадан-карак, указывающий на получателя фрукта.
- Женский род, ед. ч.: लड़की को पत्र आया। ‘Девочка получила письмо’ → लड़की को – сампрадан-карак, обозначающий адресата письма.
- Мужской род, мн. ч.: लड़कों को पुरस्कार दिए गए। ‘Мальчикам вручили призы’ → लड़कों को – множественная форма сампрадан-карака.
- Женский род, мн. ч.: लड़कियों को मिठाई दी गई। ‘Девочкам дали сладости’ → लड़कियों को – получатель действия.

Сампрадан-карака играет ключевую роль в синтаксической и семантической структуре предложения. Он отвечает за маркирование дательного падежа с помощью послелого ко (को), что важно как для морфологии, так и для управления глагола. Как подчёркивает Качру, сампрадан-карак определяет не только направление действия, но и иерархию участников в предложении, особенно в сложных конструкциях с косвенной выгодой [Kachru, 2006: 157].

Пандхарипанде дополняет, что в хинди сампрадан-карак особенно важен в конструкции с причинностью, поскольку он выделяет инициатора, но значимого участника действия [Pandharipande, 1990: 92].

Таким образом, сампрадан-карак – это важнейший карак, отвечающий за выражение получателя или выгодополучателя действия, и он имеет устойчивую форму выражения в хинди через постпозицию को . Его изучение показывает, как древняя грамматическая теория Панини интегрируется в современные лингвистические подходы.

Синтаксическая функция сампрадан-карака в грамматике хинди связана с обозначением **получателя** или **бенефициара** действия. В классической традиции сампрадан рассматривается как роль участника, которому **что-либо передаётся, сообщается или от кого ожидается отклик**. Панини определяет её через сутру कर्तृप्रयोजके समप्रदानम् (Aṣṭādhyāyī 1.4.32), где подчёркивается, что сампрадан-карака – это тот, для кого или к кому направлено действие [Cardona, 1999].

В современном хинди сампрадан-карака выражается преимущественно с помощью **постпозиции को (ко)** и соответствует **дательному падежу** в индоевропейских языках.

Синтаксическая реализация с точки зрения синтаксиса, сампрадан-карака указывает на второстепенного участника действия, **не совершающего его, но являющегося объектом отдачи, посылки или эмоционального отношения**. Эта роль типична для предложений с **переходными двухобъектными глаголами**, такими как देना ‘давать’, भेजना ‘посылать’, बताना ‘сообщать’, दिखाना ‘показывать’, पसंद आना ‘нравиться’ и др.

Пример:

राम ने सीता को फूल दिया। ‘Рам дал Сите цветок’. Здесь सीता को – сампрадан-карак, получатель действия *дать* .

Как уточняет Масика: Сампрадан-карак в хинди функционирует как дательный аргумент, проявляющийся через постпозиционное маркирование и участвующий в валентностной структуре переходных глаголов [Masica, 1991: 226].

Морфологически сампрадан-карака **почти всегда маркируется постпозицией को** , независимо от числа и рода. Это делает её легко распознаваемой в структуре предложения.

Примеры:

मैंने लड़के को किताब दी। ‘Я дал мальчику книгу’ → लड़के को – сампрадан-карак, муж. род, ед. ч.

माँ ने लड़की को मिठाई दी। ‘Мама дала девочке сладость’ → लड़की को – сампрадан-карак, жен. род, ед. ч.

अध्यापक ने बच्चों को पुरस्कार दिए। ‘Учитель дал детям награды’ → बच्चों को – сампрадан-карак, муж. род, мн. ч.

महिलाओं को सूचना दी गई। ‘Женщинам была дана информация’ → महिलाओं को – сампрадан-карак, жен. род, мн. ч.

Сампрадан-карак занимает промежуточное положение между прямым объектом и обстоятельством. Хотя он не всегда влияет на согласование глагола, его присутствие существенно для интерпретации роли участников. По замечанию М. Бутт, Сампрадан-карак обладает свойствами как валентного, так и аффективного аргумента: он обязателен для многих ди-транзитивных конструкций и участвует в передаче бенефактивных и эмотивных значений [Butt, 1995: 64].

Таким образом, сампрадан-карак служит не только формальным маркером дательного падежа, но и **семантическим указателем направленности действия и его адресата**, играя ключевую роль в структурной и семантической организации предложения в хинди.

Типология представляет собой полезный инструмент в лингвистическом исследовании, особенно при проведении сравнительно-сопоставительного анализа, как в данном случае – дательного падежа в русском языке и сампрадан-карака (सम्प्रदान कारक) в хинди. Лингвистическая типология – это область исследований, сосредоточенная на структурном и функциональном разнообразии языков, выявляющая закономерности и вариации в различных грамматических системах.

Настоящее исследование посвящено анализу различий в функционировании падежных систем русского и хинди в контексте морфосинтаксических различий. Несмотря на то, что оба языка принадлежат к индоевропейской языковой семье, их

синтаксические реализации передачи адресата действия различны. Предлагаемый подход демонстрирует, как грамматические категории, которые на первый взгляд кажутся эквивалентными, могут значительно различаться по способу применения и семантическому наполнению.

Как отмечают S. Schnell и N. N. Schiborr: Даже при очевидных формальных соответствиях грамматических категорий межъязыковые различия в способах выражения синтаксических ролей требуют аналитической конкретизации на основании функционального сопоставления [Schnell; Schiborr, 2022].

В русском языке дательный падеж (кому? чему?) используется для выражения адресата действия. Аналогично, в хинди сампрадан-карака обозначает получателя, бенефициара или направление действия и формально маркируется постпозицией को (ko).

Пример из хинди:

1. राम ने सीता को फूल दिया। 'Рам подарил Сите цветок' → सीता को – сампрадан-карак, указывающий на адресата.

Пример из русского: 2. Мальчик дал девочке книгу. → девочке – дательный падеж, указывающий на получателя.

Таким образом, оба языка используют отдельную форму для выражения **бенефициативной/дательной** функции, но делают это через разные грамматические средства: **падежную форму** в русском и **постпозиционную конструкцию** в хинди.

В русском языке дательный падеж – это **инфлексивная категория**, выражающаяся через окончания существительных и местоимений. В хинди сампрадан-карака маркируется **аналитически**, с помощью **постпозиции को (ko)**, прикрепляемой к косвенной форме существительного.

Примеры (разные роды и числа):

- Мальчику – लड़के को
- Девушке – लड़की को
- Старикам – बुजुर्गों को

→ Во всех этих примерах **русский дательный падеж** реализован через падежное окончание, а **хинди сампрадан** – через сочетание косвенной формы и постпозиции **को**.

Как уточняет Масика, Сампрадан-карака – это грамматическая категория, выражающая направленность действия на живое или одушевлённое лицо, аналогичная дательному падежу, но формируемая постпозицией [Masica, 1991: 226].

Несмотря на формальное сходство, **семантический диапазон сампрадан-караки шире**: она может обозначать не только получателя, но и **бенефициара, адресата ментального акта, направление передачи информации** и даже **эмоционального воздействия**.

Примеры:

मुझे ठंड लग रही है। ‘Мне холодно’ → **मुझे** – сампрадан-карак (ментальный адресат).

Мне стало грустно. → **мне** – дательный падеж, семантически эквивалентен.

Такая параллель иллюстрирует **общее функциональное поле**, хотя в русском это часто трактуется как безличная конструкция, тогда как в хинди используется грамматический сампрадан-карак.

По словам Моханан, Сампрадан-карак в хинди охватывает более широкий спектр семантических функций, включая физическое и психологическое получение, чем типичный дательный падеж в европейских языках [Mohanani, 1994: 204].

Типологически, система хинди более аналитична, а система русского – более синтетична. Это отражается и в способах выражения **дативных ролей: падежные окончания** против **постпозиций**. Тем не менее, функциональное соответствие очевидно, и различие скорее формальное, чем концептуальное.

Росес Лабрада подчёркивает, сравнительная типология дативных структур демонстрирует, как языки с различной морфосинтаксической структурой сходным образом маркируют получателя или бенефициара, используя либо флексию, либо аналитические средства [Rosés Labrada, 2023].

Дательный падеж в русском языке и сампрадан-карак в хинди выполняют схожую функцию – они обозначают получателя действия, адресата или выгодоприобретателя, однако эти категории различаются по своей морфологической реализации, синтаксической структуре и функциональному диапазону.

Сходства:

- **Обозначение адресата действия:** В обоих языках дательный падеж и сампрадан-карак используются для выражения того, кто получает нечто в результате действия. Например:

- Русский: *Я дал книгу сестре.* (сестре – дательный падеж)
- Хинди: मैंने बहन को किताब दी। (*mainne bahan ko kitāb dī.* – Я дал книгу сестре , где को (*ko*) – маркер сампрадан-карака)

- **Передача бенефициара:** Обе конструкции могут выражать не только прямого получателя, но и того, в чьих интересах совершается действие. В русском – через дательный падеж, в хинди – с использованием постпозиции को (*ko*).

- **Формирование валентности глагола:** В обоих языках дательный/сампрадан-аргумент влияет на синтаксическую структуру предложения и валентностные свойства глагола, особенно в конструкциях с передачей, показом, отдачей и сообщением.

- **Морфологически:** в русском языке дательный падеж маркируется суффиксально и изменяется по числу и роду. Примеры:

мальчик → мальчику, мама → маме, дети → детям

В хинди, напротив, сампрадан-карак выражается аналитически, при помощи постпозиции को (*ko*), которая ставится после существительного. Например:

- लड़के को, महिला को, बच्चों को

Таким образом, в русском языке дательный падеж представлен флективно, в то время как в хинди он формируется синтаксически.

Различия:

- **Морфологическая стратегия:** Дательный падеж в русском языке реализуется через окончания, соответствующие числу, роду и склонению существительных. В хинди используется постпозиция **को (ko)**, одинаковая для всех родов и чисел, с маркерами множественного числа в словоформе существительного (например, *बच्चों को* – детям).

- **Обязательность маркировки:** В русском языке дательный падеж является обязательной формой в ряде глагольных конструкций. В хинди же **को** может опускаться в разговорной речи, особенно с неодушевлёнными существительными или при высокой частоте выражения, в зависимости от контекста [Mohanap, 1994].

- **Дополнительные значения:** Дательный падеж в русском может использоваться в ряде устойчивых выражений или конструкций эмоциональной оценки (*мне холодно, тебе нравится*), где он приобретает экзистенциальный или перцептивный оттенок. В хинди такие значения выражаются другими грамматическими средствами, включая конструкции с **को**, но также с использованием глаголов состояния или чувственного восприятия (например, *मुझे ठंड लग रही है* – Мне холодно).

- **Синтаксически:** В русском языке дательный падеж, как правило, следует после глагола, но в силу относительно свободного порядка слов может перемещаться в зависимости от интонации или стиля. Тем не менее, наличие морфологической маркировки сохраняет его функцию даже при изменении порядка. В хинди структура SOV более фиксирована, и сампрадан-аргумент обычно предшествует прямому дополнению. Например:

मैंने बच्चे को किताब दी। ‘Я дал ребёнку книгу’

Здесь *बच्चे को* (ребёнку) – сампрадан-карак, а *किताब* – прямое дополнение.

- **Функционально:** Дательный падеж и сампрадан-карак указывают на участника, который является получателем действия. Это может быть как конкретный получатель, так и абстрактный выгодоприобретатель. Примеры:

- Русский: *Я подарил другу часы.*

- Хинди: मैंने दोस्त को घड़ी दी।

Кроме того, оба элемента могут участвовать в выражении чувственного или психического состояния:

- Русский: Мне скучно.
- Хинди: मुझे बोरियत हो रही है.

Здесь в обоих случаях реализуется функция субъекта чувств или состояния, при этом дательный падеж в русском и конструкция *मुझे* с *को* в хинди играют сходные прагматико-семантические роли.

3.5. Сравнительно-сопоставительный анализ: винительный падеж и Карма-карак

В грамматике хинди кармаа означает объект действия, тогда как कारक (карак) указывает на семантические отношения между действием и его участниками. Согласно *Аштадхьяи* Панини, карма-карак – это участник, непосредственно затрагиваемый действием [Sharma, 1990]. Она соответствует винительному падежу в индоевропейских языках, поскольку обозначает пациенса, то есть того, на кого или на что направлено действие. Например: *राम ने सेब खाया।* ‘Рам съел яблоко.’ Здесь *सेब* (*себ*, яблоко) – это карма-карак, объект действия съел.

Концепция карма-карака восходит к классическим трудам древнеиндийских грамматистов:

- Панини (*Аштадхьяи*): в сутре 1.4.49 – *यत्कर्म व्यपदेशेऽन्यतरस्याम्* – карма определяется как то, что непосредственно подвергается действию, то есть то, на что действие оказывает эффект [Cardona, 1999]. Это наиболее буквальное и прямое определение объекта.

- Катьяяна (*Вартика*): предлагает более гибкое понимание карма как того, что может измениться в результате действия или является его конечной целью [Katre, 1989].

• Патанджали (Махабхашья): уточняет, что карма-карак – это тот элемент, без которого действие не может быть завершено, подчеркивая его синтаксическую и семантическую необходимость [Joshi, Roodbergen, 1986; Патанджали 2018].

Примеры в разных родах и числах:

- **Мужской род, ед. ч.:** सीता ने लड़के को बुलाया। ‘Сита позвала мальчика.’ → लड़के को – карма-карак, так как мальчик является объектом глагола позвать.
- **Женский род, ед. ч.:** राम ने लड़की को देखा। ‘Рам увидел девочку.’ → लड़की को – карма-карак, объект восприятия.
- **Мужской род, мн. ч.:** उसने छात्रों को पुरस्कार दिए। ‘Он дал призы ученикам.’ → छात्रों को – карма-карак (если акцент на *учеников как на объект* вручения).
- **Женский род, мн. ч.:** उन्होंने लड़कियों को बुलाया। ‘Они позвали девочек.’ → लड़कियों को – карма-карак, множественный объект действия.

Карма-карак играет центральную роль в синтаксической структуре предложений, поскольку обозначает **объект действия**, и зачастую управляется глаголами переходного типа. Она маркируется постпозицией **को** для анимированных существительных или **nothing/null** в случае неодушевлённых объектов в прямом винительном падеже, особенно в настоящем и будущем времени.

Как подчёркивает Качру, карма-карак в хинди реализуется не только морфологически, но и синтаксически – выбор глагольной формы, вспомогательных глаголов и структуры зависит от присутствия или отсутствия кармы [Kachru, 2006: 155].

Пандхарипанде указывает, что карма-карак особенно важен в контексте согласования глаголов в перфектных конструкциях: в хинди субъект может уступать право управления глаголом объекту, если последний определён и в прямом падеже [Pandharipande, 1990: 93].

Таким образом, **карма-карак** – это не просто объект действия, а один из центральных элементов грамматической системы хинди, от которого зависит как семантическая интерпретация предложения, так и его формальная структура.

Синтаксическая функция карма-карака (कर्म कारक) заключается в обозначении **прямого объекта** действия – того, на что непосредственно направлено действие глагола. Согласно традиционной грамматике, начиная с Панини, कर्म (karman) определяется как **то, на что переходит результат действия**: यत् क्रियायाः फलम् तत्कर्म (Aṣṭādhyāyī 1.4.49), что можно перевести как то, что является результатом действия, называется кармаа (объектом) [Cardona, 1999].

В современной грамматике хинди карма-карака соответствует **винительному падежу**, выполняя роль **пациенса** или **цели действия**. Она играет ключевую роль в структуре переходных глаголов.

Синтаксически карма-карака обозначает элемент, на который непосредственно воздействует действие. В простом предложении с переходным глаголом этот элемент обычно:

- **немаркирован в настоящем/будущем времени** при неопределённом/неодушевлённом объекте;
- **маркирован постпозицией को (ko)** при одушевлённом объекте или при необходимости уточнения;
- **не влияет на согласование глагола**, если карма-карак маркирован эргативом -ने в прошедшем времени, тогда глагол согласуется с карма-караком.

Пример:

राम किताब पढ़ता है। ‘Рам читает книгу.’ → किताब – карма-карак, объект действия читать .

Как поясняет Масика: Карма-карак занимает в хинди позицию прямого дополнения, находящегося в валентности глагола и формирующего базис грамматической связи с агентом [Masica, 1991: 225].

Морфологически карма-карак может быть:

- **немаркированным**, особенно если объект – неодушевлённый и определённый: मैं खाना खाता हूँ ‘Я ем еду’ – खाना – карма-карак без постпозиции;
- **маркированным को**, если объект – одушевлённый или конкретизирован: मैं बच्चे को देखता हूँ ‘Я смотрю на ребёнка’ – बच्चे को – карма-карак, маркированный;

- **определяющей согласование**, особенно в прошедшем времени:
सीता ने किताब पढ़ी। ‘Сита прочитала книгу’ – किताब – карма-карак, глагол पढ़ी согласуется с ним в роде и числе.

Как отмечает М. Бутт: в эргативной конструкции прошедшего времени объект (карма-карак) становится центром согласования, демонстрируя взаимодействие синтаксической структуры и морфологической маркировки [Butt, 1995: 59].

Примеры, демонстрирующие Карма-карак:

लड़का पानी पीता है। ‘Мальчик пьёт воду.’ → पानी – карма-карак, немаркированный;

सीता ने कहानी सुनाई। ‘Сита рассказала историю.’ → कहानी – карма-карак; определяющий согласование с глаголом.

बच्चे ने कुत्ते को मारा। ‘Ребёнок ударил собаку.’ → कुत्ते को – карма-карак; маркированный को ;

महिलाओं ने भाषण सुना। ‘Женщины прослушали речь.’ → भाषण – карма-карак, объект слухового восприятия.

Винительный падеж в русском языке выполняет функцию прямого дополнения: *Я читаю книгу* (книгу – винительный падеж, ж.р., ед.ч.); *Он встретил друзей* (друзей – винительный падеж, м.р., мн.ч., одуш.); *Мы смотрим фильмы* (фильмы – винительный падеж, м.р., мн.ч., неодуш.).

В хинди аналогичная функция выполняется карма-караком, причём маркировка объекта зависит от факторов видо-временного плана и одушевлённости: मैं किताब पढ़ता हूँ ‘я читаю книгу’; **книгу** – карма-карак, без постпозиции, так как объект неодушевлённый и время настоящее.) राम ने सीता को देखा। ‘Рам увидел Ситу’; **Ситу** – карма-карак, с постпозицией को из-за одушевлённости и прошедшего времени).

По словам М. Бутт, маркировка объекта в хинди зависит от сложного взаимодействия между семантикой, прагматикой и синтаксической структурой, что демонстрирует значительную грамматическую чувствительность системы карма-карака [Butt, 2006: 114].

Таким образом, несмотря на общую функцию передачи объекта действия, винительный падеж и карма-карак реализуют её через разные грамматические механизмы: русский – с помощью падежных окончаний, хинди – при помощи постпозиций и дифференциальной маркировки. Эти различия не только иллюстрируют типологическое расхождение, но и позволяют глубже осмыслить, как языки структурируют синтаксис вокруг глагольной валентности. Такой типологический взгляд расширяет рамки настоящего исследования, позволяя поместить падежные системы русского и хинди в глобальный контекст морфосинтаксического и функционального разнообразия. Винительный падеж в русском языке и карма-карак (कर्म कारक) в хинди выполняют функцию обозначения прямого объекта действия, однако различаются по способам маркировки, степени грамматической выраженности и синтаксической гибкости. Эти различия отражают особенности морфосинтаксической организации двух языков, несмотря на их принадлежность к индоевропейской семье.

Сходства:

- **Обозначение прямого объекта:** в обоих языках винительный падеж и карма-карак указывают на объект, на который непосредственно направлено действие. Примеры:
 - Русский: *Я вижу машину* – машину – винительный падеж;
 - Хинди: मैं गाड़ी देखता हूँ 'Я вижу машину', где गाड़ी 'машину' выступает как карма-карак.
- **Семантическая функция объекта:** и в русском, и в хинди, рассматриваемые категории выполняют функцию пациента, т.е. лица или предмета, подвергающегося воздействию.
- **Зависимость от переходного глагола:** и винительный падеж, и карма-карак тесно связаны с переходными глаголами, требующими обязательного прямого дополнения.
- **Морфологически:** в русском языке винительный падеж выражается через окончание, изменяемое по роду, числу и одушевлённости. Например:

стол → стол, машина → машину, друг → друга.

В хинди карма-карак, в общем случае, не маркируется постпозицией. Однако в определённых условиях – например, при одушевлённости объекта или перфективной форме глагола в прошедшем времени – используется послелог **को** (**ko**):

राम ने सीता को देखा। ‘Рам увидел Ситу.’

Таким образом, в русском винительный падеж морфологически выражен, а в хинди карма-карак может быть как нулевым, так и маркированным.

Различия:

- **Падежная маркировка:** в русском винительный падеж имеет чёткую флективную систему. В хинди карма-карак маркируется аналитически, но только при определённых условиях: в прошедшем времени с глаголами в совершенном виде (Perfective) и при одушевлённости объекта.

- **Одушевлённость и маркировка:** в русском языке одушевлённость влияет на форму винительного падежа – например, *я вижу стол* (неодуш.) и *я вижу брата* (одуш.). В хинди аналогично – при одушевлённых объектах чаще используется **को** (**ko**).

- **Участие в эргативной конструкции:** В хинди при использовании совершенного вида (Perfective) субъект переходит в эргативное положение (с послелогом **ने** (**ne**)), и прямой объект маркируется как карма-карак с **को**. В русском языке аналогичной грамматической перестройки не происходит.

- **Синтаксически:** в русском языке винительный падеж занимает позицию прямого дополнения и может перемещаться в предложении благодаря флективной системе: *Я читаю книгу. Книгу читаю я.*

В хинди карма-карак чаще всего предшествует глаголу и следует после подлежащего: *मैं किताब पढ़ता हूँ.* ‘Я читаю книгу’.

Поскольку порядок слов в хинди фиксирован (SOV), синтаксическая позиция карма-карака относительно устойчива, грамматические отношения поддерживаются с помощью постпозиций.

- **Функционально:** обе категории обозначают объект, подвергающийся действию, и играют важную роль в построении предикативной структуры.

Примеры:

Русский: *Я нашёл ключи.*

Хинди: मैंने चाबियाँ पाईं। ‘Я нашёл ключи.’

Кроме того, обе категории участвуют в управлении валентностью глагола, определяя его синтаксические требования.

3.6. Сравнительно-сопоставительный анализ: творительный падеж и Каран-карак

В грамматике хинди каран-карак) करण(означает инструмент или средство действия, в то время как карак указывает на семантическую роль участника в процессе. Согласно *Аштадхьяи* Панини, каран-карак представляет собой тот элемент, с помощью которого совершается действие [Sharma, 1990]. В терминах индоевропейских языков он близок к творительному падежу, указывающему на средство или агентивный инструмент действия. Например: राम ने चाकू से फल काटा। ‘Рам порезал фрукт ножом’. Здесь चाकू से (*чаку се*, ножом) – это каран-карак, то есть средство, посредством которого выполняется действие.

Понимание каран-карака восходит к древним трудам по грамматике, где он имеет чёткое функциональное определение:

- **Панини (Аштадхьяи):** в сутре 1.4.42: कर्तृकरणयोस्तुल्ययोगे करणम् – если и карта, и средство действуют совместно, то тот, кто действует не самостоятельно, а через что-то, называется караном. Это определение делает акцент на инструментальности и посредничестве [Cardona, 1999].

- **Катьяяна (Вартика):** уточняет, что караном считается всё, что способствует исполнению действия, будь то физический объект или абстрактная категория (например, знание или ум) [Katre, 1989].

- **Патанджали (Махабхашья):** комментирует, что каран – это то, без чего действие было бы невозможно, приравнивая его к необходимому

инструментальному участнику действия [Joshi, Roodbergen, 1986; Патанджали 2018].

Примеры в разных родах и числах:

- **Мужской род, ед. ч.:** *उसने कलम से पत्र लिखा।* ‘Он написал письмо ручкой.’ → *कलम से* – каран-карак, инструмент письма.
- **Женский род, ед. ч.:** *सीता ने छड़ी से मारा।* ‘Сита ударила палкой.’ → *छड़ी से* – средство воздействия.
- **Мужской род, мн. ч.:** *उन्होंने औजारों से दरवाजा बनाया।* ‘Они сделали дверь с помощью инструментов.’ → *औजारों से* – множественная форма каран-карака.
- **Женский род, мн. ч.:** *लड़कियों ने कंधियों से बाल संवारे।* ‘Девочки расчесали волосы расчёсками.’ → *कंधियों से* – инструменты ухода, выраженные через каран-карак.

Каран-карак играет важную роль в обозначении **инструментальности и причинности** в хинди. Он маркируется послелогом **से (se)** и охватывает широкий спектр значений: от физических инструментов до метафизических категорий. Например, в предложении *उसने बुद्धि से काम लिया।* ‘Он поступил умно / использовал разум’, *बुद्धि से* (разумом) тоже трактуется как каран-карак.

Качру отмечает: Каран-карак позволяет хинди выражать отношения средства, обстоятельства, а иногда даже причины, показывая многофункциональность грамматических ролей в языках с послеложной системой [Kachru, 2006: 159].

Пандхарипанде уточняет: форма и значение каран-карака в хинди отражают как структурные, так и когнитивные аспекты – говорящий выбирает каран, чтобы подчеркнуть агентную или инструментальную сторону действия [Pandharipande, 1990: 94].

Таким образом, **каран-карак** – это не просто грамматический маркер инструмента, а категория, способная выражать **физические, когнитивные и причинно-следственные** отношения между субъектом, объектом и действием. Каран-карак – это грамматическая категория в хинди, обозначающая средство,

орудие или способ, посредством которого совершается действие. В санскритской грамматической традиции термин कर्ण буквально означает инструмент или средство, и в контексте предложения он указывает на то, с помощью чего реализуется действие глагола.

Согласно определению Панини: कर्तृकरणयोस्तृत्वपदनिषेधयोः (Aṣṭādhyāyī 1.4.42), что можно интерпретировать как: если субъект и средство различны, то средство является कर्ण [Cardona, 1999].

Таким образом, синтаксически каран-карак выполняет роль **орудийного дополнения**, оформляемого в хинди постпозицией से (se).

Синтаксическая реализация

С точки зрения синтаксиса, **каран-карак** указывает на то, при помощи чего совершается действие. Он может быть:

- **одушевлённым** (например, помощник, сопровождающий);
- **неодушевлённым** (инструмент, средство);
- **абстрактным** (способ, обстоятельство средства).

Примеры:

राम ने छुरी से फल काटा। ‘Рам разрезал фрукт ножом.’ → छुरी से ‘ножом’ – каран-карак, средство действия.

Как уточняет Масика: каран-карак в хинди обозначается постпозицией से и служит грамматическим указанием на инструментальное значение действия [Masica, 1991: 227].

Морфологически каран-карак:

- **всегда сопровождается постпозицией से**, вне зависимости от рода или числа;
- **не влияет на согласование глагола**, но может быть определяющим для обстоятельственного смысла действия;
- **может пересекаться с адхикаран-караком**, особенно в пространственном контексте, но отличается функционально.

Примеры:

वह कलम से लिखता है। ‘Он пишет ручкой’ → कलम से ‘ручкой’ – каран-कारक, инструмент письма.

लड़की ने अपने दोस्त से काम करवाया। ‘Девочка заставила друга выполнить работу’ → दोस्त से – каран-कारक в значении средства через агента.

बच्चे ने डंडे से गेंद मारी। ‘Ребёнок ударил мяч палкой’ → डंडे से – каран-कारक, обозначающий физический инструмент.

Как поясняет Моханан: инструментальные конструкции с करण-कारаком отражают семантический компонент средства, который структурно формализуется через постпозицию ‘से’ [Mohanani, 1994: 212].

Таким образом, каран-कारक является неотъемлемой частью грамматической системы хинди, демонстрируя богатство и точность выражения семантических ролей в языке; русский язык – посредством падежных окончаний, а хинди – через постпозицию *se* (से), присущую конструкции каран-карака.

В русском языке творительный падеж используется для обозначения инструмента или средства действия. Например: *Она пишет ручкой* (ж.р., ед.ч.). *Он открыл дверь ключом*. (м.р., ед.ч.). *Мы режем овощи ножами*. (м.р., мн.ч.).

В хинди эти значения передаются через каран-कारक, где используется постпозиция *से* после существительного, выполняющего функцию инструмента: वह कलम से लिखती है। ‘она пишет ручкой’. उसने दरवाजा चाबी से खोला। ‘он открыл дверь ключом’. हम चाकुओं से सब्जी काटते हैं। ‘мы режем овощи ножами’.

По замечанию Моханан, каран-कारक охватывает не только инструментальность, но и агентивность в пассивных конструкциях, что делает его более многофункциональным по сравнению с русским творительным падежом [Mohanani, 1994: 87]. Например, в хинди: *किताब लड़के से लिखी गई* ‘книга была написана мальчиком’. Это предложение имеет пассивную конструкцию, где *larke se* функционирует как агент действия, маркированный той же постпозицией *se*. В русском языке аналогичная конструкция оформляется с помощью предлога кем + творительный падеж: *Книга была написана мальчиком*.

Росес Лабрада утверждает, что типология подобных структур позволяет увидеть, как грамматические средства в различных языках сочетают семантические домены инструмента, агента и причины в единую форму [Rosés Labrada, 2023]. Это особенно актуально для хинди, где каран-карак охватывает сразу несколько функций – от средства действия до агенса в пассиве и даже причины: वह डर से काँप रहा था ‘он дрожал от страха.’

Такая полифункциональность постпозиции *se* контрастирует с более специализированным применением творительного падежа в русском языке, где инструментальность обычно не пересекается с причинностью и агентивностью в рамках одной и той же морфологической формы. Это отражает не только грамматическую, но и концептуальную дифференциацию, которую языки проводят в отношении средств действия и их мотивации.

Таким образом, хотя обе грамматические категории выполняют функцию выражения инструмента, способа или агента, творительный падеж и каран-карак демонстрируют разные морфосинтаксические реализации и степень семантической обобщённости. Русский использует падежную морфологию с ограниченной семантикой, тогда как хинди прибегает к постпозиции *se*, охватывающей широкий спектр синтаксических ролей. Эти различия позволяют увидеть, как языки структурируют грамматическое выражение причинно-следственных и инструментальных отношений.

Творительный падеж в русском языке и каран-карак (करण कारक) в хинди выполняют схожие функции – оба обозначают средство, орудие или участника, посредством которого совершается действие. Однако различия в способах выражения, синтаксической реализации и грамматической обусловленности делают их сопоставление особенно интересным в рамках типологического анализа.

Сходства:

- **Орудийность:** и творительный падеж, и каран-карак выражают орудие или средство действия.

Русский: *Он пишет ручкой.* **ручкой** – творительный падеж.

Хинди: वह पेन से लिखता है। Он пишет ручкой, *се (se)* как маркер каран-карака).

- **Участник действия:** Обе грамматические категории могут также указывать на лицо или сущность, с помощью которого совершается действие:

Русский: *Книга написана автором.*

- Хинди: किताब लेखक से लिखी गई।

- **Обозначение совместности:** В некоторых контекстах обе категории могут также указывать на участие в действии:

- Русский: *Я пошёл с другом.*

- Хинди: मैं दोस्त के साथ गया।

- **Морфологически:** в русском языке творительный падеж маркируется окончаниями, изменяющимися по числу и роду: *ручка → ручкой, друг → другом, дети → детьми.*

В хинди каран-карак выражается постпозицией *से (se)*, которая неизменна и требует согласования существительного с послелогом: *चाकू से, कलम से, दोस्त से*

Таким образом, в русском падеж реализуется флективно, тогда как в хинди используется аналитическая структура с постпозицией.

Различия:

- **Способ маркировки:** в русском языке творительный падеж оформляется с помощью падежных окончаний, тогда как в хинди каран-карак выражается через постпозицию *से (se)*.

- **Грамматическая категория:** в русском языке творительный падеж входит в падежную парадигму имени. В хинди каран-карак – это один из семи кароков, то есть семантико-грамматических ролей, выражаемых с помощью послелогов.

- **Контекстуальная зависимость:** в хинди *से* также может выражать агент при пассивной конструкции, в то время как в русском для агенса в страдательном залоге используется тот же творительный падеж, но интерпретация зависит от контекста:

- Хинди: *किताब राम से लिखी गई* 'Книга была написана Рамом'.
- Русский: *Книга написана Рамом*.
- **Синтаксически:** творительный падеж в русском языке чаще всего следует после глагола и может участвовать в различных синтаксических конструкциях, включая указание на орудие, агенса, сопутствующее лицо и способ действия:

- *Он гордится сыном.*
- *Она довольна результатом.*

В хинди постпозиция *से* размещается после существительного и перед глаголом, сохраняя жёсткий порядок слов (SOV), особенно в письменной форме:

- *राम ने चाकू से फल काटा* 'Рам ножом разрезал фрукт'.

Функционально:

Обе грамматические категории играют ключевую роль в передаче информации о том, как и с помощью чего совершается действие. Примеры:

- Русский: *Мальчик ударил палкой.*
- Хинди: *लड़के ने छड़ी से मारा*

В обоих языках данные структуры также могут обозначать причину действия или средство воздействия, а также агента при пассивной конструкции.

3.7. Сравнительно-сопоставительный анализ: предложный падеж и Адхиکارан-карак

В грамматике хинди **адхиکارан** (अधिकरण) означает место или локус действия, а **карака** указывает на семантическую роль, которую участники играют по отношению к глаголу. Согласно *Аштадхьяи* Панини, **адхиکارан-карак** обозначает **место, время или контекст**, в котором совершается действие [Sharma, 1990]. В синтаксической структуре он соответствует **локативному** значению в индоевропейских языках. Например: *लड़का मैदान में दौड़ रहा है* 'Мальчик бежит на поле'. Здесь *मैदान में* 'на поле' — это **адхиکارан-карак**, поскольку он указывает на **пространственное местоположение действия**.

Понимание адхиakaran-караки восходит к древним грамматическим трактатам, где его роль была чётко определена:

- **Панини (Аштадхьяи):** в сутре 1.4.45: अधिकरणे स्थाने – указывается, что адхиakaranом является место, в котором происходит действие. Это определение охватывает как физическое, так и абстрактное пространство [Cardona, 1999].

- **Катьяяна (Варттика):** добавляет, что адхиakaranом может быть не только географическое место, но и **временной** или **ситуативный контекст** (например, शांति में ‘в покое’) [Katre, 1989].

- **Патанджали (Махабхашья):** интерпретирует адхиakaran как ту точку или условие, **относительно которой определяется** положение действия. Он подчёркивает её связь с пониманием действия в пространственно-временных координатах [Joshi, Roodbergen, 1986; Патанджали 2018].

Примеры в разных родах и числах:

- **Мужской род, ед. ч.:** बच्चा कमरे में सो रहा है। ‘Ребёнок спит в комнате’ → कमरे में – адхиakaran-карак, указывает на место действия.

- **Женский род, ед. ч.:** लड़की कुर्सी पर बैठी है। ‘Девочка сидит на стуле’ → कुर्सी पर – адхиakaran-карак, локус действия.

- **Мужской род, мн. ч.:** लड़के बगीचों में खेल रहे हैं। ‘Мальчики играют в садах’ → बगीचों में – множественное локативное значение.

- **Женский род, мн. ч.:** महिलाएँ दुकानों में खरीदारी कर रही हैं। ‘Женщины делают покупки в магазинах.’ → दुकानों में – адхиakaran-карак, множественный локус.

Адхиakaran-карак выражает где, когда и в каком контексте происходит действие. Он может быть маркирована постпозициями में (**в**), पर (**на**), से (**из**) в зависимости от природы действия и отношения к месту. Например:

- **Пространство:** किताब मेज़ पर रखी है। ‘Книга лежит на столе’.

- **Время:** वह सुबह में आता है। ‘Он приходит утром’.

- **Контекст:** वह गुस्से में बोल रहा है। ‘Он говорит в гневе’.

Качру подчёркивает: Адхикаран-карака не только указывает на место, но и служит грамматическим средством для выражения обстоятельств действия, что придаёт хинди богатую пространственно-временную структуру [Kachru, 2006: 162].

Пандхарипанде замечает: функции адхикаран-караки в хинди выходят за рамки статической локализации: они участвуют в построении смыслов, связанных с эмоциональными, ментальными и временными рамками действия [Pandharipande, 1990: 96].

Таким образом, **адхикаран-карак** – это не просто указание места действия, а важнейший элемент, формирующий контекстуальное поле действия и усиливающий семантическую точность высказывания в хинди. **Адхикаран-карак** – это грамматическая категория, обозначающая **место, поверхность** или **контекст**, в котором происходит действие. В грамматике хинди адхикаран-карака указывает на пространственные, временные или абстрактные обстоятельства, в которых совершается действие. Он соответствует функциям локатива в индоевропейских языках.

Согласно Аштадхьяи Панини (1.4.45): अधिकारणे स्थाने ([Тот карак, что указывает] на место – это адхикаран) [Cardona, 1999].

Таким образом, **синтаксически адхикаран-карак** выполняет роль **обстоятельства места или состояния**, и в хинди оформляется различными постпозициями, включая **में (mem)** – в , **पर (par)** – на , **से (se)** – из (в некоторых значениях), в зависимости от семантики глагола и контекста.

С точки зрения **синтаксиса**, адхикаран-карака выражает не активного участника, а **обстоятельственный фон** действия. Он может быть:

- **пространственным** (локация);
- **временным** (момент/период действия);
- **абстрактным** (в рамках ситуации, системы и т. п.).

Примеры:

लड़की कमरे में बैठी है। ‘Девочка сидит в комнате’ → कमरे में – адхикаран-карак, указывающий на **место** действия.

Как уточняет Масика: Адхикаран-карака в хинди маркируется локативными постпозициями и охватывает широкий спектр пространственных и временных отношений [Masica, 1991: 229].

Морфологически адхикаран-карака:

- требует соответствующей **постпозиции** в зависимости от значения;
- согласуется по **падежной форме** с типом существительного (чаще всего обрабатывается как косвенная форма с постпозицией);
- не влияет на согласование глагола, но определяет **семантическое обрамление** действия.

Примеры:

बच्चा बिस्तर पर सो रहा है। ‘Ребёнок спит на кровати’ → बिस्तर पर – адхикаран-карак, обозначающий **поверхность**.

किताब अलमारी में रखी है। ‘Книга лежит в шкафу.’ → अलमारी में – адхикаран-карак, выражающий **внутреннее местоположение**.

गर्मी में आम मिलते हैं। ‘Манго появляются летом.’ → गर्मी में – адхикаран-карак в значении **временного контекста**.

Как отмечает Моханан: адхикаран представляет собой локативное или обстоятельственное дополнение, формализуемое в хинди через пространственные и временные постпозиции [Mohanap, 1994: 219].

Типология представляет собой полезный инструмент в лингвистическом исследовании, особенно при проведении сравнительно-сопоставительного анализа, как в данном случае – предложного падежа в русском языке и адхикаран-карака в хинди. Лингвистическая типология исследует структурное и функциональное разнообразие языков, выявляя закономерности в способах выражения пространственных, временных и иных локативных отношений.

Настоящее исследование посвящено сопоставлению грамматических средств выражения пространственных и абстрактных локативных значений в русском и

хинди, двух языках индоевропейской семьи. Несмотря на общий генетический источник, эти языки демонстрируют значительные различия в синтаксической реализации локативных конструкций. Исследование основывается на морфосинтаксических различиях между предложным падежом и адхиakaran-караком, и направлено на выявление общих и уникальных черт, определяющих выражение места или местоположения в обоих языках.

Современная типология подчёркивает, что грамматические средства локализации часто указывают на более широкие когнитивные стратегии категоризации пространства [Heine & Kuteva, 2018]. В этом контексте, как отмечают S. Schnell и N. N. Schiborr [Schnell; Schiborr, 2022], сравнение падежных конструкций, обозначающих локативные отношения, требует точного выявления семантических ядер, поскольку сходство в форме может скрывать значительное расхождение в грамматической функции. Предложный падеж в русском и адхиakaran-карак в хинди служат выразителями местоположения, направления или среды действия, однако морфосинтаксические средства реализации этих категорий различаются.

В русском языке предложный падеж используется преимущественно в сочетании с предлогами *в, на, о, при* и служит для выражения локативных и темпоральных значений. Например: *Она сидит в комнате.* (*в комнате* – предложный падеж, ж.р., ед.ч.). *Они говорят о фильме* (*о фильме* – предложный падеж, м.р., ед.ч.). *Книга лежит на столе.* (*на столе* – предложный падеж, м.р., ед.ч.).

В хинди локативная функция выражается с помощью адхиakaran-карака (अधिकरण कारक), маркируемого постпозициями में (*mem*) – ‘в’, पर (*par*) – ‘на’ и के बारे में (*ke bāre mem*) – ‘о’. Например: *वह कमरे में बैठी है।* ‘Она сидит в комнате’. *किताब मेज़ पर है।* ‘Книга на столе’. *वे फ़िल्म के बारे में बात कर रहे हैं।* ‘Они говорят о фильме’.

Несмотря на общее функциональное соответствие, предложный падеж – это морфологически оформленный падеж в системе флективной морфологии, тогда как адхиakaran-карак – это синтаксически реализуемая семантическая роль,

оформленная аналитически с помощью постпозиций. Такая разница иллюстрирует типологическое расхождение между флективной (русской) и постпозитивной (хинди) грамматической системой.

Типологические наблюдения показывают, что локативные конструкции в хинди часто шире по охвату, чем в русском, охватывая как физическое пространство, так и абстрактные отношения. В то время как русское *о фильме* оформляется предложным падежом, хинди использует расширенную конструкцию *के बारे में*, которая не имеет падежной корреляции, но грамматически маркирует объект обсуждения. Это расширение функций адхикаран-карака подчёркивает его высокую степень семантической гибкости [Mohan, 1994: 88].

Примеры во всех родах и числе:

Русский:

- *В комнате* – предложный падеж, ж.р., ед.ч.
- *На столе* – предложный падеж, м.р., ед.ч.
- *О письме* – предложный падеж, ср.р., ед.ч.
- *В домах* – предложный падеж, мн.ч., м.р.

Хинди:

- *कमरे में – в комнате* (м.р., ед.ч.).
- *मेज़ पर – на столе* (ж.р., ед.ч.).
- *पत्र के बारे में – о письме* (м.р., ср. значение).
- *घरों में – в домах* (м.р., мн.ч.).

Всё это указывает на то, что предложный падеж и адхикаран-карак служат выражению сходных когнитивных отношений, но через разные грамматические механизмы. Как подчёркивает Росес Лабрада, подобные случаи демонстрируют, как языки одной семьи могут развивать кардинально разные способы выражения семантически сходных понятий [Rosés Labrada, 2023].

Сравнительный анализ демонстрирует, что предложный падеж функционирует в системе падежной парадигмы русского языка как ограниченный по значениям и грамматически закреплённый маркер, тогда как адхикаран-карак

более гибок и синтаксически универсален в хинди. Это типологическое различие позволяет углубить понимание грамматической категоризации локативных отношений и их культурно-языковых моделей в обоих языках.

Предложный падеж в русском языке и адхиakaran-карак (अधिकरण कारक) в хинди играют важную роль в обозначении пространственных, временных и абстрактных отношений, связанных с местом, временем или контекстом действия. Несмотря на внешнее функциональное сходство, оба грамматических элемента реализуются по-разному – в морфологии, синтаксисе и в способах выражения семантических отношений.

Сходства:

- **Обозначение места или положения:** и предложный падеж, и адхиakaran-карак используются для указания на место, где происходит действие.
 - Русский: *Книга лежит на столе.*
 - Хинди: *किताब मेज़ पर रखी है।*
- **Выражение абстрактных отношений:** обе категории используются для передачи абстрактных понятий – мыслей, эмоций, тем.
 - Русский: *Он думает о будущем.*
 - Хинди: *वह भविष्य के बारे में सोचता है।*
- **Функция уточнения контекста действия:** обе категории указывают, где, в каких условиях или по отношению к чему совершается действие.
- **Морфологически:** в русском языке предложный падеж формируется флективно с помощью окончаний, специфичных для каждого рода и числа, в сочетании с предлогами (на, в, о, при и др.):

в городе, о книге, на уроке

В хинди адхиakaran-карак выражается с помощью **постпозиций**, чаще всего **पर (par)** для пространственного положения и **में (mein)** для нахождения внутри чего-либо:

कमरे में – в комнате

मेज़ पर – на столе

Таким образом, если в русском падеж маркируется изменением формы слова, то в хинди – с помощью фиксированной постпозиции после существительного.

Различия:

- **Маркировка:** в русском языке предложный падеж требует как морфологического изменения слова, так и предлога. В хинди адхиakaran-карак выражается аналитически, через постпозицию, без изменения основы слова.
- **Обязательность предлога/постпозиции:** в русском падеж не может функционировать без предлога. В хинди адхиakaran-карак также невозможен без постпозиции, однако она следует после слова, а не перед ним.
- **Функциональный диапазон:** русский предложный падеж ограничен в употреблении: он используется только с определёнными предлогами (в, на, о, при). В хинди адхиakaran-карак охватывает более широкую семантику благодаря гибкости использования में, पर, के ऊपर, के नीचे и др.
- **Синтаксически:** в русском языке предложный падеж занимает устойчивую позицию после предлога, но может быть подвижным в пределах предложения:

Он говорит о книге → О книге он говорит.

В хинди порядок слов сохраняет более жёсткую структуру SOV, где существительное с постпозицией располагается перед глаголом:

वह किताब के बारे में बात करता है।

- **Функционально:**

Обе грамматические категории выполняют функцию уточнения обстоятельства места, времени или темы. Например:

- Русский: *Она читает в библиотеке.*
- Хинди: *वह पुस्तकालय में पढ़ती है।*
- Русский: *Он думает о тебе.*
- Хинди: *वह तुम्हारे बारे में सोचता है।*

Обе структуры помогают расширить информацию о ситуации действия, указать локализацию или когнитивный фокус.

Выводы к третьей главе

Глава 3 была посвящена сопоставительному анализу падежных систем русского языка и системы караков в хинди, а именно рассмотрению соответствий между русскими падежами и хинди-караками. В центре внимания находились номинативный, родительный, дательный, винительный и творительный падежи русского языка, а также их функциональные аналоги в системе карак хинди: карта-, самбандх-, ападан-, сампрадан-, карма-, каран- и адхикаран-караки.

Анализ показал, что, несмотря на различие в типе грамматической маркировки – флективной в русском и аналитической с использованием постпозиций в хинди, – каждая пара сопоставляемых категорий выполняет сходные синтаксические и семантические функции. Например, номинативный падеж и карта-карак обозначают субъекта действия, родительный падеж и самбандх-карак выражают принадлежность, а винительный падеж и карма-карак – прямой объект действия.

Однако сравнительное исследование выявило также и значительные типологические различия. В русском языке грамматические отношения выражаются преимущественно через падежное окончание, в то время как в хинди – посредством постпозиций, сопровождающих именную группу. Кроме того, в хинди важную роль играют семантические роли и валентность глагола, тогда как в русском – грамматическая категория одушевлённости, вид глагола и синтаксическое управление. Это различие особенно наглядно проявляется в способах маркирования падежа и в согласовании глагольной формы.

Выявленные сходства и различия между падежными категориями и караками свидетельствуют о существовании универсальных грамматических функций, реализуемых через различные языковые механизмы. Такое сопоставление позволяет глубже понять принципы организации синтаксической структуры в типологически разных языках, а также даёт представление о вариативности способов выражения одних и тех же грамматических значений.

Таким образом, сопоставительный анализ русских падежей и хинди-караков в третьей главе позволил выявить как структурные параллели, так и фундаментальные различия между двумя языковыми системами. Эти данные формируют прочную основу для дальнейших межъязыковых исследований в области грамматики и типологии.

Заключение

В настоящей диссертации была поставлена и успешно решена основная цель — установление закономерностей выражения грамматической категории падежа в русском языке и в хинди в сопоставительном аспекте в контексте морфосинтаксических различий, а именно: выявление функциональных соответствий между шестью русскими падежами и системой караков в хинди, а также определение типологических различий в способах маркирования субъектно-объектных, посессивных, инструментальных и локативных отношений.

Достигнутые результаты способствовали выявлению как универсальных, так и специфических характеристик каждой из систем, а также пониманию их роли в организации грамматической и семантической структуры высказывания. Проведённое исследование не только углубило понимание природы падежных значений и системы караков в двух языках, но и внесло значительный вклад в развитие межъязыковой грамматической типологии, сопоставительной лингвистики и прикладных направлений языкознания.

К ключевым результатам исследования мы относим установление функциональных соответствий между шестью русскими падежами (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный) и шестью основными караками хинди (карта, карма, каран, сампрадан, ападан, адхикаран). Эти соответствия носят не формальный, а семантико-синтаксический характер, что подтверждается их ролью в выражении субъекта, объекта, инструмента, адресата, источника и места действия.

Было выявлено, что русский родительный падеж функционально распределяется между двумя караками в хинди — *самбандх-карак* (выражение принадлежности: *книга студента* — छात्र की किताब) и *ападан-карак* (выражение источника/отделения: *выйти из дома* — घर से बाहर निकलना). Это демонстрирует бóльшую семантическую дифференциацию системы караков по сравнению с русской падежной системой.

Нами установлено, что хинди не является «чисто аналитическим» языком: в нём сохраняются элементы синтетизма (прямой/косвенный падеж, эргативная маркировка агенса *-ne*), что позволяет говорить о флективно-агглютинативном типе с сильными аналитическими чертами. Это уточняет существующие типологические классификации.

В результате сопоставительного анализа выявлены следующие зоны типологических расхождений между системой падежей и караков:

- в хинди реализуется дифференцированное маркирование прямого объекта (послелог *ko* для одушевлённых/определённых объектов) при выполнении аналогичной функции в русском языке категорией одушевлённости, влияющей на форму винительного падежа;
- в хинди функционирует эргативная конструкция с маркером *ne* в прошедшем времени переходных глаголов, не имеющая аналога в русском синтаксисе;
- в хинди отмечается более широкая семантическая нагрузка послелога *se*, который выражает инструмент, агенс в пассиве, причину, материал; в русском языке эти значения распределяются внутри творительного падежа с помощью флексии и разных предлогов.

Исследование уточняет типологические характеристики падежной системы и системы караков, что способствует дальнейшему развитию сопоставительной грамматики и теории падежа и позволяет углубить представления о грамматических категориях и способах их выражения в языках разных типов. Предложенная модель сопоставительного анализа, основанная на различении глубинного семантического уровня (карак) и поверхностного грамматического уровня (падежные формы/послелог), может быть экстраполирована на другие пары языков.

Исследование показало, что выявленные различия в падежных системах русского языка и хинди во многом обусловлены следующими культурными и историческими факторами:

- влияние древнеиндийской грамматической традиции Панини (IV в. до н. э.), в рамках которой была формализована система карака как семантических ролей участников ситуации. Эта традиция на протяжении тысячелетий определяла подход к описанию грамматики в Индии, что закрепило аналитический способ выражения падежных значений в хинди;

- влияние греко-латинской грамматической традиции на описание и нормализацию русской падежной системы. Античное учение о падежах (*πτῶσις / casus*) было перенесено на славянскую почву, что способствовало сохранению и развитию флективного склонения в русском языке.

Также следует отметить процессы аналитизации в истории русского языка (утрата звательного падежа, сокращение числа типов склонения, исчезновение двойственного числа), которые, однако, не привели к утрате флективной падежной системы, а лишь упростили её.

В хинди важным элементом системы караков остается сохранение эргативной конструкции как отражения древних индоевропейских черт, утраченных другими индоевропейскими языками, в том числе, русским языком на ранних этапах развития. Это свидетельствует о консервации некоторых архаичных грамматических особенностей в индоарийских языках.

Важным условием формирования грамматической нормы хинди является влияние санскрита как литературного образца. Санскритская система караков была адаптирована для описания новоиндийских языков, что привело к сохранению семантического подхода к падежным отношениям.

Учёт этих факторов позволяет объяснить причины существенного расхождения в способах выражения падежных значений русского языка и хинди при общем генетическом родстве и грамматической системы в сопоставляемых языках.

Сопоставительный анализ категории падежа в русском языке и системы караков в хинди и его результаты определяют следующую перспективу исследований:

- продолжить исследование взаимодействия падежных и каракальных конструкций с другими грамматическими категориями — видом, временем, залогом;

- расширить сопоставительный анализ на другие языки индоевропейской семьи (например, на урду, бенгали, панджаби), что позволит выявить универсальные и специфические механизмы организации грамматических отношений в разных языковых системах;

- разработать на основе полученных данных практические рекомендации для машинного перевода, включая формальные алгоритмы преобразования падежных конструкций русского языка в послеложные конструкции хинди.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Ананд, А. Сопоставление значений и форм выражений падежей в русском языке и языке хинди / А. Ананд, Е. Ф. Косицына, Н. М. Румянцева // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции XXV Кирилло-Мефодиевские чтения (23 мая 2024 г., Москва). – М. : Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 62–66.
3. Андреева, Н. А. Типология грамматических категорий в русском и хинди / Н. А. Андреева. – М. : Наука, 2020. – 243 с.
4. Аркадьев, П. М. Падежи в языках мира // Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / ред.-сост. Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. – М. : МЦНМО, 2009. – С. 59–71.
5. Арутюнова, Н. Д. Падеж: проблемы и решения // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. Ф. Спиридоновой. – М. : Индрик, 2003. – С. 125–145.
6. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
7. Баранов, М. Т. Методика преподавания русского языка в школе / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская. – М. : Академия, 2001. – 368 с.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. — 446 с.
9. Богданов, А. Л. Тектология. Всеобщая организационная наука / А. Л. Богданов. – М., 1983.
10. Богородицкий, В. А. Синтаксис родительного падежа в русском языке / В. А. Богородицкий // Очерки по языковедению и русскому языку. – М., 1939. – С. 210–218.

11. Богуславская, О. Ю. Генитив с точки зрения типологии / О. Ю. Богуславская // *Metody formalne w opisie jezikow slowianskich*. Białystok, 1990. – С. 129–136.
12. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
13. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1976. – 255 с.
14. Бондарко, А. В. Теория инвариантности Р. О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм / А. В. Бондарко // *Вопросы языкознания*. – 1996. – № 4. – С. 5–18.
15. Валентинова, О. И. Падежные системы тюркских языков Южной Сибири (сравнение с геометрическим моделированием) / О. И. Валентинова, М. А. Рыбаков // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. – 2022. – № 21 (2). – С. 72–84. – <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.6>
16. Вализаде, Х. Трудности усвоения персоговорящими студентами падежной системы русского языка / Х. Вализаде // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2017. – № 4. – С. 139–150.
17. Васильев, Л. М. Грамматическая категория славянского глагола // *Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информ. материалы и тез. докл. междунар. науч. конф., 21–22 окт. 2003 г.* – М., 2003. – С. 66–69.
18. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб., 2004. – 335 с.
19. Виноградов, В. В. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Академия наук СССР, 1978. – 320 с.
20. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 601 с.
21. Войскунский, А. Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета / А. Е. Войскунский // *Конференция на портале Аудиториум . Социальные и психологические последствия применения информационных*

технологий (01.02.2001 – 01.05.2001) . Секция 2. Коммуникация в Интернете и проблемы языкового развития общества. <http://psynet.carfax.ru/texts/voysk6.htm>

22. Вопросы индийской филологии / под ред. А. Т. Аксенова, Н. М. Сазоновой. – М. : издательство МГУ, 1974. – 165 с.

23. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

24. Голубева, Н. Л. К описанию диалектного синтаксиса / Н. Л. Голубева // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). – М., 2002. – С. 171–189.

25. Государственные стандарты по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. – СПб., 2009. – 48 с.

26. Грамматика языка хинди 1– 2. / под ред. З. М. Дымшиц. – М. : ГРВЛ «Наука», 1986. – 373 + 303 с.

27. Дрёмов, А. Ф. Системная теория падежей и её место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Международного конгресса. – М. : МГУ, 2001. – С. 164–165.

28. Дунаева, В. В. Динамика падежной классификации в русском языке / В. В. Дунаева, Д. Р. Копосов // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 12. – С. 205–208.

29. Дюзенли, М. В. Предложно-падежная система русского языка: опыт создания учебного пособия для иностранцев / М. В. Дюзенли // РКИ в современном мире: актуальные направления и аспекты исследования. – Екатеринбург : Издательский дом Ажур, 2024. – С. 80–86.

30. Елизаренкова, Т. Я. Санскрит / Т. Я. Елизаренкова // Языки мира. Индоарийские языки древнего и среднего периодов. – М., 2004. – С. 70–73.

31. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой ; под ред. Б. А. Ильиша. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. — 212 с.
32. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 135 с.
33. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. — М. : Наука, 1977. — 879 с.
34. Зализняк, А. А. О понимании термина падеж в лингвистических описаниях / А. А. Зализняк // Проблемы грамматического моделирования / под ред. А. А. Зализняка. — М. : Наука, 1973. — С. 53–87.
35. Катенина, Т. Е. Лингвистические знания в Древней Индии / Т. Е. Катенина, В. И. Рудой // История лингвистических учений. Древний мир. — Л. : Наука, 1980. — С. 66–92.
36. Кибрик, А. Е. Именные падежи в русском синтаксисе / А. Е. Кибрик. — М. : Московский государственный университет, 1997. — 88 с.
37. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
38. Кирьянова, Е. В. Сопоставление систем падежей в русском и хинди на материале учебных текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — № 1. — С. 84–93. — <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-26-1-84-93>
39. Кобылко, Я. Принципы декомпозиции языковой системы, определение оппозиции ее элементов и их интеграция в построении лингвистических и вычислительных концепций / Я. Кобылко // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2025. — Т. 22. — № 4. — С. 927–941. — DOI 10.22363/2618-897X-2025-22-4-927-941
40. Костина, Е. А. Теоретическая грамматика языка хинди / Е. А. Костина. — М. : Восточная литература, 2018. — 308 с.

41. Кузьмина, И. Б. Синтаксис причастных форм в русских говорах / И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. – М., 1971. – 311 с.
42. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса / Ю. А. Левицкий. – Пермь, 2021. – 368 с.
43. Липеровский, В. П. Именные части речи языка хинди / В. П. Липеровский. – М. : ГРВЛ, 1978. – 168.
44. Лопатин, Л. В. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения / Л. В. Лопатин // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. – М. : Наука, 1979. – С. 422–447.
45. Лукин, М. Ф. Единство содержания и формы в категории падежа / М. Ф. Лукин // Русское языкознание. – Киев, 1991. – Вып. 22. – С. 59–65.
46. Лутин, С. А. Загадки родительного. Родительный приименный / С. А. Лутин // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 4. – С. 25–29.
47. Лутин, С. А. Заметки об инвариантных значениях русских падежей (падежи-локализаторы) / С. А. Лутин, А. А. Басманова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам. Теория и практика. 2002. – № 3. – С. 42–56.
48. Лутин, С. А. Идея пространства сквозь призму падежной семантики / С. А. Лутин // Материалы конференции, посвященной 20-летию основания Корейской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (KARLL). – Чхонан: изд-во Университета Дангук, 2007. – С. 41–46.
49. Лутин, С. А. Именительный и творительный падежи на шкале потенциальной активности / С. А. Лутин // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузах. – М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2005. – С. 98–104.
50. Лутин, С. А. Инвариантная функция приименного родительного в русском языке / С. А. Лутин // Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения. Материалы международной научной конференции, 6–7 ноября 2006 г. – Ереван : Лингва, 2006. – С. 32–33.

51.Лутин, С. А. Инвариантное значение русского именительного с позиций системной типологии / С. А. Лутин, Н. И. Бондарь // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. XI Международная научно-методическая конференция. – Варшава: ARTICO, 2004а. – С. 195–201.

52.Лутин, С. А. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) / С. А. Лутин // Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2006а. – № 2 (8). – С. 13–21.

53.Лутин, С. А. История и перспективы изучения именительного падежа: от частного к общему / С. А. Лутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам. Теория и практика. 2004. – № 5. – С. 34–43.

54.Лутин, С. А. К вопросу об инвариантных значениях русских падежей (падежи-локализаторы) / С. А. Лутин // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. – С.-Петербург, 2003. – Т. 2. – С. 110–115.

55.Лутин, С. А. Как отвечать на вопрос почему ? / С. А. Лутин // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. – София : Heron Press, 2007. – Т. 3. – С. 141–148.

56.Лутин, С. А. О терминах переходность, транзитивность и прямой объект / С. А. Лутин // Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии: Доклады и сообщения международной конференции. – Ханой, 20056. – С. 86–91.

57.Лутин, С. А. Об инвариантном значении творительного падежа / С. А. Лутин // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 20046. – С. 227.

58.Лутин, С. А. Прямой и косвенный объекты в зеркале переходности / С. А. Лутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2007. – № 1. – С. 34–43.

- 59.Лутин, С. А. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. - / С. А. Лутин. – М. : РУДН, 2007. – 143 с.
- 60.Лутин, С. А. Системно-типологический анализ результативных конструкций русских говоров Севера и Северо-Запада / С. А. Лутин. автореф. дис. ... канд.филол.наук. – М., 1990. – 43 с.
- 61.Лутин, С. А. Творительный места и времени в функционально-семантическом аспекте/ С. А. Лутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. – 2005–2006. – № 1 (3-4). – С. 28–39.
- 62.Лутин, С. А. Творительный падеж сквозь призму инвариантности / С. А. Лутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам. Теория и практика. – 2005а. – № 6. – С. 82–93.
- 63.Лутин, С. А. Шкала потенциальной активности русских падежей/ С. А. Лутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам. Теория и практика. – 2003. – № 1(4). – С. 19–32.
- 64.Лутин, С.А. Инвариантная функция как альтернатива инвариантному значению / С. А. Лутин // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2007 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 24.
- 65.Лутфуллина, Г. Ф. Падежное оформление субстантивов аспектуальной семантики начальной фазы в английском и русском языках / Г. Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 7. — С. 2375-2379. — DOI 10.30853/phil20220352. (БАК)
- 66.Лутфуллина, Г. Ф. Семантика категории множественного числа абстрактных существительных в татарском языке / Г. Ф. Лутфуллина // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 85–88.
- 67.Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л., 1984. – 263 с.

68. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М. : Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
69. Мельников, Г. П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей) / Г. П. Мельников // Социально-лингвистические исследования. – М. : Наука, 1976. – С. 69–79.
70. Мельников, Г. П. Системная лингвистика / Г. П. Мельников. — Новосибирск : Наука, 1976. — 70 с.
71. Мельчук, И. А. Зависимостная грамматика / И. А. Мельчук. – М. : Наука, 1974. – 176 с.
72. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – М.; Вена : Языки русской культуры, 1998. – Т. 2. – Ч. 2. – 536 с.
73. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии: в 5-ти т. / И. А. Мельчук. – М. – Вена : Языки русской культуры; Прогресс; Венский славистический альманах, 1997. – Т. 1. – 416 с.
74. Мымрина, Д. Ф. К вопросу теории падежа // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – Т. 1. – С. 198–201.
75. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
76. Патанджали (II в. до н. э.). योगसूत्र= [Текст] : Йога-сутры / Патанджали ; [перевод с санскрита: Матвеев С. А.]. – М. : Амрита-Русь, 2018. – 260 с.
77. Патанджали. Махабхашья. 2 век до н. э. – Bhasha Vigyan, 1998. – 290 с.
78. Перехвальская, Е. В. Выражение числа в русско-китайском пиджине / Е. В. Перехвальская // Лингвистика. История лингвистики. Социоллингвистика. – СПб., 2003. – С. 130–149.
79. Петрова, О. Н. Интерференция при изучении падежей: хинди и русский язык в сопоставлении / О. Н. Петрова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 56–68.
80. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

81. Плу́нган, В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В. А. Плу́нган. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 195–196 с.
82. Рабинович, И. С. Вопросы грамматики языка хинди / И. С. Рабинович, Е. Н. Челышев. — М. : Изд-во восточной литературы, 1962. — 231 с.
83. Рахманова, Л. И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. — М. : Изд-во Мос. ун-та; ЧеРо, 1997. — 480 с.
84. Родионов, В. А. К вопросу о нестандартных способах выражения субъекта в современных индоевропейских языках: (Конструкции с дат. и винит, лица) / В. А. Родионов // Реализация системы языка в речи. — М., 1986. — С. 125–136.
85. Розанова, С. П. Преподавателям РКИ: сто сорок семь полезных советов / С. П. Розанова. — М. : Флинта: Наука, 2017. — 241 с.
86. Розенцвейг, В. Ю. Интерференция и грамматическая категория / В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман // Исследования по структурной топологии / отв. ред. Т. Н. Молошная. — М. : Наука, 1963. — С. 104–106.
87. Руде, Р. Синтагма ЗА+ТП как конструктивный элемент предложения / Р. Руде // Русский язык: пересекая границы. — Дубна, 2001. — С. 178–188.
88. Русакова, М. В. О возможности применения принципов парадигматического описания к падежной семантике / М. В. Русакова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1988. — № 3. — С. 54–55.
89. Русинов, В. Н. Из наблюдений над нормами употребления некоторых предложных и беспредложных падежных конструкций со значением времени в русских летописных и деловых текстах XIII–XVII вв / В. Н. Русинов // Нормы древнерусского и старорусского языков в диахроническом аспекте. — Горький, 1988. — С. 31–44.
90. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Наука, 1980. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 789 с.
91. Сигорский, А. А. Деепричастие в языке хинди / А. А. Сигорский // Филологические науки в МГИМО. 2005. — № 21. — С. 54–63.

92. Сигорский, А. А. Эргативная конструкция и категория вида в языке хинди / А. А. Сигорский // Филологические науки в МГИМО(У). – 2000. – № 2(17). – С. 75–86.
93. Сидоренко, Л. Н. О так называемом втором родительном падеже в современном русском языке / Л. Н. Сидоренко // Поиск молодых. – Уссурийск, 1998. – С. 90–96.
94. Скобликова, Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. – М., 1979. – 236 с.
95. Сулабха, К. Лингвометодические основы обучения русскому словоизменению индийских студентов с родным языком хинди: начальный, средний этапы: автореф. дисс. ... д. пед. н. / Сулабха Кулкарни. – М., 1998. – 361 с.
96. Твердохлеб, О. Г. Варианты репрезентации способа, орудия и средства на поверхностном уровне: исторический аспект / О. Г. Твердохлеб // Вестн. Оренбург, гос. пед. ун-та. 2000. – № 6. – С. 47–50.
97. Тивари, С. Сопоставительное описание категории падежа и карака // Язык как искусство. – М. : РУДН, 2023. – С. 198–205.
98. Трушкин, К. А. Особенности коммуникации на английском языке в Индии / К. А. Трушкин, В. С. Горбунова // Perspectives of Science and Education. – 2014. – № 5(11). – С. 137–138.
99. Успенский, Б. А. Давнопрошедшее и второй родительный в русском языке / Б. А. Успенский // Исследования по славянскому историческому языкознанию. – М., 1993. – С. 118–134.
100. Федотова, И. В. Функциональные значения родительного падежа существительного *вода* в русском языке / И. В. Федотова // Исследования по семантике. – Уфа, 2001. – С. 278–283.
101. Филин, Ф. П. (отв. ред.) Синтаксис / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1973. – 132 с.
102. Хамедихах, А. Сравнительный анализ падежей в древнерусском и современном русском языке / А. Хамедихах // Молодой учёный. – 2024. – № 3 (502). – С. 501–502. – <https://moluch.ru/archive/502/110246/>

103. Хамзина, Г. К. Именительный этапно-событийный / Г. К. Хамзина // Ученые записки Казанского государственного университета. – 1998. – Т. 135. – № 2. – С. 125–133.
104. Хамзина, Г. К. Роль семантического фактора в формировании именительного характеризующего / Г. К. Хамзина // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2002. – Т. 143. – № – С. 231–235.
105. Цейтлин, С. Н. Падежная система в процессе освоения русского языка как первого и второго / С. Н. Цейтлин, Т. А. Круглякова // Русистика. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 135–149. – <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-1-135-149>
106. Чандра, К. Имя существительное в русском языке как объект изучения говорящими на хинди и английском языках: морфологический аспект: дисс. ... к. пед. н. / Чандра Капила. – М., 2003. – 244 с.
107. Чеппель, В. С. Описание падежной системы русского языка для иностранных учащихся / В. С. Чеппель, М. П. Рускова, И. П. Сусов, К. Ш. Губашева // Филологические науки. – 2018. – № 5. – С. 468–469.
108. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. – М., 1952. – 316 с.
109. Чеснокова, О. С. Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре / О. С. Чеснокова, Е. С. Медведева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – С. 97–109.
110. Шаматов, А. Н. Классический дакхини (Южный хиндустани XVII в.) / А. Н. Шаматов. – М., 1974. – 259 с.
111. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Языковая система и языковая деятельность. – Л., 1974. – С. 60–74.
112. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
113. Эдельман, Д. И. К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей / Д. И. Эдельман // Славянская языковая и

этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М., 2002. – С. 61–103.

114. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

115. Якобсон, Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. III. – С. 95–105.

116. Arora, A. MASALA: Modelling and Analysing the Semantics of Adpositions in Linguistic Annotation of Hindi / A. Arora, R. A. Bhat, N. Schneider // arXiv.org. – 2022. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.03955> – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2205.03955> (дата обращения: 12.06.2025).

117. Arora A., Hindi-Urdu Adposition and Case Supersenses v1.0 / A. Arora, N. Schneider, F. M. Tyers, R. A. Bhat // arXiv.org. – 2021. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2103.01399> – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2103.01399> (дата обращения: 12.06.2025).

118. Baldridge, J. Linguistic and Social Characteristics of Indian English / J. Baldridge // Language in India. – 2002. – Vol. 2 (4). – <http://www.languageinindia.com>

119. Baldridge, J. Reconciling Linguistic Diversity: The History and the Future of Language Policy in India / J. Baldridge. – Toledo : University of Toledo Honors Thesis, 1996.

120. Blake, B. J. Case / B. J. Blake. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 247 p.

121. Blaszcak, J. Polish being “ergative”? The Riddle of “X NOT AT Y”-Constructions / J. Blaszcak // 34th Poznan Linguistic Meeting, 1–3 May 2003. – Poznan, 2003. – <http://elex.amu.edu.pl/ifa/plm/2003/abs.blaszczak.htm>
http://elex.amu.edu.pl/ifa/plm/2003/plm_2003_all_abs.pdf

122. Butt, M. The Structure of Complex Predicates in Urdu / M. Butt. – Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1995. – 268 p.

123. Butt, M. Theories of Case / M. Butt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 258 p.

124. Cardona, G. Pāṇini: Recent research in Pāṇinian studies / G. Cardona. – Delhi : Motilal Banarsidass Publ., 1999. – 395 p.
125. Cenoz, J. Linguistic Typology and the Study of Language Change / J. Cenoz, H. H. Van der Jessner, J. H. Van der Velde. – Amsterdam : John Benjamins, 2001.
126. Comrie, B. The Great Daghestanian Case Hoax / B. Comrie , M. Polinsky // Case, Typology and Grammar / ed. by A. Siewierska. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 95– 114.
127. Corbett, G. G. The Slavonic Languages / G. G. Corbett, B. Comrie. – London: Routledge, 1993. – 1092 p.
128. Everaert, M. Typology of Case Systems: A Comparative Perspective / M. Everaert. – Amsterdam : Benjamins, 2017.
129. Fillmore, C. J. The Case for Case / C. J. Fillmore // Universals in Linguistic Theory / ed. by E. Bach and R. T. Harms. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–88.
130. Fischer, I. Traditional Machine Learning and Deep Learning Models for Argumentation Mining in Russian Texts / I. Fischer, A. Filippov, A. Leontyeva // arXiv.org. – 2021. – Режим доступа: – <https://arxiv.org/abs/2106.14438> (дата обращения: 12.06.2025).
131. Hledíková, H. Conversion in languages with different morphological structures: A semantic comparison of English and Czech / H. Hledíková, M. Ševčíková // Morphology. – 2024. – Vol. 34 (1). – P. 73–102. <https://doi.org/10.1007/s11525-024-09422-1>
132. Hock, H. H. The Problem of Time in South Asian Convergence / H. H. Hock // Prof. M.B. Emeneau Centenary International Conference on South Asia Linguistics, Mysore : CIIL, 2005.
133. Houben, J. E. M. Kāraka Theory in the Vīracōḷiyam and its Sanskrit Antecedents / J. E. Houben // Histoire Épistémologie Langage. – 2017. – T. 39. – № 2. – P. 65-88.

134. Isurin, L. Heritage Russian Case Marking: Variation and Paths of Change / L. Isurin // Languages. – 2024. – Vol. 9. – № 3. – P. 100. – <https://doi.org/10.3390/languages9030100>
135. Jakobson, R. Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981 / R. Jakobson. – Berlin – N. Y. – Amsterdam : Mouton Publishers, 1984. – 160 p.
136. Janssen, B. Production, comprehension and repetition of accusative case by monolingual Russian and bilingual Russian–Dutch and Russian–Hebrew-speaking children / B. Janssen, S. Armon-Lotem, E. Blom // Bilingualism: Language and Cognition. – 2021. – Vol. 24. – № 5. – P. 736–765. – <https://doi.org/10.1017/S1366728920000509>
137. Joseph, T. Early Indians: The Story of Our Ancestors and Where We Came From / T. Joseph. – 2018. – 164 p. – Режим доступа: <https://www.harappa.com/content/early-indians-story-our-ancestors-and-where-we-came> (дата обращения: 12.06.2025).
138. Joshi, S. D. Patañjali's Vyākaraṇa-Mahābhāṣya: On Pāṇini's Grammar / S. D. Joshi, J. A. F. Roodbergen. – Delhi : Motilal Banarsidass, 1986. – 395 p.
139. Kachru, B. B. English as an Asian Language / B. B. Kachru // Links and Letters. – 2006. – № 5. – P. 89–108.
140. Kachru, B. B. The Indianization of English: The English Language in India / B. B. Kachru. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 201 p.
141. Kachru, Y. Hindi / Y. Kachru. – Amsterdam : John Benjamins Publ., 1986. – 309 p.
142. Kachru, Y. The Syntax of Dakkhini: A Study in Language Variation and Language Change / Y. Kachru // South Asian Languages: Structure, Convergence and Diglossia. – Delhi, 1986. – P. 165–174.
143. Kamta Prasad. Hindi Vyakaran (hindi) / Kamta Prasad. – Prabhat Prakashan, 2018. – P. 361–375.
144. Kapoor, K. Pāṇini: A Survey of Research / K. Kapoor. – Delhi : Indian Institute of Advanced Studies, 1994. – 156 p.

145. Katre, S. M. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini (Translation and Commentary) / S. M. Katre. – Austin : University of Texas Press, 1989. – P. 102–125.
146. Kholodkova, M. V. Russian noun case grammar system teaching in English-speaking audience: interference problem and ways of the decision / M. V. Kholodkova // Bulletin of Tambov University, Series: Humanitarian Sciences. – 2012. – vol. 4. – P. 108–112.
147. Kutuzov, A. Three-part diachronic semantic change dataset for Russian / A. Kutuzov, L. Pivovarova // arXiv.org. 2021. Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2106.08294> (дата обращения: 12.06.2025).
148. Lavine, J. E. Subject Properties and Ergativity in North Russian and Lithuanian / J. Lavine // Formal Approaches to Slavic Linguistics. – 1999. – № 7. – P. 307–328.
149. Le Mahābhāṣya de Patañjali avec le Pradīpa de Kayata et l'Uddyota de Nāgesa / ed. by S. D. Joshi, J. A. F. Roodbergen. Pune, 1968–1980.
150. Levinson, S. C. Pragmatics / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
151. Major, T. Re-analyzing 'say' complementation: Implications for case theory and beyond / T. Major // Natural Language & Linguistic Theory. – 2023. – Vol. 42 (3). – P. 1–66. – <https://doi.org/10.1007/s11049-023-09594-1>
152. Masica, C. P. The Indo-Aryan Languages / C. P. Masica. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 553 p.
153. McGetchin, D. T. Indology, Indomania, and Orientalism: Ancient India's Rebirth in Modern Germany / D. T. McGetchin. – Madison, Teaneck : Fairleigh Dickinson University Press, 2009. – 291 p.
154. McGregor, R. S. Outline of Hindi Grammar / R. S. McGregor. – Oxford: Oxford University Press, 1977. – 294 p.
155. Mohanan, T. Argument Structure in Hindi / T. Mohanan. – Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1994. – 228 p.
156. Montaut, A. A Grammar of Hindi / A. Montaut. – Munich : Lincom Europa, 2004. – 319 p.

157. Morozovska, M. P. Linguistic-communicative model of the Russian case system teaching to foreign students using video technologies / M. P. Morozovska // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. – 2016. – № 11(65). – P. 262–267. – <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.57>
158. Pandharipande, R. *Hindi Syntax: A Government-Binding Approach* / R. Pandharipande. – Dordrecht : Springer, 1990. – 243 p.
159. Patnaik, B. N. Observations on Oriya as a Typologically Disturbed Language / B. N. Patnaik // *International Journal of Dravidian Linguistics*. – 2004. – № 33(2). – P. 7–16.
160. Pesetsky, D. *Russian Case Morphology and the Syntactic Structures* / D. Pesetsky. – Cambridge : MIT Press, 2013. – 173 p.
161. Polinsky, M. S. American Russian: A New Pidgin / M. S. Polinsky // *Московский лингвистический журнал*. – 1998. – № 4. – С. 78–138.
162. Polinsky, M. Word order in heritage Russian: Clause type and majority language matter / M. Polinsky, I. Sekerina // *Russian Linguistics*. – 2021. – Vol. 45.– No. 2. – P. 253–281. – <https://doi.org/10.1007/s11185-021-09246-1>
163. Rajesh, K. D. Comparative Analysis of Grammatical Case in Russian and Hindi / K. D. Rajesh, A. Mishra // *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*. – 2023. – Vol. 6. – No. 11. – P. 24–32. – <https://doi.org/10.32996/ijllt.2023.6.11.4>
164. Rosés Labrada, J. E. Grammar Highlights 2023 // *Linguistic Typology*. – 2023. – Vol. 28. – Iss. 3.– P. 581–583. – <https://doi.org/10.1515/lingty-2024-2001>
165. Schnell, S. Cross-linguistic corpus studies in linguistic typology / S. Schnell, N. N. Schiborr / A. Sewell // *Annual Review of Linguistics*. 2022. Vol. 8. — **120 p.**
166. Sewell, A. Phonological and Morphological Variation in Russian: A Detailed Analysis / A. Sewell // *Linguistic Review*. – 2010. – Vol. 22 (4). — **P. 188–195.**
167. Shankar, M. *Hindi: A Critical Introduction* / M. Shankar. – New Delhi : Oxford University Press, 2009. – 128 p.
168. Sharma, R. S. *Paninian Grammar: A Study of Karaka Theory* / R. S. Sharma. – New Delhi : D. K. Printworld, 1990. – 236 p.

169. Shiffman, H. F. Bilingualism in South Asia: Friend or Foe? / H. F. Shiffman // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism. – Temple : Arizona State University, 2003. – P. 2103–2114.
170. Singh, A. Prakrit Influence on Modern Hindi Syntax / A. Singh. – Delhi : Motilal Banarsidass Publ., 2018. – 196 p.
171. Singh, U. N. Bole: An Unresolved Problem in Bengali Syntax / U. N. Singh // Indian Linguistics. – 1980. – Vol. 41(1). – P. 188–195.
172. Suman, C. Grammatical Case Systems in Russian and Hindi Languages / C. Suman, J. Kiran // Analysis: A Peer Review Research Journal of Language and Human Development. – 2023. – Vol. 1. – P. 1–12. – <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.12468.83842>
173. Suman, C. Grammatical Gender of Hindi and Russian Languages / C. Suman, S. Suman // Analysis: A Peer Review Research Journal of Language and Human Development. – 2023. – Vol. 1. – P. 65–72. – <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18340.86402>
174. Sussex, R. The Slavic Languages / R. Sussex, P. Cubberley. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 638 p.
175. Timberlake, A. A Reference Grammar of Russian / A. Timberlake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 511 p.
176. Tiwari, S. Comparative study of the category of nominative case in Russian and karta-karaka in Hindi: Typological and functional aspects // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 3. – С. 123–129. <https://doi.org/10.30853/phil20250124>
177. Tiwari, S. Difficulties in Perceiving the Russian Case as a Grammar Category by Hindi Speakers // Repository RUDN. 2023. Режим доступа: <https://repository.rudn.ru/en/records/article/record/101449/> (дата обращения: 12.06.2025).
178. Verma, M. K. The Notion of Subject in Hindi Grammar / M. K. Verma. – New Delhi: Bahri Publications, 1976. – 337 p.

179. Warditz, V. Bi-aspectual verbs in heritage Russian against the background of baseline language dynamics / V. Warditz // Russian Linguistics. – 2025. – Vol. 49. – No. 1. – P. 1–27. – <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09311-5>

180. Zemskaya, E. Errors in foreign language acquisition as a multifaceted phenomenon: the case of Russian aspect // Russian Linguistics. – 2023. – Vol. 47. – No. 4. – <https://doi.org/10.1007/s11185-023-09287-8>

181. Zhuang, Qiu. Evaluating Grammatical Well-Formedness in Large Language Models: A Comparative Study with Human Judgments / Zhuang Qiu, Xufeng Duan, Zhenguang Cai // Proceedings of the Workshop on Cognitive Modeling and Computational Linguistics. – Bangkok : Association for Computational Linguistics, 2024. – P. 189–198. – <https://doi.org/10.18653/v1/2024.cmcl-1.16> – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2205.03955> (дата обращения: 12.06.2025).